

Маргарита Андреевна Юшкова

ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

Краеведческий калейдоскоп.
Сборник документальных очерков
о земляках-людиновцах

Людиново 2009

Печатается в авторской редакции.

В сборник вошли материалы, собранные в 2005-2008 годах в экспедиции по родному краю краеведами МОУ «Игнатовская общеобразовательная средняя школа» Людиновского района Калужской области. Вот их имена:

Атаханова Елена	Озманян Надежда
Абрамова Виктория	Озманян Тина
Абрамчук Максим	Саратовцев Виктор
Бутузова Ольга	Саратовцев Александр
Бодрова Юлия	Солянкин Денис
Денисов Степан	Смирнова Людмила
Денисова Екатерина	Сурков Геннадий
Дудин Игорь	Таирова Олеся
Дудина Анастасия	Ульянова Юлия
Калиниченко Мария	Ульянова Наталья
Лакомкина Ольга	Филатова Ирина
Макеев Никита	Филатова Оксана
Макеев Николай	Шупляков Игорь

Встречи с интересными людьми Людиновского района надолго останутся в памяти школьников. И пусть герои данных очерков послужат всем примером стойкости, мужества и беззаветной преданности любимой Родине.

Автор благодарит работников типографии информационно-компьютерного центра «Коллегия», редактора газеты «Тепловозник» Морозову Татьяну Анатольевну, Кошелеву Софию Валерьевну, оказавших содействие в выпуске данной книги.

Встреча с выпускниками всегда радостна!
С Власенковой Еленой и Левичевым Владимиром.

Мои юные читатели!

Давно отгремела Великая Отечественная, но до сих пор у наших прадедов, сражавшихся на фронте, не зажили раны, нанесённые войной. Все те, кто мужественно защищал нашу Родину от нашествия вероломного врага, и те, кто в 15 лет в глубоком тылу выпускал снаряды наравне со взрослыми и выращивал хлеб для фронта, достойны ПАМЯТИ и всеобщего уважения.

У многих людей старшего поколения война подорвала здоровье. При жизни не все из них рассказывали о своём боевом пути, так как кому-то из них было тяжело вспоминать пережитое. Многих доблестных защитников Отечества, ваших прадедов и дедов, уже нет в живых, но в вашем доме есть семейные реликвии – награды, документы, фронтовые письма, которые помогут рассказать о их боевой юности и трудовой деятельности. Каждый человек старшего поколения вписал в историю Великой Отечественной войны свою страницу. Всем им выпала ответственная и смертельно опасная доля: они стали защитниками своей страны, которую горячо любили. И эту любовь, пронеся сквозь десятилетия, они подарили вам, мои юные друзья, и завещали продолжить их боевые и трудовые традиции.

Старшее поколение уверено в том, что вы будете также беззаветно любить и защищать нашу землю, которую мы зовём Родиной.

Вечная слава солдатам Победы!

* * *

Живущим и жившим
на нашей планете,
Ковавших победу в тылу
в сорок третьем
И в сорок втором,
в давнем сорок четвёртом,
О каждом из вас
мы расскажем потомкам.
Вы храбро сражались с врагом
за Россию,
И небо над Родиной
будет пусть синим.
С Победой вернулись домой
в сорок пятом -
От нас благодарность
бесстрашным солдатам!
О тех, кто погиб в боях жарких
на фронте,
Внуки живущие, правнуки,
помните!
Погибшим стоят у дорог
обелиски,
Прочтём в «Книге Памяти»
скорбные списки.
Нижайший поклон Вам
и Вечная Слава!
Пусть вами по праву
гордится Держава.
Есть доблесть солдатская
в пламенном сердце –
Подарим всем детям
счастливое детство!

Фронтовые дороги

На снимке
Иванюшин
Владимир Петрович
(в центре)

У времени свой бег. Все дальше уносит оно от нас период Великой Отечественной войны, но в памяти народной та война продолжает жить. Она будоражит умы, заставляет снова и снова перечитывать страницы истории, написанные кровью миллионов наших соотечественников, погибших на поле брани во имя спасения Родины от фашистского ига. История - это проявление души народа. Вот почему так важно сегодня воспитывать в подрастающем поколении уважение к минувшему. Владеть исторической памятью - значит усвоить опыт борьбы предшествующих поколений за мирное небо и счастье народа. Писатель Василий Белов констатирует: "Вне памяти, вне традиции и культуры нет личности. Память формирует духовную крепость человека".

За последнее десятилетие в связи с внедрением в нашу жизнь компьютеризации резко снизился читательский уровень школьников. По телевизору они предпочитают смотреть боевики, которые разрушают личность, а не служат ее формированию. И, к глубочайшему сожалению, все реже демонстрируют кинофильмы о Великой Отечественной войне, которые служат наглядным пособием в воспитании патриотизма школьников. Даже учебники по истории переписаны заново. Но ведь историю набело не перепишешь. Вот и приходится нам обращаться к ветеранам войны, чтобы восстановить поэтапно пройденный путь нашего народа. В апреле 2007 года краеведы Игнатовской школы встретились с

замечательным человеком, вписавшим свою яркую страницу в летопись истории, - Владимиром Петровичем Иванюшиным. Годы посеребрили его брови и голову, а глаза по-прежнему живо и пытливо смотрят на мир, излучая душевное тепло.

Владимир Петрович родился 30 августа 1925 года в городе Людиново. Его отец, Петр Алексеевич Иванюшин, прожил долго и умер в 1976 году на 90-м году жизни. Он начинал свою трудовую деятельность учителем, а потом из ГПТУ перешел на локомотивный завод и трудился инспектором котлонадзора.

Мать, Клавдия Федоровна, была домохозяйкой, как и многие другие женщины Людиново. Пятеро детей требовали постоянного внимания, ведь детских садов и яслей в ту пору еще не было в городе.

«Я успел окончить 7 классов перед войной. Угроза фашизма нависла над нашим городом, и в августе 1941 года мои родители вместе с другими заводчанами уезжали в Сызрань, куда была доставлена часть заводского оборудования, - рассказывает Владимир Петрович. - Мы, дети, не оставались в стороне, во всем помогали взрослым. Также с жадностью следили за сводками Совинформбюро о положении дел на фронте, переживали за родной город, занятый врагом. Каждый по силе своих возможностей стремился помочь нашей Армии. Выпускали боеприпасы, писали плакаты, сколачивали ящики. Тыловики в тяжелейших условиях, преодолевая усталость и болезни, безропотно переносили все лишения, холод и голод. Своим героическим трудом они тоже ковали победу».

В 1942 году в Сызрани Володя поступил в техникум НКПС (народный комиссариат путей сообщения). Уже со 2-го курса он был призван в Армию и попал в 27-й автомобильный полк, находившийся в с. Барыш Ульяновской области. Молодых бойцов не только обучали шоферскому делу, но и знакомили с воинским уставом, обучали стрельбе, ориентированию и т.п. Поэтому три месяца учебы в автошколе тоже были напряженными. Скучного питания едва хватало для поддержания организма, поэтому постоянно хотелось есть...

В июне 1943 года состоялся очередной выпуск. восемнадцатилетний водитель получил назначение в Ставку Верховного главного командования - в 19-й особый автомобильный полк. И начал спидометр отматывать километры фронтовых дорог, которым, казалось, не будет конца. Полк формировался в Ногинске, затем был переброшен под Воронеж. Так юный солдат Владимир Петрович Иванюшин попал в жаркое пекло грозной войны.

Велика была роль шофера на войне. Боеспособная Армия немислима без средств передвижения, и автомобильный транспорт играл такую же важную роль, как и железнодорожный, воздушный и водный. Сотни тысяч водителей в солдатских гимнастерках по 14-18 часов крутили ежесуточно "баранку", ведя машину по расхлябанной от дождей колее, по лесным дорогам, постоянно рискуя нарваться на вражеские мины. Владимир Петрович вспоминает:

«Нас сразу же посадили на "студебеккеры". Юнец совсем, я росточка небольшого, так заботливые друзья мне на сиденье подушечку положили - очень уж меня и других молодых опекали водители постарше. У них еще с "гражданки" опыт вождения за плечами, а мы этот опыт приобретали под свист пуль и разрыв снарядов».

Тогда отечественных автомобилей для нужд армии не хватало. Московский ЗИС (ныне ЗИЛ) в декабре 1941 года эвакуировался на Урал и в Поволжье. На восток с ЗИСа ушло около 8 тысяч вагонов с оборудованием. Более 4-х месяцев понадобилось рабочим на преобразование и реконструкцию цехов по выпуску автомобильной продукции. В Ульяновске стали сходить с конвейеров грузовики ЗИС-5. Горьковский автомобильный завод выпускал для фронта грузовики, джипы, машины специального назначения, а также вооружение и боеприпасы. В июне 1943 года фашистская авиация совершила 25 воздушных налетов на ГАЗ. От бомбежек завод сильно пострадал, но горьковчане, работая по 18-19 часов в сутки, за сто дней восстановили его из руин.

- А какие марки машин вы встречали на фронте? - задают мальчишки вопрос Владимиру Петровичу.

- Например, надежный, неприхотливый и простой по устройству ЗИС-5В. Этот грузовик, - поясняет бывший шофер, - состоял из 4,5 тысяч деталей, его можно было легко отремонтировать. Командование Армии предпочитало джипы ГАЗ-67, они устойчивы и маневренны на поворотах, с хорошим запасом тяги.

На вооружение Армии поступали и полугусеничные ЗИС-42, и бронев автомобили БА-64Б, и гусеничные тягачи Я-12, и санитарные автобусы, и другой транспорт. Из-за нехватки стали кабины и борта научились изготавливать из дерева, верх обтягивали брезентом. Даже "баранки" были с деревянным ободом. Грузовики военных лет поступали на фронт часто с одной, левой, фарой, так как светотехники тоже не хватало. В первую очередь ею оснащали танки, бронев автомобили и артиллерийские тягачи. Около миллиона советских бойцов в годы войны занимались перевозкой снарядов и продовольствия. О подвиге водителей "трехтонок" и Газовских "полуторок" на "Дороге жизни", связывавшей осажденный фашистами Ленинград с Большой землей зимой 1941-1942 гг., узнал весь народ. Владимир Петрович прочитал о них в газете, находясь еще в Сызрани. По льду Ладожского озера была проложена автомобильная магистраль. Бомбежки не прекращались ни днем ни ночью, поэтому каждый километр ледового пути был полон опасности. А теперь Владимиру и самому придется нелегко. Он прибыл на фронт летом 1943 года. Советская Армия готовилась к наступательным действиям. Скорость, с которой линия фронта перемещалась на Запад, достигла 40 км в сутки. Железная дорога во многих местах вышла из строя, а пока шло ее восстановление, пехота и артиллерия передвигались автомобильной тягой. Кто воевал, тот помнит, какими тогда были дороги. Часто водители преодолевали свой путь по бездорожью. Это сейчас зимой в

кабине тепло, а тогда "печек" не было. От мороза не спасали ни теплый полушубок, ни валенки. А если у какой машины взрывной волной выбивало стекло, водители прибывали к месту назначения с обмороженными руками, ногами. На их лица было страшно смотреть: кожа клочьями сходила. Такому шоферу в госпиталь бы, а он уже в обратный путь устремляется: у него приказ!

Владимир Петрович продолжает свой рассказ: «В районе Бобруйска готовился прорыв. Нашей роте пришлось везти боеприпасы под Шепетовку, где шли упорные и ожесточенные бои. Подъехали к речке Тетерев. Мост разрушен, а нам срочно необходимо перебраться на другой берег. Я, как самый молодой, вызвался отыскать переправу. Шел март 1944 года. Вода ледяная, так как еще лед не весь сошел. Иду по воде, а ноги от холода занемели, нащупал отмель. Дно твердое - проскочим. На берегу водители стали меня спиртом растирать. Переправа была сложной, но с помощью лебедек, установленных на головных машинах, переправились еще 13 автомобилей с боеприпасами и снарядами».

На войне, как и в мирной жизни, не обойтись без взаимовыручки. И старшие водители опекали бесстрашного юнца, все любили его за добрый нрав, за юмор, с которым он переносил все тяготы военного лихолетья.

Владимир Петрович с грустью вспоминает: «Всем ночь для сна, а шоферу надо шину сменить. Нередко в негодность приходили сразу 2 или 4 колеса. Запасных колес не хватало, поэтому приходилось латать резину. Были и ремонтные бригады - работы было предостаточно...

Помню еще такой случай. Везли мы снаряды по белорусской земле. Из-за затора впереди движение машин приостановилось. А кругом лес, ягоды прямо у дороги растут. Мы с товарищами шаг за шагом в лес отошли и вдоволь голубики наелись. Вдруг выстрел - и пилотка слетела с головы товарища. Я пополз между деревьев и увидел фрица. Прицелился, выстрелил в него из немецкой трофейной винтовки и сразил наповал. У многих тогда было трофейное оружие: мы его забирали у убитых фашистов после боя».

Долгим был путь фронтовика Иванюшина. За его спиной десятки тысяч километров по разбитым дорогам и бездорожью. Украина, Белоруссия, Польша и Чехословакия, где в два часа ночи с восьмого на девятое мая салатовал он вместе с другими из винтовки долгожданной победе.

Три "студебеккера" сменил Владимир Петрович за два с лишним года. Новые машины получали от американцев-союзников прямо на границе с Ираном. Всего за годы войны по ленд-лизу поступило из США 409 тысяч автомобилей, что в полтора раза превышало советское производство.

К концу войны в автопарке Красной Армии насчитывалось 665 тысяч единиц, из них поставки по ленд-лизу составили 32,8 проц. (58,1 проц. составляли машины отечественного производства и 91 проц. - трофейные). Машины были изношены и

повреждены, многим требовался капитальный ремонт. Эти же машины будут служить потом в народном хозяйстве почти до 1960 года.

Скажу попутно, что с 1941 по 1945 годы американцы для Красной Армии и гражданского населения поставили 610 тонн сахара, более 3 млн. банок мясных консервов...

«А тогда, в мае 1945 года, мы сдали свои машины. Весь личный состав погрузили в вагоны, и мы отправились на Дальний Восток. Поезда шли литерные. Пульмановские вагоны, предназначенные для перевозки грузов, увозили победителей на Родину.

Мы стояли у перил и смотрели на искореженную и израненную землю, отвоеванную у фашистов. Люди встречали на станциях с цветами, многие из них плакали. На вагонах крупными буквами белой краской выведены слова: "С Победой! Ура!"

Позднее в мемуарах маршала Василевского Владимир Петрович прочел: «По трем направлениям шли эшелоны на Восток: южное - через Алма-Ату, среднее - через Куйбышев и северное - через Мурманск. До 29 составов проходило через каждую станцию ежедневно.»

«Проехали Байкал. Глаз нельзя было отвести от этого чистейшего озера. Станция Отпор находится на границе с Манчжурией. Остановились в чистом поле. Вырыли землянки. Стало прибывать оборудование. Трактором по настилу сталкивали ящики с платформ на землю. В контейнерах находились детали "студебеккеров": мосты, рамы, дуги, брезент - в кузовах, а крылья и аккумуляторы - в кабинах. Первую собранную партию машин отдали другому полку, вторая - пошла для нас. И началось наступление против японцев. Я снова сидел за "баранкой". Жара стояла невыносимая. Пехотные войска шли без воды и очень страдали от жажды. Помимо снарядов мы возили по 20 двадцатилитровых канистр воды. Страшно было смотреть, с какой жадностью солдаты потрескавшимися от жары губами припадали к воде... Преодолели Малый и Большой Хинган. Японцы в упор стреляли по нашим машинам. И здесь подстерегала опасность на каждом шагу. Из нашей роты (30 машин) трое погибли еще на Западном фронте. Их машины захватили бендеровцы. Поэтому и был издан приказ "Не останавливаться в пути". После Манчжурии полк наш расформировали. Те, кому было за 25-30 лет, подлежали демобилизации, а нас, 15 человек, направили в автомобильную санитарную роту. Мы вывозили медицинское оборудование и раненых. Так я попал в 458-й гвардейский минометный полк и прослужил в нем до июня 1948 года. В июле вернулся в Людиново. Меня встретили мои родители и два брата. Осенью началась учеба в машиностроительном техникуме, и в 1953 году я его окончил.

Главный технолог Глухов взял меня в свой отдел, и я четыре года внедрял локомотивную оснастку, потом перешел старшим конструктором в конструкторское бюро.»

Краеведы заинтересованно слушали рассказ ветерана.

-А по сколько литров бензина вы заливали в бак? - спросил Денис Солянкин.

-По 120 литров, - ответил Владимир Петрович и улыбнулся.

-На сколько же километров его хватало? - не унимался мальчишка.

-Из расчета 120 граммов на километр, этого количества бензина хватало на 600-1000 километров, в зависимости от дороги.

-Владимир Петрович, в каком звании вы закончили службу?

-Гвардии рядовым.

-А сейчас вы могли бы вести машину?- поинтересовался Коля Макеев.

-Приобретенные навыки остаются на всю жизнь, - удовлетворил любопытство Коли заслуженный ветеран.

-Какая ваша первая награда?

-Медаль "За боевые заслуги в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

За годы войны автомобили войск прошли больше 3,5 миллиардов километров и перевезли 100 миллионов тонн груза.

На Людиновском тепловозостроительном заводе В.П. Иванюшин трудился почти полвека. Правительственные награды на его наградном пиджаке - яркое свидетельство добросовестного отношения к работе, беззаветного служения любимому делу, своему заводу, любимому городу.

Высится под Брянском на Осиновой горке памятник воинам-водителям: стоящий солдат и рядом - фрагмент автомобиля.

В одну из встреч Т.Н. Прокофьева, ветеран нашего города, рассказала юным краеведам следующее: «Это единственный в стране памятник фронтовым шоферам, которые внесли огромный вклад в дело победы над фашистской Германией. Они проехали расстояние 17 раз от Земли до Солнца... Построен он на средства работников Брянской области. С двух сторон памятника установлены две машины военных лет: первую (от Брянска) назвали «Захарычем», а вторую – «Аннушкой». Автор памятника - киевский скульптор Мовчук».

Мы не спросили В.П. Иванюшина, был ли он там, а ведь этот памятник поставлен и ему. Нам было приятно познакомиться с этим скромным и добрым человеком. Поблагодарив за интересный рассказ, мы простились с гостеприимным хозяином, ветераном Великой Отечественной войны и труда.

Хочется пожелать Владимиру Петровичу крепкого здоровья и долгих лет жизни. Его мужество и героизм будут для нас примером для подражания. Мы гордимся вами.

Солянкин Денис и Макеев Коля
в гостях у Иванюшина Владимира Петровича

«В живых я остался один»...

Наша встреча с ветераном Великой Отечественной войны Георгием Афанасьевичем Зайцевым состоялась в октябре 2007 года. К горькому сожалению, в Вербежичах из фронтовиков остался он один, остальные уже покоятся на местном погосте. Трудились, воевали, растили детей, но время безжалостно и, наверное, ничто не вечно в нашей брэнной жизни... На стенах домов, где жили фронтовики, остались лишь поблекшие красные звездочки...

"Один я остался, - с грустью говорит Георгий Афанасьевич. - Здоровье пошаливает... Родился здесь, в Вербежичах, в 1925 году. Мой отец Афанасий Петрович был колхозником. Плуг, борона да коса - вот его орудия. Нас, детей, тогда воспитывали в строгости, сызмальства к труду приучали. Воды принести из колодца, дров на растопку или убраться во дворе, корову пригнать на вечернюю дойку - это уже была первейшая

наша обязанность. Хорошо помню 30-е годы. О Днепротэсе, Магнитке, Турксибе узнавали из газет да радио слушали. Москвичи метро строили, а мы и представить не могли, как это под землей поезда будут ходить... У нас в деревне все силы были брошены на поднятие колхоза. Жили бедно, но все были пропитаны духом патриотизма. Молодежи было с кого брать пример: Валерий Чкалов, Гризодубова, Раскова, Осипенко стали всеобщими кумирами.

А тут начались тревожные события в Испании. Там много наших летчиков воевало. В деревне у тогда пели: "Чужой земли мы не хотим и пяди, но и своей вершка не отдадим...". Тревога у людей нарастала, но все твердо верили: если враг поднимет руку на нашу страну, мы дадим отпор.

Зайцевы Георгий Афанасьевич с Марией Васильевной
21 октября 2007 года

И война началась. В каждой семье с первых же дней произошли перемены - поубавилось мужчин. Моего отца на фронт не взяли: по возрасту не подошел... Голодали, как и все наши деревенские. Картошку мать варила по счету. Суп варили из чего придется. Болью отзывались в наших сердцах вести о каждой пяди земли, отданной врагу. Все рвались на фронт.

Меня в армию призвали 14 сентября 1943 года. Попал в пехоту. Служил в 53-й гвардейской дивизии. Под Невелем участвовали в боевых сражениях. 16 декабря 1943 года в первый раз ранило. После второго ранения лечился в Иваново. Из госпиталя попал в запасной полк на ст.

Западная Двина, оттуда - в 9-ю Гвардейскую дивизию. Участвовал в боях за станцию Идрица, освобождал Полоцк, Витебск. Враг зубами вгрызлся в нашу землю, он превосходил нас и по численности, и по оснащению. Но не было у фашистов такого патриотизма, какой пылал в наших сердцах... На тебя железная махина, лязгая гусеницами, движется, а ты на нее - с гранатой... Иногда за три дня непрерывных боев вперед продвинемся лишь на несколько метров. Очень многие бойцы погибли, не дожив до Победы. В одном таком жарком бою я получил третье ранение. Долго не шел на поправку. Лечил меня медперсонал Юрьев-Подольского госпиталя.

После излечения военкомат направил меня в совхоз "Энтузиаст". А в тылу тоже как на фронте: люди работали на износ. Никто о себе не думал. Приходилось и технику восстанавливать, и землю обрабатывать, и строительством заниматься: все хозяйство было разрушено. Весь световой день наш. Женщины, дети, старики да инвалиды - вот и вся рабочая сила. Выдюжили... Чего ж теперь вспоминать об этом. Домой вернулся уже в 1946 году. А через год умер отец: сказались тяготы военного лихолетья. Мать моя, Пелагея Родионовна, покрепче оказалась: прожила 85 лет, ее не стало в 1980 году. Я же уехал на Сахалин, где 27 лет в шахте проработал. А как вышел на пенсию, на родину потянуло. Своя земля и в горсти мила...".

Жена Георгия Афанасьевича, Мария Васильевна, родом из Верещевки. На ее долю в военную годину тоже выпало немало испытаний: голод, холод, болезни, непосильный труд в германском изгнании. И после она 30 лет проработала на Сукремльском чугунолитейном заводе, а там работа не из легких. "Когда сейчас я слышу "узники фашизма", во мне сразу все переворачивается. В памяти все живо, от того и здоровье потеряно". Несмотря на болезни, в доме у Марии Васильевны идеальная чистота. ...

Мы спросили у Георгия Афанасьевича, какая из наград ему дороже. -Орден Отечественной войны II степени, - помолчав, ответил бывший фронтовик. Георгий Афанасьевич и сегодня не потерял своей былой привлекательности. Он также крепок, спокоен, с живым блеском и жаждой жизни в глазах. А седина его только украшает. Постанывая, с трудом ступая больными ногами по чистеньким домотканым половичкам, Мария Васильевна провожает нас до калитки.

-Спасибо, что навелили нас, - говорит она на прощание.

Доброго вам здоровья, уважаемые Зайцевы!

Тайны думловского леса (Рассказ очевидца)

Гурикова
Мария Борисовна,
29 октября 2006 года

Прошлое всегда с нами. Мы - его творение, и мы живем, погруженные в него. Мы осмысливаем свой пройденный путь, вспоминаем о тех, кто окружал нас своим вниманием и заботой, кто жил по соседству, кто боролся с ненавистным врагом в годы оккупации. Война 1941-1945 годов лавиной прошла и по большим городам, и по маленьким деревням, которых немало было на нашей многострадальной Калужской земле.

Детство и юность Гуриковой Марии Борисовны, 1928 г. р. прошли в Людиновской деревне Думлово. Вот что она рассказала о себе и односельчанах...

- До войны Думлово было чистой, красивой и ухоженной деревней. Народ здесь жил дружный, культурный и веселый. Все работающие, бездельников не было. Колхоз у нас организовали поздно, и просуществовал он до войны всего два года. Жители трудились на железной дороге и лесоразработках. Днепропетровская организация из Украины заготавливала лес, вязала плоты, сплавляла их по Болве до Десны и дальше до Днепра, поэтому взрослое население без работы не сидело. Маленькая деревня, а горе в войну испытала большое...

22 июня в Думлово свадьбу играли. Мосенков Владимир Иванович женился на Наташе. А о том, что в это время брестские пограничники в неравной схватке натиск врага отражали, мы и не догадывались: радио-то

в деревне не было. И что война началась, узнали от рабочих, вернувшихся с пригородным поездом. А через день принесли в деревню первые две повестки: Герасимову Сергею Николаевичу и Филиппову Илье. И полились в деревне слезы... Еще через два дня принесли повестку моему отцу Шаклову Борису Сергеевичу и Антонову Захару Степановичу.

Шумных проводов с застольями тогда не устраивали. Прощались дома с детьми, давали последние напутствия. Мать моя пошла отца провожать, а я смотрела им вслед и плакала с другими сестрами. Всех мужчин призывного возраста забрали на фронт. В деревне остались солдатки с малыми детьми. В каждом доме по четверо-пятеро детей, лишь у одной женщины их было двое.

Пришла осень, стали урожай собирать. По совету старосты Калиничева Ивана припрятавали в лесу квашеную капусту и другие продукты. В районе начал действовать партизанский отряд. Зайцев Герасим Осипович с пацанами поддерживали с партизанами связь. Пришел в деревню после ранения Куфин Дмитрий Емельянович: ему командование 40 дней отпуска на лечение дало. Он был участником и финской, в 1939 году первый из деревенских на той войне побывал. Вернулся домой из окружения и мой отец и сразу влился в партизанский отряд.

Места у нас дремучие, непроходимые. Одно такое, под названием "Смольня", еще в тридцатые годы облюбовал пастух дед Степан. Он туда 10 лет скот гонял - уж очень сочные и ароматные там травы были. Вот в таких глухих местах и были стоянки партизан.

Фашисты наших потеснили к Десне. Кто погиб, кто вернулся и стал партизанить. Уходя, наша воинская часть сожгла деревянный мост через Болву, а железный мост взорвали. На какое-то время передвижение немцев было приостановлено. Но в один из дней они въехали на велосипедах в нашу деревню и стали хватать кур, забивать свиней. Немцы поселились в Куяве, а в нашу деревню только совершали наезды для сбора продуктов.

1942-й - это грозный год. Немцы лютовали на нашей земле, и кровь людская рекой текла. Мы страдали невыносимо. Партизаны действовали, нагоняя на врага страх. Карательные отряды сновали по дорогам и навещались в Думлово. Ведь что придумали: впрягут лошадь в повозку, сзади двух-трех коров веревками за рога к повозке привяжут, потом людей поставят и гонят по лесу. Они так проходы готовили для карательных отрядов, боялись, что на партизанских минах подорвутся. Много людей погибало. Убитых на повозку забросят и дальше гонят остальных. По 6-7 часов по всем лесным дорогам под прицелом

автоматов водили. Однажды одного парня взрывной волной отбросило. Он жив остался, наверное, в рубашке родился. А лошадь тогда на куски порвало...

Как-то пришли каратели в Думлово и всех жителей построили, стали сортировать. Выбрали из сельчан Иванцову Екатерину Даниловну с двумя детьми, Юдину Клаву с четырехгодовалой дочкой Светой, Семьянову Онуфриевну (ее имени не помню) с четырьмя детьми (Юра, Женя, Рая и еще мальчик) и отвели их в Куяву. Там посадили в погреб, где находились жители из других деревень (все - семьи партизан) и закидали гранатами. А вторую дочку Юдиных, десятилетнюю девочку, немцы встретили в сосённике, чуть повыше того места, где памятник стоит, и тоже расстреляли как дочь партизана. У Семьяновой был еще старший сын Онуфрик, он воевал на фронте. После войны вернулся он в Думлово, да не встретили его родные. И усадьба сгорела. Помню, сел он на пень горелый и заплакал. Уходил на фронт рядовым солдатом, а вернулся лейтенантом. Красивый был. Уехал он тогда из Думлово, и где жил - не знаю. В тот год погибли семьи Астахова Тихона Федоровича, Данилкина Лени и Рогачева Дмитрия Васильевича. В июне 1942 года погиб мой отец Шаклов Борис Сергеевич.

Партизаны к нам в Думлово приходили по ночам, а предатели, свои же деревенские, немцам в Куяву доносили, вот из-за этого и мирное население страдало.

Однажды Герасим Зайцев узнал, что со стороны Мосеевки к нам в деревню каратели направляются. Он успел предупредить партизан. Те быстро снялись с места, а для прикрытия остался Астахов Семен Васильевич, он последним уезжал. Фашисты, увидев свежие следы на снегу, пустились вдогонку и, поймав, долго пытали, где партизаны, но Семен молчал. Его, избитого до потери сознания, фашисты закинули на сани и повезли в комендатуру, но по пути он скончался. Тело партизана где-то по дороге сбросили в ямку. Где тлеют его кости - об этом никто не знает.

В сентябре 1942 года немцы явились в деревню, собрали жен партизан - мою мать, Клавдию Емельяновну, Кирпичникову Дашу, Лапину Марию, Апокину Антонину Ильиничну, Антонову Татьяну, Степанову Веру, Кузину Александру, Сергееву Веру, Кузину Марию, Зайцеву Химу, Кшенину Наталью и проводили в лес за мужьями. Приказали найти и привести их в деревню. А нас, детей этих женщин (всего 63 ребенка), закрыли в Дененковом доме. А в это время у Антоновой Татьяны начались родовые схватки, и она родила девочку. Женщины перекусили зубами пуповину, перевязали ниткой, выдернутой из платка, и отдали Татьяне ребенка. Они закричали на немцев: "Изверги, что ж вы

делаете?!". И немцы втолкнули Татьяну с ребенком к нам в дом, где сидели все дети. Она еле передвигалась. Кровь по ногам течет, весь подол в крови, а послед до конца не вышел и тянется... Дочка та, которую Татьяна родила в таких ужасных условиях, выжила, да только век ее был недолог: умерла в 35 лет. Среди нас, детей, две девочки были постарше. Это Сергеева Люба и Ендропова Катя. Они нам похлебку варили (вода да картошка неочищенная). Мы от страха дрожали. Сердце до того изболелось, до того намучены были. Боялись, что наших матерей расстреляют, боялись, что уснем, а нас немцы подожгут и сгорим заживо. После трех дней хождения по лесу наши матери вернулись в деревню и сели на окраине. Не знали они, живы ли их дети. От страха и ноги не шли.

Пришел немец и повел их в пустой дом Юдиной Клавдии (немцы в нем временно обосновались). Начали допрашивать женщин. К этому времени уже погибли мужья у Антоновой, Степановой, Шакловой, Лапиной, Апокиной, поэтому Лапину, Кирпичникову и Апокину фашисты под конвоем отправили в Сукремль, где были их дома. Зайцевой Химе и Кузиной Александре не повезло: им фашисты вынесли смертный приговор.

Зайцева
Елизавета Герасимовна
9 сентября 1980 г.

Хима попросила разрешения переодеться. Через несколько минут она вышла из своего дома, одетая по-праздничному: на ногах - чулки новые и новые ботинки, на себя надела два платья, одно маркизетовое (по черному полю - сиреневые цветы), а сверху - черное шерстяное платье. Голову покрыла двумя платками: поверх белого тонкого большой красивый платок с бахромой. Она со всеми попрощалась. Женщины плакали, а Хима свой последний час встретила достойно, не дрогнула перед лицом смерти. Шура ей и говорит: "Ты, Хима, за хорошего мужа идешь на гибель, а я за что? Я куска хлеба не съела без горьких слез".

Эта женщина в замужестве не испытала радости и не обрела семейного счастья. Все село смотрело вслед уходившим. Недалеко от

Думлово прозвучали первые два выстрела - первые пули достались Кузиной Александре и ее сыну Ивану, 1925 года рождения. А трое других ее детей остались сиротами. (Позднее их заберет сестра мужа Анастасия и выведет всех в люди). Через некоторое время чуть в отдалении раздался третий выстрел, оборвавший жизненный путь жены храброго партизана Герасима Зайцева - Химы. Место захоронения ее так и не нашли, как не найдена могила и ее мужа.

Какую тайну скрывает думловский лес? Сколько безымянных могил в нем укрыто?! Через некоторое время один из участников позорной экзекуции ходил по Думлову и предлагал в обмен на яйца, молоко и мясо Химины ботинки, платье и платок. Этот немецкий прихвостень не постеснялся снять их с убитой женщины. Гурикова Прасковья опознала Химины вещи и совершила обмен. Она их потом сразу же отдала Лизе Зайцевой как память о матери. (Первое время Лиза жила в своей деревне, потом ее забрала тетка в д. Кургановка, что находится между Дубровкой и Заболотьем). Расстреляли немцы и тетю Маню, жену Куфина Дмитрия Емельяновича, на лесной дороге, ведущей на Петровский поселок. В тот же день, когда только что отгремели выстрелы по Химе и Шуре с Иваном, из лесу показался муж Шуры - сам Кузин. Он, увидев за огородами в кустарнике Фролову Мотю, пасшую коров, сказал: "Подгони ко мне корову поближе!". Мотя ему отвечает: "Только что твою жену с сыном расстреляли, а тебе корова нужна". Разговор услышал немецкий часовой и поднял тревогу. Кузин - убежать, но немецкая пуля его догнала, и он упал, как подкошенный. Удалось ли скрыться еще двум партизанам, что были с Кузиным, и какова их дальнейшая участь, я не знаю.

В апреле 1942 года партизаны заняли позицию в крайнем от леса доме близ куявского разъезда. Немцы их окружили, и они бесстрашно отстреливались до тех пор, пока не рухнула крыша горевшего дома. Так и сгорели заживо Константин Низовский, Сергей Жижикин, Виктор Черняев, Григорий Юдин, Рогачев Иван. На том месте сейчас стоит памятник погибшим партизанам. А жена Ивана Рогачева, Мотя, осталась с пятью детишками. К счастью, они все выжили.

Зимой 1942-43 гг. партизаны перегнали из Думлова в лес 21 корову. Кто-то доложил об этом немцам в Куяву, но началась метель, и снег завалил все следы. Тогда обозлившиеся фашисты выгнали нас из домов. Кто подался жить к родственникам в Куяву, кто - на Петровский поселок, а мы - в Свиное. Хотели пойти в поселок Петровский к своему деду Шаклову Сергею Петровичу, но он нас еще раньше предупредил, что к нему нельзя: он тоже помогал партизанам и находился у немцев под

подозрением. Две русские женщины, родившие от немцев, были определены к нему на постой. Они-то и были "глазами" и "ушами" врагов и передавали им обо всем увиденном и услышанном. Позже немцы два месяца продержали деда в подвале, но он никого не выдал и по чистой случайности живым вернулся домой. После войны он некоторое время возглавлял колхоз на Петровском.

В Свином наша младшенькая годовалая Тая простудилась, заболела и под Рождество умерла. Деревенские женщины ей полный день могилу копали - земля была промерзшая, еле поддавалась, а они от постоянного недоедания обессилили. Там и похоронили мою сестренку. В Свином с нами была и Мотя Рогачева со своими детьми.

В Думлово вернулись весной 1943-го. Кругом шли бои, и постепенно деревню заполнили беженцы из других мест. Мы вскопали огород, посадили картошку и кое-какие овощи. Радовались, что следующей зимой не будем голодать. А тут и лес ожил, пошли ягоды да грибы. На поле рожь зрела. Мы в лес ходить боялись, прямо за огородами ягоды да грибы собирали. Я сколько раз в Куяве малину на соль меняла. За рюмку соли немцы требовали целое ведро ягод... Вскоре нас снова из своей деревни вытеснили, на сей раз партизаны. Боялись, что в бою с фашистами мирное население погибнет, и переселили всех в Куяву. Мы оттуда свою картошку убирать ходили в Думлово, и решили все-таки перебраться домой. А тут наши в наступление пошли и фрицев теснить стали. Те в Думлово пустые дома заняли, а нам пришлось перебраться в сарай Моти Рогачевой.

Почаще и поближе стали снаряды рваться, с самолетов полетели на нас бомбы. Они с уханьем и гулом взрывались в родном лесу. Дороги стали многолюдными, все хотели подальше укрыться от огненного кошмара. В деревне уже было много своих, беженцы все прибывали. Кто побойчее - на повозках уезжали дальше. Как-то пришла к нам Василиса, свекровь Моти Рогачевой, и говорит: "Давайте я вас в лес сведу, переждете там какое-то время, а тут вас убьют". Сопроводила нас к берегу реки. Когда-то в том месте глину для печей брали, вот ямка та и сохранилась. Мы забрались в углубление. Сверху край берега нависает, а мы - в самой глубине. Василиса вход ветками заложила и ушла. ... Дождь лил не переставая. Мы сидели на корточках, боясь пошевелиться. Мотя Рогачева с пятью детьми и нас с мамой, Клавдией Шакловой, пятеро. Мы слышали, как над нами немцы ходили. В ямке 9 детей - и никто не чихнул! Отсидели первую неделю. Жевали сухое зерно, что в карманах оказалось. Ночью спускались к реке водицы испить. Из деревни дымом в нашу сторону тянуло - это горели наши избы, подожженные фашистами. На

исходе второй недели мы от голода опухли, ноги затекли, а не вытянешь - некуда. И вот в один из дней показались два солдата в плащ-палатках. Один мальчик в это время из схрона вышел. Боец погладил его по голове и сказал: "Ну, малец, скоро вы отмучаетесь!" Солдаты дальше ушли, а мы все еще сидели в схроне. На пятнадцатый день, глядя в щель меж ветвей, мы увидели лошадей - их привели на водопой. Вот тогда мы решили выйти на свет Божий. Думали: что так от голода мы умрем, что нас расстреляют - все равно смерть.

Спрашиваем солдат:

-Вы - пленные или свои, русские?

-А вы лесовички или нечистая сила?

-Мы настоящие люди!

-А мы в вашей деревне уже три дня, но она пустая, людей не видно.

Наши матери, грязные, опухшие, с отеками "стеклянными" ногами, с трудом передвигаясь, пошли деревню смотреть. Мы тоже еле шли. Подошли к Думлово - все пусто: ни домов, ни картошки, ни хлеба. Лишь столбы да навоз на бывших подворьях дымились. Мы, ребятишки, поковыряли в земле, насобирали зеленой картошки, напекли в костре и ели недопеченную. Потом нас вечером к командиру проводили. Он долго расспрашивал о том, как мы жили в эти годы. Приказал солдатам выдать нам хлеба, крупы и сахару. Переночевали мы в погребе. А наутро при разминировании погиб тот командир. Мы плакали по нему как по родному. Там же, за деревней, его останки и схоронили.

15 сентября наши войска освободили от фашистов Куяву. И в этом же сентябре (а было мне к тому времени уже 15 лет) меня мобилизовали на работу. Надо было приводить в порядок железнодорожное полотно, чтобы подготовить дорогу к пуску поездов. Мы укрепляли насыпи, строили мост. Носилки большие - идем и спотыкаемся, а меньше накладывать песка мы и не догадывались. В бригаде были почти все женщины. Сами сваи забивали, сами лозу рубили, пуки вязали. Правда, потом нам поменьше носилки сколотили. Обедками нас кормили, еду на мотовозе привозили. Когда мост построили, стали формировать бригаду железнодорожных рабочих. В нее вошли Лида Пчелкина, Илья Арсеничев, Зина Матюхина, Сергей и Илья Абрамченковы, Маруся Огурцова, Ваня Синицин и я. С войны стали возвращаться мужчины и вливаться в наши бригады. С нами стали работать Ваня Рогачев, Женя и Витя Вершинины.

Вспоминаю, как выходили на линию: на ногах - лапти, ватники лыком подпоясаны... Но идем и поем "Шел отряд по берегу...". Осенью 1943 года на мосту в Верещевке солдаты всех только по списку

пропускали. А работы на железной дороге всегда хватало: в войну многие трубы были взорваны, насыпи повреждены. Укрепление их - дело трудоемкое. Вяжешь пучками лозу, укладываешь решеткой и засыпаешь сверху песком.

Боже мой, сколько ж мы перетерпели в те годы! Жили в бункерах - ведь деревня-то сгорела, да еще по две семьи в каждом. К нам раненый Петр Апокин прибился. Сложил в бункере печку - всем спать ночами теплее стало. Потом Петя в Людиново ушел и стал работать на локомотивном заводе. Утром бежишь на работу в легком ситцевом платице и худенькой кофтенке, 10-часовую смену отработаешь... Думаешь домой вернуться, а бригадиру прикажут еще на одну смену задержаться: пришли платформы с балластом (сыпучими строительными материалами), и нам необходимо их разгрузить. Посадят нас на эти платформы и везут по маршруту до какой-то станции. Ветер со всех сторон продувает насквозь, жмемся с девчатами друг к другу, чтобы потеплее было, а потом вручную лопатами производим выгрузку. Поставят нас по двое на платформу - знай шевелись. А сколько этих платформ за смену-то разгрузишь! Ничего, не роптали: знали, что всем трудно. Поэтому-то, наверное, и все вытерпели. Уж чего-чего, а терпения русскому народу не занимать!

Жизнь в Думлово постепенно налаживалась. После войны снова возродился колхоз "Искра", и в первые послевоенные годы его председателем был Федосов Степан Федотьевич. Земля у нас там очень плодородная. Рожь стояла в человеческий рост, пшеница - по пояс. На полях зрели гречиха и ячмень. Был большой скотный двор. Председатель всем колхозникам ежемесячно по пуду муки выдавал. Все были сеном и другими кормами обеспечены. К 15 марта обычно уже все луга были почищены, так как с этого времени начинался разлив Болвы. В деревне была начальная школа, магазин. По праздникам колчинцы с концертами приезжали - до сих пор помню, как они чечетку танцевали. А первый кинофильм, который всей деревней посмотрели, был "Мы из Кронштадта"... Я трудилась на железной дороге: и на 73-ем мосту, и на 68-ом переезде, и на 59-ом километре. В 1952 году вышла замуж за Ивана Семеновича Гурикова. Он отслужил в армии и вернулся в родные края. Его отец, Семен Игнатьевич, был участником Великой Отечественной войны. Из всей деревни (50 домов) 40 человек не вернулись с войны - 90 процентов мужского населения!..

Вспоминая прошлое, Мария Борисовна не смогла сдержать слез, и они лились не переставая. Свой рассказ несколько раз прерывала: настолько остры ее воспоминания, настолько это всё тяжело, что

слушателю невольно передается ее эмоциональное напряжение. Раны, нанесенные войной, до сих пор кровоточат в сердце этой мудрой женщины.

Мария Борисовна с мужем переехали в Людиново. Они построили дом, у них родились дочка и три сына. Проработав на железной дороге до 1971 года, Мария Борисовна перешла на агрегатный, где трудилась еще 20 лет. Все эти годы ее фотография находилась на заводской Доске Почета. Пятнадцать лет назад она проводила в последний путь своего мужа, с которым 40 лет делила и радость, и горе. У нее семеро внучат и двое правнуков. А еще в ее сердце продолжают жить все те думловцы, которые жили в этой деревне до войны. В прошлом году Мария Борисовна получила юбилейную медаль "60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов". Вот что она по этому поводу сказала: "Пришла я после вручения медали, села на диван, держу медаль в руке, а сама плачу. Три часа я вспоминала своих односельчан, погибших в годы войны, три часа с каждым из них разговаривала... Вспоминала своих подруг по работе, которых давно уже нет. Лида Пчелкина 9 мая медаль получила, а 18 мая умерла... Вот такая она, жизнь. Я всегда всем говорю: "Люди, берегите мир! Это самое главное на Земле!"

«Сама не знаю, откуда брались силы...»

Рысина
Галина Григорьевна

Однажды юный краевед Коля Makeев листал альбом "Защитники Отечества", и его внимание привлекла фотография 70-х годов, на которой были засняты ветераны ВОВ Людиновского района. Показав на красивую женщину с пышными вьющимися волосами, он спросил меня:

- Вы знаете, кто это?

-Да, это Рысина Галина Григорьевна, она живет в Людиново.

-Давайте сходим к ней, наверное, она нам что-нибудь интересное расскажет. И вот, договорившись по телефону, в условленное время мы с юным краеведом поднимаемся по лестнице на нужный этаж и звоним в дверь.

В доме оказалась в сборе вся семья. Нам навстречу вышла Галина Григорьевна. Женщина эта и сегодня не потеряла былой красоты. Те же пышные, ухоженные волосы, а живой взгляд темно-карих глаз, словно магнитом, притягивает к себе внимание. Проходим в зал, заставленный многочисленными горшками с комнатными цветами. Все в зелени, от которой веет домашним уютом, и каждое растение радуется своей красотой.

- Это моя сноха ухаживает за цветами, а я люблю ими, - говорит главная хозяйка. Сын Галины Григорьевны, Михаил Григорьевич, очень быстро накрыл стол, на котором появились бутерброды, конфеты, печенье и ароматный чай.

- Угощайтесь! Сначала чай, а потом уже разговоры, - весело сказал он нам.

За чаем постепенно разговорились и узнали, что 25 марта - юбилейный, 85-й день рождения хозяйки. За ее плечами большой жизненный путь, с честью пройденный по родной земле.

- Многих уже моих сверстников нет в живых, - с грустью говорит Галина Григорьевна, - а я пошла в своих родителей. Они вместе прожили 53 с половиной года. В 1922 году они поженились, а в 1923 - я родилась. Всех детей у них было четверо. Мама не работала. У нас было хозяйство, за которым все ухаживали. Отец трудился в портняжной мастерской. Он выучился этому делу у своего отца. А вот прадед мой, Григорий Борисович, 25 лет прослужил в царской армии. У них с женой было 18 детей. Всех вырастили, выучили и в люди вывели. За добросовестную службу царь пожаловал моему прадеду надел земли, на которой был выстроен для его семьи дом. Он, к сожалению, не сохранился: в войну в доме был немецкий склад горюче-смазочных материалов, и партизаны подожгли его вместе с немцами, находившимися в нем.

- А какой предмет Вам нравился в школе? - спрашивает Коля, который сам не ко всем учебным предметам проявляет равное рвение.

- Математика, - с улыбкой отвечает Галина Григорьевна. - Бывало, на контрольной свое задание выполняю, и еще соседу по парте решить успею. Еще в 7 классе решила стать парикмахером, и в 1940 году уже работала в городской парикмахерской. Надо было помогать родителям материально, ведь семья-то большая, к тому же я была старшей. Моя профессия - самая мирная и самая необходимая. Что может быть лучше радости, доставленной клиенту?

Глянет в зеркало на себя красивого - сразу настроение улучшается. В войну нас эвакуировали в Инжавинский район Тамбовской области. Мы уезжали всей семьей первым эшелоном. С собой везли самое

необходимое. Отец прихватил с собой швейную машинку. Он и в войну шил - этим и кормились.

В Инжавино я окончила курсы санинструкторов и уже в 1942 году ушла на фронт. Мой брат, Борис Григорьевич, был призван в армию в августе, а я - в ноябре. Борис был связистом, он погиб в 1943 году. На фронте погиб и мой дядя, брат отца, а мне посчастливилось вернуться живой.

Брат Галины Григорьевны - Борис, погибший в 1943 г. в р-не Смоленска.

Макеев Коля в гостях у Галины Григорьевны.

27 января 2008 года.

Галина Григорьевна замолчала. И сегодня, спустя более шестидесяти лет с той военной поры, ей по-прежнему трудно вспоминать пережитое. Разве можно передать словами те чувства, которые испытывала она при виде бойца, только что стоявшего рядом и подкошенного вражеской пулей; когда на ее глазах шальным снарядом в клочья разрывало человека, когда находила на поле боя раненого с оторванной рукой или ногой и истекающего кровью... Разве расскажешь, как плакала по каждому убитому, как переживала за родных, когда от них долго не было писем... Война - это тяжелая и изнурительная работа, когда сон вполглаза и бесконечное недосыпание, когда к вечеру от усталости чуть не валишься с ног. Разве можно было оставаться спокойной, когда ты с раненым ползешь, а над головой немецкие истребители висят, когда земля под их огнем дыбом встает... А ты ползком, порой уткнувшись в землю лицом, переживаешь очередной налет и молишься: только бы пронесло! Это в кино показывают санитарочек в чистеньких сапожках да белых накрахмаленных халатах, под которыми новенькие гимнастерки и коротенькие юбочки. Жизнь намного суровой и прозаичней: приходилось носить и мужские ватные брюки не по росту, и сапоги, натиравшие мозоли, так как

были на два размера больше... А можно ли было в юбке по-пластунски передвигаться или, хлюпая по чавкающей жиже, не замарать своих сапог?

Эта женщина, сидящая перед нами, увидела жизнь во всей наготе. Бой отгремел, рота с орудиями двинулась вперед, а хрупкая девушка перебегает от одного убитого к другому и смотрит, не остался ли кто среди них раненый. Вот лежит боец, лицом к земле - жив ли он? Одна мысль: только бы успеть до следующего артобстрела всех с поля боя вынести.

Нам с Колей сегодня даже представить трудно, как Галина Григорьевна, будучи в свои двадцать лет юной, хрупкой и небольшого росточка, тянула на плащ-палатке раненого бойца, в два раза превышавшего ее по весу. Ведь его еще взвалить надо было на плащ-палатку. Галина Григорьевна улыбается и говорит: "Сама не знаю, откуда брались тогда силы. Порой за день по 7-8 раз, а иногда и больше, сделаешь таких марш-бросков. А ведь еще каждому надо оказать первую медицинскую помощь, ободрить словами". И раненые часто слышали: "Миленький, потерпи! Голубчик, все будет хорошо, ты только терпи!"... Разве можно сегодня подсчитать, скольких бойцов спасла в войну Галина, красивая девушка из города с таким милым нашему сердцу названием - Людиново?! Гвардии красноармеец Рысина Галина Григорьевна из 7-й Гвардейской Шавлинской Краснознаменной бригады 3-го медсанбата взвода обеспечения прошла Волховский, Калининский и 1-й Прибалтийский фронты. При взятии Полоцка сама была ранена.

"Меня засыпало песком, а проходившие солдаты меня по сапогам нашли и откопали", - говорит Галина Григорьевна.

За проявленное мужество при спасении раненых Рысина Г. Г. имеет две благодарности от Верховного главнокомандующего Сталина И. В.: от 4.07.44 г. - за взятие Полоцка и от 19.09.44 г. - за Иецава Балдане. В ее заветной шкатулке много правительственных наград. Среди них мы видим орден Отечественной войны 1 степени, медаль Жукова, медаль "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.", врученная 16 июня 1946 г. и все юбилейные медали: "50, 60, 70 лет Вооруженных сил", "20, 30, 40, 50, 60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 гг." После войны Галина Григорьевна не изменила своей довоенной профессии: с сентября 1945 г. она вновь вошла в мужской зал парикмахерской и до ухода на пенсию дарила красоту взрослым и детям. Сын Михаил тоже пошел по стопам матери. Что может быть лучше этой мирной и такой необходимой всем горожанам профессии?

Сын гордится своей замечательной мамой, подарившей совместно с другими участниками Великой Отечественной войны всем нам это мирное небо.

Людиновцы гордятся прошлым ветеранов Великой Отечественной войны. Радостно сознавать, что они сохранили до преклонных лет теплоту и любовь своих мужественных сердец, не утратили интерес к жизни. Они и сегодня являются активными участниками многих мероприятий, проходящих в городе, встречаются с учащимися, прививая им дух патриотизма и любовь к своей Родине. Долгой вам жизни, дорогие ветераны!

В Манино к Митроховым

Митрохова Матрена Дмитриевна и
Лакомкина Ольга, краевед Игнатовской
школы, 19 декабря 2006 г.

Митрохов
Федор Алексеевич

Не велика деревня Манино, а замечательных людей в ней много. Особенно манинцы гордятся тем, что Герой Советского Союза Василий Кузьмич Митрохов - уроженец этих мест. Сегодня от бывшей усадьбы, где стоял его дом, остались только яблони. Но спроси в деревне любого школьника - и вам поведают об исключительном мужестве и героизме этого прославленного пулеметчика, награжденного 24 марта 1945 года Золотой звездой Героя. В Манино по-прежнему живет много Митроховых, только все они однофамильцы Василия Кузьмича. В пороховом дыму Великой Отечественной войны прошла боевая юность многих манинцев старшего поколения. Некоторые из них так и остались на полях сражений, а в родной деревне им установлены памятники. Сельчане свято чтят память о тех, кто отдал свою жизнь за синее небо над родной деревней и за тихую реку, текущую в ее окрестностях....

Мы с краеведами идем по центральной манинской улице и видим красную звездочку на заборе. Заходим в дом и знакомимся с хозяйкой Матреной Дмитриевной Митроховой, 1926 года рождения. Три года назад она похоронила своего мужа, Александра Сергеевича Митрохова, ветерана ВОВ. Они с мужем прожили 52 года, деля пополам и горе, и радости. Когда началась война, Матрене было 15 лет. Многие помнят о тех днях, да не хочет лишней раз душу волновать. В 1942 году погибла ее мать в возрасте 36 лет, с двухлетним сынком на руках. Матрена же с односельчанами перенесла все тяготы двадцатимесячной фашистской оккупации. Вместе с другими рыла траншеи под Кировом, а после войны, вернее, с 1943 по 1953 годы, трудилась на железной дороге. Когда вышла замуж и пошли дети, перешла в колхоз "Первое мая", который позже, слившись с мелкими хозяйствами, стал именоваться совхозом "Манинский". Легкой работы не искала, вместе с другими своими подругами отдавала родным полям все силы. За это земля щедро одаривала колхозников урожаем. На прощание Матрена Дмитриевна подарила нам фотографию, на которой 9 мая 1985 года запечатлены все ветераны села. Среди них и ее муж, Александр Сергеевич Митрохов.

На этой же улице мы посетили еще один дом. А живет в нем уважаемый человек, ветеран Великой Отечественной войны Федор Алексеевич Митрохов, 1922 года рождения. Разволновался старый солдат, рассказывая о своем боевом пути. Словно снова шел в атаку под градом свистящих пуль. Вспоминал, как полз по снежным заносам с другими бойцами, как пробирался сквозь вонючее болото, поднимая вверх свое оружие, чтобы не намочить ненароком... Его боевой путь начался в июле 1941 года. До января 1942 года Федор Алексеевич служил в оперативной группе разведки. Делали проходы по минным полям, преодолевали вражеские колючие заграждения, вступали в молниеносные схватки с вооруженными до зубов фашистами. Устанавливали нахождение немецких огневых точек, а позже подавляли их. Всем разведчикам свойственны такие качества, как смелость, находчивость, решительность и выносливость. Иногда за ночь приходилось преодолевать до 40 км, да еще с "языком", которого следовало невредимым доставить в штаб разведки.

В январе 1942 года опытного разведчика Федора Митрохова командование отправило в пехотное училище, после окончания которого он получил назначение на Донской фронт командиром взвода пулеметчиков. Побывал он и на линии Манштейна ("наша задача была - не допустить его на соединение с армией Паулюса"), и в жарком пекле Сталинграда, разрушенного врагом до основания, где каждый метр земли был пропитан кровью. Участвовал в боях на Курской дуге. Немало пришлось пережить Федору Алексеевичу за эту войну. Сколько боевых товарищей на его глазах полегло! С годами все помнится так, как будто это было недавно. Вспоминает, как в Воронеже квартировал в одной семье. Хозяину, которому было уже лет 50, пришла повестка - на фронт забирали. "Он молча

собирается, а его жена горькими слезами обливается - у нее отец погиб в гражданскую, - вспоминал ветеран. - Я ее утешаю и говорю: "Мы вот уже сколько месяцев воюем и живы. И ваш муж живым вернется". А она продолжает твердить: "Не свидимся больше...". Мы обменялись адресами, и наши фронтовые дороги разошлись. Однажды я получил письмо. Мне дети того хозяина отписали, что их отец погиб... Видно, чуяло сердце той женщины, что не вернется домой ее муж".

Как-то пришла посылка на фронт из Курской области. Там были вязанные из овечьей шерсти носки и записка от сельской учительницы: "Прими, уважаемый товарищ, мой подарок. И пусть будет твоим ножкам тепло, как тепло мне в моей деревне...". Федор Алексеевич даже всплакнул и написал ей письмо, поблагодарил за подарок. Нашему поколению, родившемуся в мирное время, представить себе трудно, как солдаты, зажатые в железное кольцо, ведут бой с сотнями фашистских танков, движущихся лавиной и сметающих все на своем пути. Но не дрогнули защитники доблестной армии Страны Советов: отражая удар за ударом, атаку за атакой, потеснили врага, нанеся ему сокрушительный ответный удар. И в этих боях закалились и окрепли солдатские сердца, лютая ненависть к вероломному врагу переполняла их, и бойцы нашей армии с ожесточением погнали врага на запад. Освободили Харьков, Полтаву, Молдавию.

Старый фронтовик, утирая слезы, перечисляет освобожденные города, рассказывает о том, как гнали врага по Румынии, Венгрии, Польше, Чехословакии. "Во время взятия Праги я с бойцами занял несколько домов, - продолжает Федор Алексеевич. - Большинство немцев покинули город, не вступая в бой с танковой армией под командованием маршала Конева. В Прагу вошли американские и английские войска. Так мы встретились с союзниками. .. Как-то сплю в окопе, автомат под боком. И кажется мне, как будто кто-то жмет меня за голову и ноги. Проснувшись, спрашиваю у бойца Матвеева, нашей ходячей энциклопедии:

-К чему такой сон?

- Товарищ старший лейтенант, будут огромные новости и для вас, и для нас, - ответил боец.

А через неделю нас сняли с переднего края. Прихожу в штаб батальона, докладываю о прибытии своего подразделения. Выслушал мой рапорт командир подразделения и лег отдыхать. А тут связист, у которого трубка телефонная была к уху подвязана, глаза вылупил и мне трубку протягивает. Я говорю:

-Старший лейтенант Митрохов слушает!

-Митрохов, поздравляю с Днем Победы! Германия капитулировала.

-Кто говорит? - спрашиваю.

- Майор Ласанский, начальник штаба полка.

- Товарищ майор, повторите, - чуть не кричу в трубку, думая, что все это мне почудилось.

- Германия капитулировала, мы победили! - вновь услышал в ответ. Тогда даю команду: "К бою!". Все построились, ждут приказания, а я объявляю: "Победа! Германия капитулировала!". Это было в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. Тут бойцы закричали "Ура!" и пустили в небо ракеты".

14 июня им дали в руки топографическую карту, указали на ней населенный пункт и приказали прибыть туда через два часа. Это была железнодорожная станция. Подразделение погрузилось в эшелон, и он тронулся. Прибыли в Дрезден. От города остались одни руины - американцы его разбомбили. Оттуда повезли солдат к польской границе, далее - на Брест, Смоленск, Вязьму, Москву... и привезли в Чайбалсан, что в Монголии. Переправились через реку Курулен, напоили в ней лошадей, пополнили запасы продовольствия и 8 августа 1945 года были готовы вступить в бой с японскими самураями. Советские воины, ведя многочисленные бои, прошли большую и малую возвышенности Хингана, почти 200 км преодолели по безводным сыпучим пескам Гоби. Настрадались без воды под палящим солнцем при сорокоградусной жаре. Вышли к берегу Желтого моря, с боем заняли порт Дальний.

День - бои, два дня - передышка, но гнетущая напряженность заставляла быть все время начеку.

Там и закончил старый солдат эту войну. А потом опять был путь через пустыню Гоби в Чайбалсан, оттуда - в Россию. В декабре 1945 года старший лейтенант Митрохов прибыл в Красноярск, где дослужил до августа 1946 года и демобилизовался.

Приехал солдат в свою деревню Манино и не увидел родного дома: сгорел в войну. Узнал, что мать, Прасковья Фроловна, и его сестра Мария живут в амбаре. Подошел к ним и обратился к матери:

-Мамаша, можно у вас переночевать?

-Сынок, да у нас негде, сами с дочкой ютимся, - отвечает Прасковья Фроловна, проворно сплетая лук в плетенку.

-Не узнаешь, мать? - и слезы полились у бывшего солдата. Присмотрелась мать и спрашивает:

-А ты кто?

-Да Федя я, Федя, - промолвил он и обнял мать, вдыхая такой родной запах ее волос.

Трех сыновей Прасковья Фроловна на фронт отправила. Старший сын Егор, 1914 года рождения, пропал без вести. Младший Иван (с 1924 года) подал весточку, что жив. Он вернулся с войны с многочисленными ранениями и остался жить в Запорожской области. Дождалась мать Феденьку, а в феврале 1947 года умерла. Отец Федора трагически погиб еще в августе 1939 года: выпал из машины.

И началась у солдата мирная жизнь, полная новых житейских испытаний. Но это уже другая история...

Несколько лет назад Федор Алексеевич похоронил жену. Так сложилась жизнь, что пришлось доживать одному, и он благодарен своей сватье Раисе Васильевне Самсоновой, что за ним ухаживает. А раны, нанесенные войной, дают о себе знать все больше и больше, особенно беспокоят ноги. Да и как им не болеть, когда пешком прошел чуть не всю землю, до конца выполнив свой солдатский долг перед Родиной, перед земляками - об этом говорят боевые награды, поблескивающие на пиджаке.

С праздником Вас, уважаемый Федор Алексеевич, с Днем защитника Отечества! Здоровья Вам и долгих лет жизни!

Ветераны Манино 9 Мая 1985 года

Выстоявшие в блокаду

Ленинградцы - люди особой породы. В них заложен "стальной" стержень, который не дает согнуться или переломиться от житейских невзгод. Стойкость и великое мужество - вот их отличительные черты.

6 января 2008 года

Борискина Клавдия Ивановна, жительница деревни Косичино, - коренная ленинградка. Она родилась 22 мая 1928 года. 2008 год был для нее юбилейный - 80 лет исполнилось. Свою жизнь она давно поделила на две части: до войны и после. Тихое безоблачное детство, жизнь с любимыми папой и мамой. Жили скромно, но не бедно. Трое детей не были редкостью и в городе, у кого-то росло и больше. Клава бегала в школу. На Васильевском острове, где они жили, у нее были подружки, с которыми гуляли по городу, ходили в кино, пересказывали друг другу содержание прочитанных книг...

Война круто изменила жизнь каждого ленинградца. Зажатый вражескими войсками в железное кольцо, город мужественно отражал натиск противника. К Ленинграду, одному из красивейших городов нашей страны, где замечательные памятники архитектуры, скульптуры, бесценные произведения живописи, прекрасные парки и музеи, было приковано внимание всех советских людей. Население встало на защиту родного города. В области были сформированы партизанские отряды, в которые вошло около 14 тыс. жителей. Формировались отделения стрелковых бригад из студентов учебных заведений и моряков Балтийского флота. Связь с Большой землей могла осуществляться лишь по воздуху и через Ладожское озеро. Бомбежки и артобстрелы не прекращались ни днем, ни ночью. Только за 19 сентября 1942 года ПВО зафиксировало 276 немецких бомбардировщиков, сбросивших смертоносный груз на промышленные объекты города. По 10-20 часов продолжались в иные дни обстрелы города. В эти дни дерзко и мужественно сражались с фашистами моряки Балтийского флота. Своим

бесстрашием они поражали даже фашистов, которые прозвали их "шварце тодт" ("черная смерть").

У Клавдии Ивановны сначала погиб отец, потом попала под бомбежку мать. Трое детей первое время были предоставлены сами себе.

Клавдия Ивановна вспоминает: "Марию положили в больницу им. Крупской - у нее началась дистрофия, а мы с сестрой Зиной находились в детском доме №68. Затем больницу, где лечилась наша сестренка, разбомбили, весь медперсонал и больные, в том числе и Машенька, погибли.

В нашем микрорайоне был базар, туда свозили умерших и складывали, как доски, штабелями. Стояли сильные морозы, и трупы не портились. Власти отвели место для могильников. Промерзшая земля не поддавалась: ее взрывали. Трупы подвозили на подводах и по нескольку сотен опускали в одну огромную яму...

Зима 1941-42 года была лютой. Люди умирали на ходу, в своих постелях, в подъездах домов... Я на всю жизнь запомнила эти 125 граммов блокадного хлеба... Однажды школьники средней №10 п. Заречный пригласили меня на встречу, а на хлебокомбинате им испекли хлеб, какой в войну выпекали. Подержали дети на ладони кусочек отрезанного хлеба - дневную норму ленинградца - и, наверное, на всю жизнь запомнили, что хлеб надо беречь: это самое святое на земле... Потом наш детский дом эвакуировали в Ярославскую область: перевезли через Ладожское озеро, а дальше - поездом. Трое детей умерли в дороге от дистрофии. Во время остановки поезда под елкой у насыпи выкопали ямку и похоронили их. Наша воспитательница за эту дорогу вся поседела. Она относилась к нам как мать, а для нас не было никого ближе ее.

...Откормили нас, отмыли. Стали мы понемногу в себя приходить. Потом взрослых девочек, и меня в том числе, в Ташкент отправили. Стали мы на шелкопрядильном комбинате работать. Коконны шелкопрядов опускали в кипяток (я запарщицей была). Вращается веретено, а я концы нити отыскиваю в горячей воде и подаю напарнице, та их наматывала на бобины. Было очень душно, такая парилка от кипятка стояла, а надо было делать все быстро, чтобы не было простоя.

В Ташкенте было много эвакуированных. Местное население относилось к нам очень дружелюбно. А ведь туда съехались люди разных национальностей, но обиженными себя не чувствовали. Земной поклон ташкентцам, протянувшим в те страшные годы руку помощи всем обездоленным. Там я и судьбу свою нашла. Сергей Матвеевич Борискин оказался среди выселенцев, работал на шахте. Там у нас сын Юра родился, и я ждала уже второго, когда однажды пришли работники НКВД

и забрали мужа. Он мне на прощание посоветовал ехать на его родину. И я отправилась. Приехала в Косичино, и вскоре муж вернулся, доказав свою невиновность. Но второго ребенка я потеряла и чуть сама не умерла...

Деревня Косичино стала моей второй родиной, но все равно хочется побывать в городе детства, пройти по набережной, взглянуть на памятники, погулять по Васильевскому острову, Петергофу... Бог послал мне внука и двух правнуков. Вот и езжу их навещать, они в Сукремле живут".

А назад Клавдия Ивановна возвращается пешком: по мосту через Болву, а дальше по тропке через заливные луга. "Летом здесь такая благодать - идешь и не надышишься, привольем любишься", - говорит на прощанье эта хрупкая женщина, житель блокадного Ленинграда, ветеран труда. Ей пришлось потрудиться путевой рабочей на ст. Фаянсовая, разнорабочей в строительном управлении "Жилстрой", уборщицей в ОТК на ЛТЗ и посудомойкой в столовой № 5 Людиновского торго. И везде, где бы ни работала Клавдия Ивановна, она всегда пользовалась заслуженным уважением и вниманием.

* * *

Февраль 2008 года

Тягостные воспоминания о пережитой блокаде остались в памяти Титова Афанасия Алексеевича, 1926 г. р., жителя деревни Хренники. В 1940 году, окончив 7 классов на ст. Фаянсовая, он уехал в Ленинград. Ему страстно хотелось поступить в мореходное училище, стать профессиональным моряком. Проучился год, а тут война.

Часть курсантов командование оставило в городе, они поступили в распоряжение ПВО. Службу несли на крышах домов, гасили сброшенные фашистами "зажигалки", помогали во время артобстрелов переправлять стариков и детей в бомбоубежище, тушили загоревшиеся объекты, хоронили умерших от истощения жителей. "Группа фашистских армий

"Север" насчитывала 750 тыс. солдат и офицеров. Почти 900 дней (с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года) город был во вражеском кольце, - говорит Афанасий Алексеевич. - Не было продуктов, прекратилась подача электроэнергии, вышли из строя водопровод, паровое отопление и канализация, но город не сдался, выдержал осаду и победил врага. Ленинградская поэтесса Ольга Бергольц читала по радио свои стихи: "Нет, земля, в неволю, в когти смерти Ты не будешь отдана, пока Бьется хоть единственное сердце Ленинградского большевика". А потом у меня заболели ноги. Был "прикован" к больничной койке - полгода не мог ходить, лечился в госпиталях. Спасибо врачам - поставили на ноги".

Листаю трудовую книжку Афанасия Алексеевича. Сентябрь 1942 года - принят кочегаром на пароход "Михаил Калинин", апрель 1943 года - переведен на пароход "Чкалов" в качестве кочегара... После войны 30 лет трудился шофером. Проехал сотни тысяч километров без единой аварии. В родных Хренниках встретил свою Татьяну. Это была взаимная любовь с первого взгляда. "Меня пригласил в гости ее отец, - продолжает вспоминать Афанасий Алексеевич. - Мы познакомились с Таней, пошли гулять. Я сделал ей предложение - девушка ответила согласием. А назавтра нас уже расписали в Кировском ЗАГСе, куда мы с ней приехали. Мы не ошиблись в выборе. Это судьба нас свела. Мы вместе уже 53 года. И любим друг друга по-прежнему. Пока не вышел на пенсию, жили и работали в Москве. А потом приехали в родную деревню, дом построили. Зимой-то мы одни, а на лето приезжают дети - их у нас пятеро, и внуки - их у нас 9. Здесь им приволье: ягоды, грибы, рыбалка..."

Афанасий Алексеевич награжден многими правительственными наградами. Есть у него медали "За Победу над Германией...", "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", "XXX лет Советской Армии и Флоту", медаль Жукова и все юбилейные медали за Победу в Великой Отечественной войне. Он ветеран труда, имеет множество наград за победу в соцсоревнованиях, удостоверение ударника XI пятилетки. За добросовестный труд несколько раз награждался Почетными грамотами министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР и ЦК профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов.

Афанасий Алексеевич Титов прошел большой трудовой путь и всегда проявлял высокое чувство ответственности за порученную работу, выполняя свои обязанности с присущей ему энергией, старательностью и инициативой. На прощание Афанасий Алексеевич говорит: "Все может вытерпеть русский человек: и холод, и голод... Вот ленинградцы прошли сквозь блок ада. Выстояли и победили. Я до конца своих дней жизни буду

преклоняться перед их мужеством и доблестью. Об этом будут помнить и мои внуки".

Я тоже твердо уверена, что подвиг ленинградцев, их стойкость навсегда сохранятся в памяти грядущих поколений.

* * *

Никитина Эра Афанасьевна вот уже более полувека живёт в Людиново. Годы сделали своё: потеряно здоровье, уже не блестят как прежде в молодости серые с лёгкой поволокой глаза. Отяжелела походка. В октябре 2008 года ей исполнилось 85 лет. Груз домашних забот уже стал обременительным. Недавно она похоронила мужа, Николая Ивановича, с которым прожили почти 60 лет. Сын – инвалид нуждается в постоянном уходе, а у неё уже не осталось сил, чтобы приготовить еду...

Наша беседа с Эрой Афанасьевной состоялась в сентябре 2006 года. Мы сидели с ней на скамеечке, смотрели на проезжающие мимо машины, на кроны деревьев, позолоченные яркой желтизной, и я слушала горькую повесть о пережитом.

«Я родилась в Саратове в 1923 году. Мои родители были коммунистами. Отец, Афанасий Фёдорович, и мать, Ефросинья Пахомовна, Михалёвы всецело отдавались партийной работе. У них были бесконечные заседания и собрания, домой лишь ночевать приходили. Моим воспитанием, можно сказать, и не занимались.

Отец окончил Саратовский институт народного хозяйства им. Энгельса и в начале 30-х годов был направлен по партийной линии в Татарию уполномоченным народного комиссариата для заготовок продовольствия. Кратко его должность именовалась «уполнаркомзаг». Его направляли из одного района в другой – вместе с ним переезжали с места на место и мы с мамой. Последние места, где мы жили – это Мамадышский и Истриченский районы. Там я закончила среднюю школу, оттуда уехала в Ленинград. А теперь в Татарии покоится прах моих родителей.

В 1940 году я поступила в Ленинградский электротехнический институт, «ЛЭТИ» - так мы его ласково называли. Он находился на Песочной улице. Жила в общежитии. Год был полон новых радостных впечатлений. Ходила в музеи, на концерты, знакомилась с историческим наследием города. Дни летели незаметно, так как всецело отдавалась учёбе. А тут война началась.

В первые же дни институт командировал своих студентов под Выборг на рытьё окопов, чтобы укрепить линию обороны. Месяц мы

копали. Вместе с нами трудились жители трёх районов Ленинграда: Выборгского, Приморского и Петроградского. Всех нас было несколько тысяч. В основном женщины, так как мужчины в своём большинстве были призваны в армию. Ров протянулся на десятки километров. Мы копаем, а над нами пролетают немецкие самолеты и сбрасывают бомбы или огнём поливают. Сверху наш ров ими хорошо просматривался, вот они и летали вдоль этой линии. Мы ляжем на дно, укрывшись с головой, переждём налёт и снова копаем. К концу июля появились отступающие военные подразделения. Командиры спрашивают: «Вы почему не отходите? Скоро здесь будут фашисты». А мы им отвечаем, что не было приказа отходить. И тогда старшие по званию командиры приказали нам возвращаться.

А на чём добираться? К этому времени близлежащие станции были разбомблены. И вот огромная масса людей тронулась с места. К копальщикам присоединялись и местные жители, покинувшие кров перед нашествием врага. Шли в шеренгах по три-четыре человека, и людской поток растянулся на много километров. Лесная дорога шла параллельно железнодорожной линии. Придём на станцию – она уже разбита, идём до следующей – и там всё разгромлено. Так и шли от станции до станции двое суток без остановок. В руках каждый нёс свою лопату – это ведь было госимущество, бросить нельзя. Кругом ни шуток, ни смеха. Голодные и уставшие дошли до ст. Бергиярви и застали последний эшелон, который должен был отправиться на Ленинград. Кругом шум, плач, столпотворение. В вагоны сажали в первую очередь женщин, детей, стариков.

Было несколько случаев, когда матери подадут маленьких детей в окно, а сами не могут взобраться на подножку вагона, либо наоборот: мать села, а ребёнок в толпе затерялся. Кто-то вещи свои потерял...

Забегая вперёд, скажу, что в 60-х годах я специально поехала в Выборг, с экскурсией ходила по тем траншеям и вспоминала жуткий июль 1941 года.

Наконец, эшелон прибыл на Финляндский вокзал. Мы отправились в институт. Нам сразу же нашли новое дело: мы стали готовить школы к началу учебного года и здания под госпитали. Оклеивали стёкла крест накрест, чтобы не рассыпались при бомбёжках, носили и расставляли кровати, наводили чистоту. Нас часто отправляли на разбор завалов, так как от обстрела пострадали многие здания. Недалеко от института был Ботанический сад, известный на всю страну своими уникальными растениями. И в этом саду мы выкапывали редкие растения и уносили их

в хранилища. Ленинградцы хотели сберечь всё самое дорогое, что было в городе.

А потом я устроилась на завод им. Макса Гёльца. Этот завод до войны выпускал сельскохозяйственную продукцию, а с начала войны он становится оборонно-промышленным предприятием, и ему присваивают №911. Я стала браковщицей на конвейере, проверяла качество деталей, а которые не соответствовали стандарту, отбраковывала. Работали по 12-14 часов. Там я получала 250 г хлеба и горячие обеды в заводской столовой. Хоть и жиденький супчик, а организм питал. После работы ещё с концертами выступали в госпиталях. У меня музыкальный слух и голос от Бога, петь с детства любила, а вот дочери и внуки мои не поют...

В сентябре начался новый учебный год. Первыми за парты сели учащиеся начальных классов, потом ученики постарше. В нашем ЛЭТИ занятия возобновились в октябре. Пока тихо – мы занимаемся. Когда обстрел начинается, радиостанция вещает: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Мы спускаемся в подвальное помещение, а метроном ведёт отсчёт времени. Как только он замолкает – мы знаем, что пора выходить...

Однажды ждём профессора, а его всё нет и нет. А когда вошёл в аудиторию, был бледен как полотно. Подошёл к доске и написал фразу: «Звенели соловьи на старых клёнах». А преподавал он начертательную геометрию. Мы смотрим на него в недоумении. И только спустя некоторое время наш старенький седенький профессор отошёл от шока – это он по дороге в вуз попал под бомбежку, и на его глазах были убиты несколько человек.

Наше общежитие находилось на Кировском проспекте. К зиме уже было много умерших от холода и голода. Петроградский ГК ВЛКСМ поручил нам сделать сверку в жилых домах, выяснить, кто живой, кого нет. Закрепили за нами дома, и мы делали поквартирные обходы. Иногда придёшь в квартиру, а там жилец лежит чуть живой от истощения. Разжигаете книжками буржуйку и что-нибудь варишь, чтобы хоть как-то согреть и покормить этого измождённого. А ещё мы выносили мёртвых. Завернём в покрывала или в простыню с кровати и выносим во двор. А другие эти трупы отвозили к могильникам. Ещё мы разносили таблетки от голодного поноса, который часто приводил к летальному исходу.

Вот так под свист пуль и снарядов учились и работали. Однажды, во время моей рабочей смены, раздаётся в воздухе страшный приближающийся вой – это летела авиационная бомба. Мы уже научились различать снаряды по звукам. Бросились укрываться в щели (так заводчане называли узкие траншеи). Лежим, накрыв головы от

страха, а бомба эта упала во дворе первого медицинского института. Её вес был более 400 кг, и она, глубоко уйдя в землю, не взорвалась. Мы видели её. Позднее минёры эту бомбу еле откопали, увезли в безопасное место и там взорвали.

В марте 1942 года поступил приказ об эвакуации нашего института. Отправке в глубокий тыл подлежали студенты и профессорский состав. На заводе, где работали студенты, заседала комиссия. Меня спросили, сколько мне лет. Я отвечаю: «18». Члены комиссии посмотрели на меня, истощённую и измождённую, и не стали задерживать. А мы тогда были все пропитаны духом патриотизма. Жили одним желанием уничтожить врага, освободить землю от захватчиков. Город находился на осадном положении. И если б нас оставили, мы продолжали бы защищать Ленинград.

Перед отъездом каждому выдали сухой паёк на 10 суток, а мы добирались к месту назначения 9 месяцев. Менялись поезда и вагоны. Всех изнуряли бесконечные остановки. Вагоны, в которых нас везли, были предназначены для перевозки скота. Оконца вверху, страшная духота, еды почти никакой. Через эти оконца мы выбирались на крышу. День ехали, обдуваемые ветром, а на ночь снова забирались в вагон. Ноги просунем в окно, держась за верхний выступ, а из вагона кто-нибудь подхватывает – так сползали на пол.

На одной из станций разместили нас по квартирам. Всем строго приказали не есть, так как мы все были истощены. Гостеприимная хозяйка поделилась за ужином своей едой. Не помню, что я ела, только к ночи у меня начались колики. Отправили кого-то за фельдшером, но медицинской помощи я так и не дождалась, так как крики эвакуированных неслись из каждого дома. Некоторые умерли от заворота кишок. Трупы выносили из домов и тут же укладывали друг на друга у забора. Это было ужасное зрелище. Меня от смерти спасла хозяйка. Она велела лечь на пол и кататься от стены и до стены. Я плакала от невыносимой боли, но катание спасло меня от неминуемой смерти.

Привезли нас в Будённовск. Там сделали очередную остановку, и мы недели две работали. Немножко окрепли, нам дали продуктов, и мы отправились пешком до Моздока, а оттуда путь лежал дальше – до Ташкента. Там нас уже ожидали наши преподаватели. И началась учёба. Жили мы в домах местных жителей, которые относились к нам, эвакуированным, по-родственному. Они предоставили нам не только кров, но и пищу, делились одеждой. Благодаря гостеприимным ташкентцам мы выжили. Я и сегодня с теплотой и сердечностью

вспоминаю свою хозяйку и её большую семью и желаю всем узбекам счастья и процветания.

В 1944 году наш вуз перевели в Казань, там мне вручили диплом инженера-химика и направили в один из уральских техникумов, где преподавала химию.

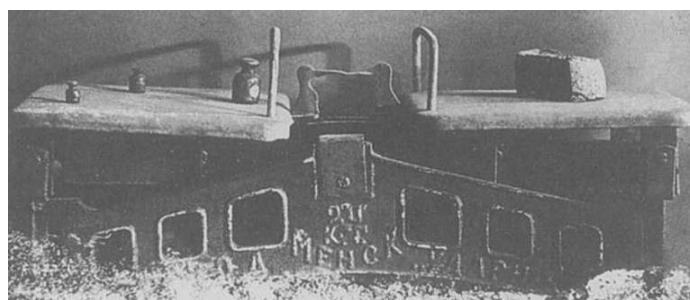
В начале 50-х я вышла замуж за Никитина Николая Ивановича. Он получил назначение в город Людиново. До ухода на пенсию мы с ним трудились в машиностроительном техникуме. 15 лет на общественных началах я вела кружок художественной самодеятельности, выступала на всех праздничных концертах, пока была помоложе. А потом мне на смену пришли молодые исполнители. Песня во все трудные времена помогала мне. Когда дома что-то не так или на работе не ладилось, а я хожу и пою. Ведь песен великое множество, они подстать настроению... Если вслух нельзя, так я про себя пою. Вся моя душа песнями наполнена.

Вот недавно в больнице лежала, операцию перенесла. Очнулась от наркоза – в памяти вспыхнула строчка: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага...» Вот так и живу.

Ездила в Казань на встречу выпускников и на 10, и на 20, и на 30 лет. Эти встречи дарили мне заряд бодрости и оптимизма».

Эру Афанасьевну часто приглашали в школы. И она, каждый раз всё заново переживая, рассказывала ученикам о подвиге ленинградцев, об их мужестве и стойкости, проявленных в грозные 1941-1943 годы во время блокады.

Вот такие они, герои моего очерка, люди, пережившие трагические дни осаждённого врагом Ленинграда, но не потерявшие силу духа и волю к жизни.

125 граммов «блокадного» хлеба

Никитина Эра Афанасьевна
3 апреля 2009 года

В ЛЮБВИ И СОГЛАСИИ

Антонина Иосифовна

Ефимовы

Виктор Сергеевич

Древние философы утверждали: "Для того чтобы быть счастливым, надо быть занятым". Счастье многих людей часто зависит от тех событий, которые встречаются на жизненном пути. И, пожалуй, каждый связывает свое счастье, особенно в молодые годы, с созданием такой семьи, в которой царила бы полная гармония между супругами, росли и воспитывались любимые дети. Недавно мы с краеведом Макеевым Колей побывали в такой семье и остались рады знакомству. Хозяйка дома, Антонина Иосифовна, родилась в 1923 году в Косичино. Ее отец, Иосиф Антонович Слепаков, работал на Людиновском локомотивном заводе, обрубщиком на котлах в котельном цехе. Он 1898 года рождения.

«Сначала отец дрова возил на лошади на станцию Куява, был на лесозаготовках. В Людиново переехал с семьей в 1938 году, - стала рассказывать Антонина Иосифовна. - А мать моя, Татьяна Сергеевна, была домохозяйкой до войны, занималась воспитанием четверых детей.

Мне 17 лет было, когда война началась. Люди потянулись в военкомат: всем хотелось скорее попасть на фронт бить врага. Было такое стремление и у моего отца. Но заводская комиссия многих оставила работать в цехах. А тут началась эвакуация завода. Оборудование грузили на платформы, и мы с отцом отправились в Сызрань. Моя мать с тремя детьми должна была приехать позднее, да передумала. Доехав до

Фаянсовой, встретила с двоюродной сестрой. Та захохла: "Куда ж ты, Таня, едешь? Немцы нам ничего не сделают". И мать наняла возницу, который довез ее с детьми до Людиново. Так и жили в оккупированном городе. Дом тогда находился на ул. Кропоткина. В одной половине жила мать с моими братьями и сестрой, в другой - немцы расположились. А тут стали жителей в Германию отправлять.

Как-то вечером зашел фриц (он во 2-й половине дома жил) и говорит: "Матка, завтра в Германию повезут, повесь на дверь замок и схоронитесь..." Она так и сделала. До ночи прятались в огородах, и это спасло от изгнания. Дом тот и сейчас цел. В войну не сгорел, так как каменный. В одной половине племянник живет, а в другой - вдова моего брата. Я до войны 4 класса в Косичинской школе закончила, а семилетку - в Куявской. Когда с отцом в Сызрань приехали, пошла учиться в вечернюю школу. Днем работала на плодоовощном комбинате, где готовили продукцию для фронта. А отец на заводе трудился. Иногда сутками не встречались. Наш завод перестроили на военный лад: изготавливали снаряды и другую необходимую для фронта продукцию. Одни людиновские заводчане на фронте бились с врагом, а другие в тылу ковали победу, работая по две смены. Иногда так устанут, что не хватало сил дойти до койки в общежитие. В Сызрань в то же время из Москвы были эвакуированы медицинский и радиолокационный техникумы. Вот и задумала я после 8 классов в техникум пойти. Сдала экзамены и поступила на радиолокационное отделение. Вместе со мной училась и моя землячка. Прошло 4 месяца - нас с ней вызвали в военкомат и отправили как лучших студентов на курсы молодого бойца. Там мы приняли присягу и уже через 4 месяца были направлены в Сталинград»".

Сталинградская битва длилась с июля 1942 года по февраль 1943 года. Противником советских войск была 6-я армия во главе с фельдмаршалом Паулюсом и группа армий "Дон" с фельдмаршалом Манштейном. Немцы предполагали выйти к Волге в районе Сталинграда, отрезать центральные районы СССР от хлебных и нефтяных запасов юга, а затем повернуть на север и захватить Москву.

Со стороны СССР в бой с врагом вступили более одного миллиона трехсот тысяч солдат, 3444 танка уничтожили немецкие группировки на земле, а летчики бомбили сверху.

Два маршала, Г.К. Жуков и А.М. Василевский, направляли военные действия. Мамаев курган - место самых ожесточенных боев. Там проходила линия обороны города. На Мамаевом кургане сталинградцы поклялись: "Ни шагу назад!", "За Волгой земли для нас нет!" Более ста дней и ночей свинцовый ливень поливал город, враг свирепствовал и

рвался захватить высоту. От города к концу Сталинградской битвы остались одни руины. Смок из гари и копоти висел над почерневшими от горя защитниками города.

Каждый метр этой героической земли принял до 30 кг смертоносного железа. Земля насквозь была пропитана кровью. Под Сталинградом были уничтожены 32 немецких дивизии, а 16 дивизий, изрядно поредевших и потрепанных, потянулись назад. Полтора миллиона фашистов бесславно погибли на Волге, три с половиной тысячи их танков и самоходных орудий были превращены в металлолом. Около трех тысяч вражеских самолетов сбили советские авиаторы.

И в этом есть и определенная доля Антонины Иосифовны. Она несла службу на аэродроме, дежуря по 12 часов на радиолокационной станции американского производства "Пигматит". По высокочастотным волнам - сигналам определяли движение в воздухе самолетов противника, устанавливали, на какой высоте они летят и передавали данные в кабину советским пилотам: "Алло, алло, Сокол-1, Сокол-1, самолеты противников в количестве... направляются по маршруту... на высоте... метров, как поняли?.."

В феврале 1942 года в стране появился радиолокационный институт-завод, в котором трудились известные учёные С.Э. Хайкин, М.Л. Слиозберг, В.И. Ешазаров и другие. Их радиолокационные станции орудийной наводки СОН-2а с точностью определяли координаты нахождения самолета противника.

Радиолокационные установки «Гнейс – 2» устанавливались на самолётах, с их помощью летчики обнаруживали немецкие самолёты за 4-5 километров и могли вести за ними наблюдение вплоть до сближения на 300 м.

К концу войны при помощи радиолокаторов создавалось сплошное радиолокационное поле, парализовавшее авиацию противника.

В годы Великой Отечественной войны российские конструкторы создали новые типы самолетов – это ЛА-5 и ЛА-7 (авиаконструктор С.А.Лавочкин); ЯК-1, ЯК-3, ЯК-7 и ЯК-9 – детища А.С.Яковлева; пикирующие бомбардировщики ТУ-2 и тяжелый бомбардировщик Пе-8, над которым трудилось конструкторское бюро А.Н. Туполева.

Русские самолёты-штурмовики ИЛ-2 фашисты прозвали «черной смертью».

Боевой путь рядовой Слепаковой А.И., планшетиста радиолокационного взвода 38-го гвардейского истребительного авиационного полка пролегал через Днепропетровск, Керчь... и закончился в Бухаресте, где и встретила долгожданную победу.

"Не передать словами всеобщего ликования, - продолжила свой рассказ Антонина Иосифовна. - Летчики подняли в воздух все самолеты и так отсалютовали поверженному врагу и всему миру конец ненавистной войны".

Порабощенные Гитлером народы радостно приветствовали победителей. И слово "Россия" стало символом веры и надежды, символом освобождения от фашистского ига и символом свободы.

Победители возвращались домой к мирному очагу. В середине лета 1945 года приехала в Людиново и наша героиня.

"Отец мой вернулся позже - в 1946 году - с разрешения М.И. Калинина. Семья воссоединилась, но надорванное войной здоровье вернуть отец не сумел. Он умер в 1947 году, честно выполнив свою боевую задачу".

Муж Антонины Иосифовны, Виктор Сергеевич Ефимов, родился в Ольшанице, где прошли его детство и юность. Когда началась война, вступил в Дятьковский партизанский отряд Лосева, был в бригаде Орлова, а ведь было ему в ту пору всего 16 лет. Но вместе со взрослыми делил все тяготы боевой походной жизни. Ходил в разведку, за продуктами для партизан.

Деревни Кресты, Бытошь, Исаково, Зерновка, Косилово - были тесно связаны с партизанами. В каждой деревне были свои "глаза и уши", которые добывали нужные сведения и передавали через связных в партизанский отряд.

"Самым трудным для нас был 1943 год, когда четыре вражеские дивизии зажали в кольцо брянские леса, - вспоминает Виктор Сергеевич. В 1942 году немцы многих жителей угнали в Германию. Их осиротевшие коровы ходили по лесу, поэтому у партизан не было проблем с питанием. А в 43-м кружка ржи и кусок мяса - норма на неделю. Немцы нас гоняли, как зайчиков. Многие из партизан умерли от голода и ранений. Умерших и погибших было больше, чем живых осталось.

Командир нашего отделения Сергей Сергеевич заботился обо всех, как мог. Но слишком были неравные силы. Сколько раз мы попадали в сложные ситуации.

Идем однажды с Лебежкиным Николаем (он сейчас в Москве живет) на задание. Надо было большак переходить, а тут гул машины послышался. Мы залегли в кювете. Так хотелось по этим фашистским солдатам "полоснуть" из автомата, но тогда нас бы быстро обнаружили, ведь рядом Ольшаница находилась, а в ней немцы стояли. Услышали выстрелы и прибыли б к большаку... Хорошо, что нас выдержка не подвела. Да и немцы, ехавшие в той машине, нас не заметили.

Однажды, мы приняли бой, в котором я получил ранение. Сначала в Юхнове в госпитале лечился, потом в Калуге долечивался. А после лечения меня направили в резерв ЦК комсомола. Это были трудовые резервы. Оттуда я попал в специализированное ремесленное училище города Москвы.

Потом была служба в армии. Наша воинская часть базировалась в Германии. Уже находясь на службе, от командира части узнал, что принимавшие участие в партизанском движении освобождались от действительной службы. Ведь уже шел 1951 год, но я решил дослужить, как положено. Вот тогда-то я и написал в Людиново письмо и на конверте указал "первой встречной девушке". Захотелось с кем-либо познакомиться. Письмо попало в руки Антонине, она тогда уже на почте трудилась, куда устроилась в 1946 году оператором главной кассы".

Далее продолжила Антонина Иосифовна: "Попало это письмо мне в руки - и написала я ответ. А в следующем письме мне Виктор свою фотокарточку прислал. Мне он понравился. Так завязалась наша переписка. А когда демобилизовался, мы с ним поженились. И вот уже 54 года живем в любви и согласии"...

Виктор Сергеевич после службы 17 лет отработал мастером в ГПТУ №2, а потом был переведен на ЛТЗ. Встал за токарный станок. Проработав 10 лет токарем, в 1986 году вышел на пенсию.

Антонина Иосифовна ездила в Ростов-на-Дону на встречу с однополчанами на 30-летие Победы.

В 1980 году вышла на заслуженный отдых...

Годы дают о себе знать, но взаимная любовь, которую супружеская пара Ефимовых сохранила по сей день, помогает преозмочь болезни.. Внимание дочерей и внуков согревают их и наполняют сердца тихой радостью, а любовь к Родине, которую они защищали с оружием в руках, и сегодня придает им нравственные и духовные силы.

Коля Макеев в гостях у Ефимовых 30.09.2007 г.

Горькие и тяжёлые годы

Знакомясь с историей улиц Людиново, пошли мы по улице Заречной. Наше внимание привлёк дом с ухоженным палисадником, и нам захотелось познакомиться с хозяевами. Оказалось, что в доме проживает пожилая чета Минаковых - Александр Васильевич (1931г.р.) и Галина Никифоровна (1927г.р.). Александр Васильевич немножко приболел, но нашёл в себе силы поведать о своей прошлой жизни.

«До войны мои родители, Василий Стефанович и Наталья Карповна Минаковы, жили в доме №7 по улице Пролетарской, которая тянулась от мостика (поворот на станцию «Людиново-І») до Болвы. В семье 5 человек. Отец – инвалид II группы. Мне было 10 лет, когда в октябре 1941 года фашисты на моих глазах заняли Людиново. Наши войска тогда отступали. Немцев ожидали со стороны деревни Курганье, многие боялись и поэтому покидали дома. Мы подались в Колотовку. Там вместе со взрослыми докапывали картошку. Местные колхозники поделили между собой колхозное картофельное поле. Хозяева разрешили нам копать картошку, но большую часть урожая мы отдавали им, а меньшую - оставляли себе за работу. Недели через две мы отправились домой.

Подходим к Романовке, а там люди стоят, подняв кверху головы. Смотрим – семь человек повешенных – это наши сукремльские мужики, рабочие с чугунолитейного завода. Они уходили из города, подорвав мост и устроив взрыв на заводе, да напоролись на фрицев. Те с ними быстро расправились. Я узнал одного из казнённых – это был Лапин. Позднее немцы поймали Грачёва Василия. До войны он работал в депо на Фаянсовой, и у него была бронь. Он ушёл в партизаны. Ночью пришёл в город с заданием, да, видимо, не в добрый час. Фрицы примотали его проволокой к столбу и штыками кололи, пока не закололи насмерть. Я с ребятами его труп видел. Смотрели, хотя это жуткое зрелище.

...Дело зимой было. Немцы на подводах на нашу улицу за съестными припасами нагрянули. У многих картошку, муку, сало забрали, даже сено увозили, что к зиме для скота жители заготовили. Поскольку подвод у немцев оказалось маловато для награбленного, они решили приехать ещё раз на следующий день. Жители с Пролетарской через связных передали об этом весточку партизанам. Те устроили в домах засаду. Как только фрицы появились на улице, партизаны открыли по ним огонь. Они приехали на 27 подводах, а убегали назад только на семи. Мы это в окно всё видели. Партизаны в лес подались, а спустя некоторое время на улице появился фриц, он шёл босиком, голова без шапки, но в шинели. Видимо, притворился мертвым, когда после боя кто-

то снял с него валенки и шапку. А теперь он спешил к своим, боязливо оглядываясь по сторонам.

Через день появились немцы и собрали трупы своих солдат. Их оказалось 48. Погрузили их на семь подвод и подожгли на нашей улице дома. У Петра Щербакова под крыльцом обнаружили шинель с немецкого солдата. Многие тогда с трупов снимали одежду и обувь. Немцы закрыли дом Щербаковых снаружи и всю семью сожгли заживо. Я с этим Петей в одной начальной школе учился. Она тогда в деревянном бараке располагалась, а потом уже нас перевели в здание школы №4. Сколько человек погибло в семье Щербаковых, я не помню, но детей тогда у всех было по 3-5 и более.

Зима выдалась голодная. Немцы трупы своих увезли, а их три лошади убитых остались на улице, и люди отрезали от них куски мяса и спешили домой. Нам с братом досталась конская голова. Мы её на санках везём, а с головы кровь капает. Кровяной след прямо до порога тянулся за нами.

Партизаны мост на плотине разобрали, а немцы собрали мужиков и заставили его заново отстроить. Среди этих мужиков был и мой отец. Он обморозил руки, так как был без рукавиц, и теперь лежал на печи с забинтованными руками. Я Забрался к нему на печь погреться, а тут полицай в дом зашёл и спрашивает:

- Где ваш отец?

- На печи, - отвечает мать.

Отец спустился и держит перед собой забинтованные руки.

- Значит, ты партизанил?! Обморозился? И повели отца во двор. Отец у матери шапку просит, а они говорят ей:

- Не нужна теперь ему шапка – на расстрел ведём.

А во дворе из сарая выходит ещё один полицай из наших, людиновских, и говорит:

- Не надо его расстреливать. Он самый бедный. Я с ним в пожарном депо работал.

Вот и не тронули отца...

Весной воду из озера спустили, но ручеек тёк. Пошли мы с отцом и братом рыбу ловить. Было часов 5 утра. Сидим, забросив удочки, ждём, когда клёв начнётся. Тут к нам инвалид подошёл и рядом сел со своими удочками. Откуда не возьмись – идут два немца, у одного плётка в руках. Как огрел он его по лицу инвалида, так у того кровь брызнула во все стороны. А потом этот фриц толкнул его в воду и стал той плёткой охаживать нашего отца. Раз по отцу ударит, другой – по брату. А потом отца в комендатуру увели, а мы с братом ни с чем домой воротились,

инвалид тоже из воды вылез и домой поковылял, да не дошёл: его на улице, прямо у дома, немцы застрелили.

В комендатуре отцу приказали на следующий день привести всю семью. Пришли мы: мать, отец, две сестры и два брата. Нас пешком отправили в Зикеево. Человек 200 всех набралось. В Зикеево всех погрузили в вагоны и отправили в Германию. Нас сопровождали фашисты с пулемётами. Больше месяца добирались до Гродно, там 2 недели находились в пересылочном лагере...

В Германии наша семья попала на торфяные разработки. От барака до работы водили за 12 километров. С утра и до ночи горбатились. Я в бараке занимался хозработами. По сути – совсем ребёнок ещё, но делал всё, что прикажут: и полы мыл, и котлы драил, воду носил, травил от блох постели...

Однажды отец заболел и не смог подняться с постели. Два надсмотрщика скинули отца с матраца и стали избивать палками. Один из них – Моргут Сидельсберг. Мать упала и отца своим телом накрыла, только тогда бить перестали. А отец через три дня скончался. Там и похоронили. У церкви для русских был ряд отведён. Матрасовку сняли с матраца, всунули в неё тело отца и закопали...

Через месяц нас перевезли на новое место. Мы оказались в 18 километрах от Бремена. Жили в бараке. Этот портовый город имел стратегическое значение. Порт находился близ устья реки Везер, в 1430 километрах от её впадения в Северное море. В городе были развиты чёрная металлургия, судостроение, авиастроение, химическая, текстильная, деревообрабатывающая промышленность. Там занимались переработкой кофе и табака, варили пиво. На многих крупных предприятиях работали русские, поляки и люди других национальностей. Американцы бомбили Бремен и от него не оставили камня на камне.

Война к концу подходила. Собрали всех мужчин, выдали по две буханки хлеба, по две рыбице и отправили 1200 человек к морю. В этой группе были не только русские, но и голландцы, французы, поляки, итальянцы... На привале они узнали от одного охранника, что их хотят посадить на баржу, отплыть подальше и утопить в море. Когда стемнело, русские назад в лагерь вернулись, французы домой подались, а остальные – кто куда.

Нас освободили американцы и передали русскому командованию. Начался путь домой. Прибыли в Бухенвальд, там выдержали двухнедельный карантин.

В Бухенвальде находились две железнодорожные ветки, длиной с километр, по ним подвозили узников к крематориям, над которыми

высились четыре трубы. Рядом со зданиями, в которых были сложены печи для кремации, высились горы одежды кремированных. Я там всё облазил вместе с другими мальчишками. Некоторые в одежде находили кошельки, а по деньгам, сохранившимся в кошельках, определяли, кому они принадлежали: французам (у них франки), полякам (по кронам) или итальянцам (у них лиры), а если гульдины, то, значит, хозяином кошелька был голландец. Кому ножички попадали, кому что...

Вернулись в Людиново – а дома нет. Во время нашего отсутствия в нём три семьи жили, а потом он сгорел.

На улице Ломоносова жил наш дядя, Минаков Алексей Стефанович, – вот он и приютил нас на первое время. Потом мы выкопали землянку и ещё долго в ней жили...»

Жена Александра Васильевича, Галина Никифоровна, родом из д. Думлово. Их семья была большая – одних детей семеро. Галина Никифоровна вспоминает:

«Мы рано осиротели. В 1929г. умерла наша мать. Легла на операцию по удалению аппендицита и не проснулась после наркоза, а в 1932г. не стало и отца. Нас бабушка воспитывала. Сестра Наташа, 1912г.р., вышла замуж за думловского и жила в своей деревне. Люба, 1917г.р., вышла замуж за людиновского и переехала в город. Третья сестра, 1921г.р., тоже жила в Думлово. В 1937г. она пошла после окончания ФЗУ на Сукремльский чугунолитейный завод и стала формовщицей. Единственный наш брат, Лёня, 1923г.р., стал работать в депо на Фаянсовой; Аня, 1925г.р., после ФЗУ стала работать токарем на заводе. Валя, предпоследняя, родилась в 1926г., а я – 1927 года рождения. Мы с ней учились в Куяве и каждый день бегали в школу по лесной дорожке.

Когда война началась, брата призвали в армию. 28 августа 1941г. мы проводили его на фронт и больше уже не увидели. Не прислав ни одного письма, Данилкин Алексей Никифорович пропал без вести.

Немцы пришли и выгнали нас из дома. Мы в Куяву перебрались. Ночью партизаны приходят за едой, а днём немцы последнее забирают. Так впроголодь и жили. Староста Калиничев уговаривает нас: «Давайте, бабы, что есть у вас – это нашим партизанам...» и делились последним. У старшей сестры муж был в партизанах. Наварим картошку и просим у немцев пропуск, якобы в лес по грибы, тайно бежим в условленное место да передаём своим.

Пришёл день – и нас в Германию отправили. В 4 часа утра подняли, пешком мы шли до Дятькова, оттуда – до Брянска, там посадили в эшелоны и привезли в Эстонию. Лагерь находился в 49 километрах от Таллина. Это маленький городок Полдиски в Харьюском районе. Этот

городок был основан Петром I в XVII веке. Трудно сказать, сколько изгнанников прошло через те лагеря, ведь только в одной Эстонии их было около 150. Многие умирали в этих пересыльных лагерях, кого-то отправляли дальше в Германию.

Я не объясню сейчас, как у нашей тётки корова оказалась. Они с матерью пообещали эту корову начальнику станции Лойде. Он всех нас вытащил из-под колючей проволоки и выделил пустой домик, взяв за свою услугу только полкоровы. Этот год мы жили там, и взрослые работали на железной дороге. А после нас в Германию отправили. Мы жили в 12 километрах от Бранденбурга (город в центральной части ГДР, порт на реке Хафель). Я работала на огороде. Подростки морковь выращивали. И пололи, и поливали, и ели украдкой. Освободили нас 5 мая 1945 года. Когда отчаянье разрушает мечты, остаётся надежда. Мы жили этой надеждой и верой в Бога, которому молились день и ночь, прося избавления от всех напастей. И Господь услышал.

Прибыли мы в Думлово, а дома нет: разрушен. Ютились в погребе. Да что вспоминать те горькие, тяжёлые годы? Я на ЛТЗ устроилась учеником токаря. Для меня началась новая жизнь. В 1950 году мы с Александром Васильевичем поженились да так и живём с тех пор вместе. И золотую свадьбу уже отметили. У нас двое детей, у них своя жизнь».

Люди, перенёсшие испытания войной, закалённые и терпеливые. Они радуются каждому новому дню. Вероятно, у каждого человека своя книга жизни. Вспоминая прошлое, он листает страницу за страницей своей книги памяти. И ведь то пережитое, что было самым трудным, горьким и болезненным, ярко помнится долгие десятилетия. И пока жив человек, не будет конца у этой книги.

Минаковы
Александр Васильевич и Галина Никифоровна 29.10.2006 г.

Награда искала героя 59 лет

В истории нашей Родины никогда не померкнет слава героев Великой Отечественной войны. Один из них – Бобров Сергей Романович. Мы с ним знакомы с 1971 года. Я в ту пору снимала жильё у Баранковской Марии Филипповны, а их дома напротив, по улице Куйбышева.

Поэтому я ежедневно встречалась с Сергеем Романовичем. Видела в окно, как он утром уходил на станцию Людиново-І, где трудился дежурным по станции, видела возвращающимся усталой походкой домой или несущего воду из колодца, а то - шагающего с чёрной сумкой в магазин на сукремльскую горку.

И всегда с доброй улыбкой, спокойного и внимательного, любящего свою жену, Ольгу Сергеевну, с которой вступил в брак в 1947 году. Вместе они прожили 57 лет, родив и воспитав двух замечательных сыновей - Анатолия и Бориса, и пережили их обоих, к своему горькому сожалению.

Вот уже 18 лет, как умер младший, 9 лет, как не стало старшего сына, а в 2004 году ушла и жена... Что это – испытание, посланное Богом, или такова судьба, с которой не поспоришь? Десятый десяток, а точнее – 94 года – немалый срок в житейском океане. Уже стал сдавать свои позиции старый ветеран Великой Отечественной: и слух не тот, и здоровье потеряно, и речь становится бессвязной, но глаза по-прежнему живые и светлые.

Его детство и юность прошли в посёлке Леонидово Ельненского района Смоленской области. Он – единственный сын у своих родителей, Романа Ивановича и Степаниды Дмитриевны Бобровых. У матери была сестра, родившая много детей. Вот одну из ее девочек, Шуру, родители удочерили, вырастили и выучили. Она окончила пединститут, до ухода на пенсию преподавала в школе. Сейчас ей идёт 76 год и живёт она в

Измаиле, но постоянно пишет письма и тревожится за здоровье своего сводного брата.

До войны Сергей Романович успел в Армии отслужить. С июня 1938 по март 1939г. нёс службу в 156 отдельном строительном батальоне. После службы немногим более года поработал, но война разрушила мирные планы. Уже 29 июня 1941 года был призван на фронт. Под свист бомб и снарядов потекли военные будни, полные нечеловеческого напряжения, тяжёлых потерь и жестоких испытаний. Тысячи километров с телефонным проводом прошагал он как связист-телефонист и радист. Сначала в составе 292 стрелковой дивизии (Волховский фронт), а с июня 1943 года – с 47 отдельной танковой механизированной бригадой, обеспечивая бесперебойную связь своих командиров со штабом фронта. Рвутся снаряды, на дыбы поднимая землю, а связист Бобров где ползком, где бегом, не выпуская из рук 10-килограммовую катушку с двужильным телефонным проводом, которого на бобине не менее километра намотано. Кстати сказать, русский телефонный провод в ту пору был более низкого качества и намного тяжелее немецкого, поэтому-то немецкие связисты затрачивали гораздо меньше сил при их переноске, чем русские.

За проявленное мужество Сергей Романович был награждён орденом «Красной Звезды» (№984438, от 1 декабря 1942 года); орденом «Славы III степени» (№18694); орденом «Отечественной войны II степени» (Г№648119, от 11 марта 1985 года).

И уже в мирные годы за трудовую доблесть удостоен ордена «Трудового Красного Знамени» (№459291, от 4 августа 1966 года).

Города на боевых медалях – яркое свидетельство его боевого пути:

«За оборону Ленинграда» (№51143, от 14 февраля 1945 года);

«За взятие Кенигсберга» (А№443105, от 11 декабря 1946 года);

«За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (от 24 февраля 1946 года);

«За Победу над Японией» (Д№484547, от 11 декабря 1946 года).

Участвуя в боевых операциях на Дальнем Востоке по освобождению наших территорий от японцев, потерял все зубы, переболев в то время цингой, и с 34 лет уже носил вставные челюсти. На пиджаке Сергея Романовича, помимо перечисленных, есть ещё две медали «За Отвагу», одна из них искала своего героя 59 лет и была вручена Сергею Романовичу 25 ноября 2004 года. Испытал ли радость старый ветеран Великой Отечественной, не знаю, но внушки Оля и Оксана порадовались за любимого деда.

В копилке нашего героя есть все юбилейные медали, в том числе и медаль Жукова (Д№325476).

За войну был дважды ранен. Первый раз - в поясницу, второй – в грудь. Лечился в госпиталях (в 86 и в 1416), дважды был контужен. Видимо, молитва матери, Степаниды Дмитриевны, которую та ежедневно возносила Пресвятой Богородице, помогла выжить, перенести все испытания и живым вернуться домой.

Начиная с 1946 года, Сергей Романович свою трудовую деятельность посвятил железной дороге, проработав дежурным по станции до 1974 года, т.е. до пенсии.

30 мая 1966 года он, находясь на своём посту, приветствовал пионера космоса – Юрия Алексеевича Гагарина, ступившего из вагона на людиновскую землю. Сергей Романович - свидетель многих интересных событий в нашем городе. Лучшие годы его жизни связаны с железной дорогой. Строгий и внимательный на работе, добросовестный и исполнительный, он пользовался уважением своих товарищей. Его фотография долгие годы находилась на Доске почёта, а в трудовую книжку не вместились все благодарности, объявленные за добросовестный и безупречный труд. У него много Почётных грамот за отличную работу по обеспечению безопасного движения поездов. За четверть века он занимал разные должности: работал дежурным по станции, диспетчером, начальником станции, старшим помощником начальника станции. 4 июля 1957 года Министерство путей сообщения СССР наградило Боброва С.Р. почётным знаком «Отличный движенец».

Две параллельные стальные колеи – это как линии судьбы, а убегающая вдаль железнодорожная ветка - словно символ вечной жизни, зовущая только вперёд и не дающая покоя. А стук колёс проходящего мимо поезда сродни биению сердца. И пока жив человек, оно заставляет пульсировать кровь, точно так же железная дорога – это главная артерия нашей страны и всей планеты, ибо она связывает города, страны и континенты.

Сергей Романович ежегодно получает поздравления от начальника отделения московской дороги и председателя Теркома с Днём железнодорожника и радуется, что его уважают и помнят.

Выйдя на пенсию, он ещё 17 лет работал сторожем на агрегатном заводе. Неуёмная душа не давала покоя, не смог усидеть дома и устроился на более спокойную работу. С 1991 года заслуженный ветеран войны и труда не работает. У него две замечательные внучки, они обе окончили КГПУ и трудятся в школах Сукремля преподавателями. Своему

любимому деду они подарили трёх правнуков – это ли не житейское счастье?!

Сейчас за Сергеем Романовичем ухаживает его любимая сноха, которая стала ему роднее дочери. Татьяне Ивановне пришлось расчитаться с работы; вот уже несколько лет она заботливо ухаживает за свёкром, скрашивая своим присутствием его одинокую старость. Ведь это большое дело, когда больному вовремя подадут лекарство, накормят горячей пищей, ласково поговорят и сменят бельё. И всё, что Татьяна Ивановна делает с такой любовью и вниманием, я думаю, зачтётся ей потом, и уже Бог продлит её жизнь на этой земле.

Зоя Семёновна

Колганова Зоя Семеновна
(25.11.1918 – 29.09.2005)

Какое-то время я работала с Затолокиным Евгением Егоровичем в одной школе. Он историю преподавал и был единственным, кто о своей теще всегда отзывался уважительно и гордился ею. С той поры прошло более 20 лет. Давно уже умер Евгений Егорович, а в 2005 г. умерла и его теща, а я вдруг заинтересовалась её судьбой. Поздновато спохватилась, но делать нечего. И вот я в доме, в котором жила когда-то Колганова Зоя Семёновна, а теперь этот дом по наследству перешёл к её единственной дочери – Затолокиной Светлане Ильиничне.

Сейчас Светлана Ильинична на заслуженном отдыхе, а до ухода на пенсию преподавала иностранный язык. Свою трудовую деятельность она начинала в селе, а закончила в средней школе №1 города Людиново, заслужив любовь и признание своих учеников и коллег по работе. Отец Светланы Ильиничны – Колганов Илья Александрович участник Великой Отечественной войны. Он умер в 1947 году в возрасте 32 лет, не выздоровев после тяжёлого ранения, полученного 10 октября 1943 года под Пушкарёвкой, на Днепре. За проявленные мужество и героизм при

выполнении боевой задачи командование 57-ой Армии наградило Колганова И.А. орденом Отечественной войны II степени (№39939, выдан в октябре 1943 года). Демобилизовавшись, служил в органах МВД, работая в паспортном столе.

Его жена и боевая подруга замуж больше не вышла, до конца своих дней сохранив любовь к одному единственному, которого любила и после его смерти, и одна воспитывала дочурку.

Зоя Семёновна (до замужества Линькова) свой трудовой путь начала в 14 лет в Людиновской конторе связи, окончив после семилетки курсы телеграфистов. И первая запись в её трудовой книжке была сделана о приёме на работу 15 декабря 1934 года. На войне красноармеец Линькова тоже была телеграфисткой. Сначала она приняла участие в финской, а потом и в Великой Отечественной войнах. Боевой путь Зоя Семёновна закончила в Польше в составе 371-го отдельного батальона связи. 15 декабря 1944 года была уволена в запас. Под сердцем она носила своего ребёнка и уже приближался срок родов.

Дочь перебирает награды матери: медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», орден Отечественной войны II степени (Г№648825, от 14 марта 1985 года), орден Ленина (№374146 от 4 мая 1971 года) и полный набор юбилейных медалей. Интересна запись в книжке красноармейца Линьковой З.С. о получении обмундирования: шинели – 2, шапка – 54 р., пилотки – 2, сапоги – 36 р., рубахи – 2, бельё – 2. По сапогам и шапке нетрудно представить себе худенькую девушку-бойца, которая прошагала в своих сапогах от родного порога до Европы.

В её архиве сохранился приказ Министерства связи города Москвы от 31 декабря 1949 года «... о присвоении персональных званий, установленных Указом Президиума Верховного Совета СССР: Колгановой Зое Семёновне, младшему инспектору связи II ранга телеграфистке 11-ого разряда». А ниже подпись генерал-полковника войск связи Псурцева.

Ещё один документ, выданный 17 июля 1986 года, - это свидетельство о занесении Колгановой Зои Семёновны в Книгу почёта Людиновского Узла связи за долголетний и безупречный труд в органах связи. За свою работу она не раз получала благодарности:

- за высокую производительность труда и знание дела;
- за отличное проведение выборов в Верховный Совет СССР;
- за выполнение социалистических обязательств;
- за организацию социалистических соревнований;
- за образцовую работу передовых работников.

Вроде бы немного, но в этих скупых строках вся жизнь скромной женщины, любящей матери и образцового работника Почты Колгановой Зои Семёновны.

Светлана Ильинична дополнила на прощание: «В войну погиб родной брат Зои Семёновны – Линьков Анатолий Семёнович. Он пал смертью храбрых в селе Зорино Обоянского района Курской области. Местные школьники разыскали его могилу и написали об этом в Людиново. Я верю, что души отца, матери и её брата встретились на небесах. Светлая им память».

Семья партизана

К Труновым меня привела Волкова Наталья Александровна, сказав при этом: «Вот с кем вам надо обязательно познакомиться». Уже стемнело, когда мы постучали в дверь. Хозяева, Вениамин Александрович и Мария Михайловна, приветливо встретили нас и провели в комнату. Слово за слово – и завязалась душевная беседа. Не заметили, как ночь наступила.

Вениамин Александрович родился в 1927 году в Сукремле. Учился в школе №4. Был и октябрёнком, и пионером. Окончил 6 классов перед войной.

«Отец мой, Александр Николаевич, был хромой и поэтому его в армию не взяли, когда началась война. И он подался в партизаны, - погружаясь в воспоминания, тихим неторопливым голосом начал свой рассказ этот приятный и довольно симпатичный человек. – Отец прошёл уже две войны: империалистическую и гражданскую. Там и ранение получил в ногу и с тех пор хромал. Был уланом- кавалеристом. Дома хранил шашку, подаренную ему командованием за проявленную храбрость. До войны участвовал в организации колхозов. Он ведь был коммунистом. Куда направят – там и трудился.

 Был возничим, кузнецом и колесничим,

 А ему-то одному за себя и за Илью,

 За Марию и за мать приходилось хлопотать.

 За царёву благодать заставляли воевать, -

Заговорил стихами Вениамин Александрович.

Я, два моих брата и мать, Федосья Степановна (в девичестве Шмелёва) были отправлены в эвакуацию в город Барнаул. Месяц туда добирались. Вместе с нами ехали Апокины, Ткачевские, Конюховы и другие семьи – все с Сукремльского чугунолитейного завода. В Барнауле я окончил 7 классов. Было мне в ту пору 13 лет. Летом 1942 года я

устроился на военный завод учеником слесаря, а в августе 42-го года меня перевели в инструментальный цех, где я проработал год. Для всей страны это были трудные годы, нелегко жилось в эвакуации людям, перенёвшим лишения, болезни. С утра до ночи на работе, спали в холодных бараках. Зимой сколько не топи – всё тепло выдувалось ветром. Семья от семьи отделялись ситцевыми занавесками. Досыта никто и не ел. В октябре 43-го года мы получили письмо, из которого узнали о гибели нашего отца:

10.09.1943г.

Тов. Трунова!

Мы, командование и партизаны Людиновского партизанского отряда, сообщаем вам, что ваш муж и наш друг и боевой товарищ Трунов А.Н. погиб при выполнении боевой задачи.

Тов. Трунова, нам, партизанам, так же как и вам, тяжело переживать потерю боевого товарища, отдавшего свою жизнь в борьбе с немецкими оккупантами за освобождение нашей любимой Родины, за освобождение всех трудящихся, временно попавших под иго ненавистного врага. Родина никогда не забудет своих верных сынов и отметит долгом, памятью их боевые дела.

Мы, партизаны, клянёмся удесяттерить свои боевые действия по уничтожению немецких оккупантов и отомстить за смерть вашего мужа и нашего боевого товарища Трунова Александра Николаевича.

Комиссар п/о
Ящерицын
нач. штаба п/о
Мастеров

Медали отца: «Партизану Отечественной войны» и «За отвагу», его удостоверения я передал в Людиновский музей. Ещё в конце 50-х и начале 60-х годов ходатайствовал о присвоении площади или улице имени Людиновских партизан...»

Вениамин Александрович работал и на ЛТЗ, и в органах КГБ от Калужского ОВД, 20 лет отдал СЧЗ. Был начальником участка механизации, затем его перевели на агрегатный завод, строительство которого ещё не было завершено, где до 1983 года он трудился механиком-конструктором первой категории монтажного оборудования.

Его жена, Мария Михайловна (в девичестве Пильщикова), худенькая и очень подвижная женщина. В её руках всё «горит». Хлопочет на кухне быстро и бесшумно. Управившись с квашеньем капусты, под села к нам и тоже включилась в беседу. О военной поре она рассказала следующее:

«В войну мы жили здесь. В лесу бункеры были. В детстве мы играли там, а в войну кто в них прятался, а кто и жил. С нами вместе в одном бункере три семьи жили, а после уже узнаём, что у них уже есть удостоверение узников, и они как узники пенсию получают. И такие случаи в Людиново не единичны...»

Листаю трудовую книжку Марии Михайловны. По ней её трудовой стаж идёт с 1947 года. Сначала преподавала в Носовской школе, потом поступила учётчицей на завод, в 1950 году переведена политруком в интернат молодых рабочих, затем табельщица в литейном цехе, распорядитель – нарядчик, и зав. технической библиотекой, и киоскёр, и архивариус... На пенсии с 1983 года.

Вениамин Александрович восстановил по памяти улицу Пролетарскую, какой она была до войны. На своей схеме он указал кирпичные и деревянные строения и фамилии всех жителей этой улицы. Он и сегодня живо интересуется событиями, происходящими в нашей стране и за рубежом, у него на всё своя точка зрения. Он много знающий и интересный собеседник. С гордостью показывает мне «Книгу Памяти и Славы», которую ему подарил его однокурсник по техникуму Шевкунов Я.А., в которой есть фамилия его отца, Трунова Александра Николаевича.

Женя Трунов 1925 г.

С чувством горечи он говорит о своих двух погибших братьях: «Младший лейтенант Евгений Александрович - мой старший брат, 1925 года рождения, погиб на фронте 9 мая 1945 года в городе Рацибуж.

С фронта Евгений Александрович писал матери трогательные письма - Вениамин Александрович дает нам прочитать копию одного из них.

С его разрешения передаю его содержание.

«Здравствуй, мама! Шлю тебе свой чистосердечный привет и крепко вас целую. Мама, я получил от тебя письмо, которым был сильно потрясен. Я узнал, что погиб наш лучший друг семьи – отец. Мам, прошу тебя, не расстраивайся и не падай духом. Я знаю, что тебе сейчас очень тяжело перенести несчастье. Мама, я клянусь и даю честное слово, что буду учиться только на отлично, и клянусь отомстить проклятому врагу за смерть своего отца и товарища.

Я сейчас живу хорошо. Занятия начались с 4 октября 1943 года. Из нас готовят офицеров Красной Армии. Ребята в нашей роте попались веселые, почти вся молодежь. Имеется в роте баян, ходим в кино по субботам и воскресеньям. Кормят тоже хорошо. Мама, прошу тебя в следующем письме написать все адреса родных и знакомых.

Пока до свидания. Передавай привет всем землякам. Писать тороплюсь, так как кончается свободное время, идём на занятия. До свидания, мама. Крепко-крепко целую тебя и Славика. Остаюсь твой сын Женя. 6 октября 1943 года.»

Последнее письмо домой Евгений написал 11 апреля 1945 года перед боем. В нем он написал стихотворение К. Симонова «Жди меня» и сделал приписку: « Это письмо прочитай всем матерям, у кого сын на фронте. Так думают все их сыновья. И пусть они ждут».

Слава Трунов

- Второй братишка, Трунов Слава, окончил Людиновский Машино-строительный техникум и потупил в Ейское краснознамённое училище морской авиации. 31 мая 1956 года он погиб во время учений. Вместе с ним погибли ещё два курсанта и два офицера, среди которых был и его командир майор Сай. Так моя мать потеряла мужа и двух любимых сыновей. От горя сразу поседела...

В августе 1943 года меня от завода направили в спецшколу №7, которая находилась в селе Троицкое (станция Б.Речка) Алтайского края. Я в ней проучился по август 44-го года. В неё принимали с 15 лет, и обучение длилось 3 года. По исполнении 18 лет курсантов направляли в

военное училище. Школа эта была эвакуирована в Барнаул из Ленинграда. Когда с Ленинграда была снята блокада и фашистов прогнали прочь, училище возвратилось на место, а мы вернулись в Людиново. Я окончил машиностроительный техникум, отслужил в Армии, женился и рад, что с Марией Михайловной мы прожили душа в душу все эти годы и научились понимать состояние друг друга по одному взгляду.

Уже прошло много лет с тех пор, как не стало моего отца, братьев, матери, а я живу с каким-то чувством вины перед ними. Но, видимо, такова судьба».

Вениамин Александрович бережно хранит газетные статьи о своём отце, копии различных документов. Ему всё дорого, что связано с прошлым отца-партизана и его боевых товарищей по оружию. И пусть эта память будет священна.

Маша Калиниченко в гостях у Труновых
Вениамина Александровича и Марии Михайловны,
14 октября 2006 г.

От Космачево до Берлина

1942 г.

Паршукова – Никуличева
Клавдия Андреевна
(25.12.1924-10.06.2008)

С Клавдией Андреевной Никуличевой я познакомилась в 1987 году. Она приходила к нам в школу, рассказывала ученикам о своём боевом пути. Последняя моя встреча с ней состоялась в феврале 2007 года. Последние годы своей жизни она жила в Людиново у дочки. Уже болела, больше лежала, чем ходила, но была всё с той же доброй улыбкой на лице и обладала тем же тонким юмором.

«В Армию я была призвана в декабре 1942 года. Военкомат базировался в пяти километрах от Космачево – в Ухобичах, куда из Людиново всё районное начальство переехало к началу немецкой оккупации. Вместе со мной, - вспоминает Клавдия Андреевна, - были призваны Курносова Аграфена (она на Сахалине проживает), Епишёнкова Катя (она родня Каюткиным), Артюхова Нина, Осипова Варя, Мотя Крючкова (её по беременности раньше демобилизовали, война ещё шла)

да Дубичева Аня (она после войны в Колчино жила. Сын у неё был, она его на фронте зачала).

Не все с оружием в руках воевали. Были и бойцы-рабочие». Я делаю выписку из её воинской книжки: «Повозочная рабочая роты 385-ой стрелковой дивизии рядовая Паршукова Клавдия Андреевна, 1923 г.р. в Отечественной войне с декабря 1942 года, ранений контузий не имеет, в Красную Армию призвана с декабря 1942-ого года Людиновским ЭРВК, Орловской области».

Клавдия Андреевна продолжает: «Первое время мы под Космачево к госпиталю были прикреплены. Он в лесу за деревней располагался. Раненых привезут – мы их готовим к операции: с повозки стащим, снимем с них окровавленную одежду, обмоем, а потом отнесём на операционный стол. Снятую форму сначала вымачивали, а потом руками тёрли, чтоб кровь отстирать. Мы же и мёртвых выносили из лазарета, сами могилы копали да их хоронили. Получилась большая братская могила. Уже в 90-е годы следопыты откопали останки и перезахоронили в общей братской могиле в деревне Космачево Людиновского района. Помню, как много тогда народу съехалось, из города сам батюшка Дмитрий Губаль приезжал, отпел убиенных и службу отвёл по ним.

Наша дивизия продвигалась с боями вперёд. Нас, девчат, тоже обучили военному делу. Винтовку заряжать и по фрицам стрелять мы уже все могли, но нам и без стрельбы работы хватало. Рабочие руки были везде нужны. Мы и мыли, и стирали, и копали, и лошадей запрягали и распрягали, и грузы доставляли, и на кухне хлопотали. Руки у всех щёлоком были изъедены при стирке, от пара в землянке лиц не видать, печурка топится, воду греем и знай, стираем, а потом выскочим распаренные на мороз да по берёзам бельё раскидаем. За ночь-то оно вымерзнет, а утречком над печуркой досушивать занесём. Так и двигались от одного освобождённого пункта до другого, с боем и большими потерями отвоёвывали свою землю и гнали врага прочь. Я до Берлина дошла. Там встретила Победу. Боже, как мы ликовали! Слезы по лицу текут, а мы плачем и смеёмся. Вид у нас был, прямо скажу, не из лучших. Форма потёртая, сапоги стоптанные, руки загрубевшие, все в болячках, но у кого-то пудра нашлась и помада. И через какое-то время девчата преобразились.

Эшелон за эшелон демобилизованных стали на Родину отправлять. На каждом вагоне снаружи транспаранты: «Слава воинам – освободителям!» «С Победой!» и другие. На всех станциях, которые мы проезжали, жители встречали с букетами цветов, кто узелок с горячей картошкой передаст, кто кусок сахара...

Приехала я в Космачево, а наш дом разбит. Надо было его строить. Впряглась я сама вместо лошади и на себе из леса брёвна носила. Одно бревно домой несую, а другое – на колхозную ферму. Её ведь тоже надо было восстанавливать. Со мной и другие женщины брёвна на себе носили, мужчины позже нас домой воротились с войны. Кто после тяжёлых ранений, кто после контузии, так что не сразу они в работу впряглись».

После войны Клавдия Андреевна вышла замуж за Никуличева Виктора Михайловича. Он трактористом трудился в колхозе. Жена двух дочек и сына родила и сама до пенсии работала сначала в колхозе «Заря новой жизни», потом в совхозе «Космачевский».

За участие в Великой Отечественной войне Клавдия Андреевна была награждена орденом Отечественной войны II степени (№4867773, от 11 марта 1985 года), знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», медалью Жукова и ещё восьмью юбилейными медалями.

Достойную жизнь прожила Клавдия Андреевна, мужественно переносила все невзгоды, похоронила мужа, пришлось оставить родной дом и переехать к дочке в город на старости лет. Она вырастила заботливых, работающих и любящих детей. До последнего часа о ней заботилась дочка - Калинкина Вера Викторовна.

«Жить бы да жить ещё на белом свете. И пенсия хорошая, еды и одежды вдоволь, и уход, как за королевой, но призовет к себе Всевышний – и собирайся в дорогу на постоянное жительство. Уже пора», - с улыбкой сказала на прощанье Клавдия Андреевна. Повидав тысячи смертей на войне, она без страха встретила свой последний час. 2008 год был последним в её земной жизни. А четверо внуков и двое её правнуков будут с гордостью вспоминать свою добрую и любимую бабушку.

Воробьёва Гора, Стрелковая 385 имени Суворова Кривецкая дивизия.
Командир дивизии:
Сопрунов,
зам. ком. дивизии:
Абрамов,
командир хоз. батальона:
Домашов Делим

1942 год.

Жить – значит действовать!

Власенкова Мария Матвеевна, 1923 г.р., - ветеран войны и труда. Это довольно бодрая и подвижная женщина, которую седина не старит, а украшает. Пытливый внимательный взгляд светло-серых глаз поминутно скользил то по верхушкам деревьев, виднеющихся из окна уютной кухонки с четвёртого этажа, то переключался изучающе на меня. Через какое-то время настороженность хозяйки прошла и она поведала свою историю.

«Я родилась в д. Андреево-Палики Людиновского района Калужской области. Моя мать, Анастасия Тимофеевна, (1898-1968 гг.) занималась воспитанием детей (их у неё было четверо) и домашним хозяйством.

Отец, Власенков Матвей Фёдорович, (1900-1987гг.) был участником гражданской войны. Как раз перед началом коллективизации построил большой светлый дом под щеповой крышей. Вся деревня собралась на новоселье. Моя мать залихватским красивым голосом пела песни и выглядела в тот момент самой счастливой на свете, но радость от переселения в новый дом была недолгой.

В деревне стали колхоз организовывать. У кого в хозяйстве ничего не было, те сразу вступили, а у отца лошадь была, и он всё горевал: «Как же крестьянину без лошади?» Районное начальство пригрозило:

- Не вступишь в колхоз, дом под колхозные ясли конфискуем, а семью на Соловки сошлём.

Начальник Людиновского РИКа Чернов, видимо, был порядочным человеком, коль посоветовал отцу переехать в Людиново подальше от греха:

-Плетью обуха не перешибешь. В городе хоть семью сохранишь, а дом новый выстроишь со временем.

Так семья наша оказалась в Людиново. Шёл 1929 год. Позже я в школу пошла. Жили мы тогда в Сукремле, в районе четвёртой остановки, а начальная школа располагалась в просторном доме бывшего священника. Меня в кружок безбожников записали, и пошёл отсчёт школьных дней. Через несколько лет отец перевёз нас на Чертёж (бывшая улица Октябрьская, а ныне – П.Осипенко). Отец работал в подсобном хозяйстве Людиновского общепита, а мать трудилась санитаркой в земской больнице (в этом здании теперь школа-интернат).

Осенью 1940 года я, Аня Табачникова и Шура Рыжкова завербовались на строительство моста и уехали в город Николаев. В мае 1941 года мы побывали дома в отпуске, но назад уезжали вдвоём с Шурой, а Аня осталась в Людиново, где и умерла во время оккупации, а Шура и сейчас живёт в Людиново, теперь она Ковалёва. 7 мая 1941 года начальство переводит меня в город Херсон, на строительство моста №36, что возводили через Днепр в 18 км от города, на должность учётчицы складского хозяйства. Строительство моста уже подходило к концу, и приближался срок его сдачи в эксплуатацию, а тут война началась. 5 августа 1941 года был получен приказ взорвать мост и другие важные объекты. На месте оставили группу подрывников, а все остальные рабочие подлежали эвакуации. Доехали до станции Штеровка и нам объявляют по радио: «Разойдитесь, кто куда может. Поезд дальше не пойдёт». Посоветовали обратиться в отдел кадров. Меня взял бухгалтером директор совхоза пригородных хозяйств. А уже через 20 дней нас от совхоза отправили копать окопы под город Сталино (ныне город Донецк). Трудно было с непривычки, к концу дня ломило всё тело и спина не разгибалась. Когда эту работу выполнили, поступил приказ эвакуировать скот на восток. Я была в числе погонщиков. Уже месяц мы были в пути. Тут я сильно заболела и не могла самостоятельно передвигаться. На пути у нас оказался «Нижне-Чирский» совхоз №78. Меня в этом совхозе оставили. За три дня медики привели в чувство, подлечили, и я уже была в состоянии работать. Шёл ноябрь 1941 года. Снега по колено, морозы усиливались, а мы снова гоним скот. Хозяйство «Нижне-Чирского» совхоза было огромным: 600 коров, 300 лошадей, овцы, козы, свиньи... Целое хозяйство тронулось с места. Везли бочки с водой, чтоб коровам вымя подмывать перед дойкой, тут же шагали доярки, молокоприёмщицы с баками. Надоенное молоко грузили на машины и отвозили в прифронтовые части, госпитали, детские дома. В этих военных условиях в марте 1942 года меня приняли в комсомол и

избрали заместителем секретаря комсомольской организации совхоза. Это было в посёлке Чернышковском.

...Немцы рвались к Сталинграду, а мы с 12 по 16 июля 1942 года переправили скот через Дон и подходили к Волге. Всё чаще обстрелы с воздуха. Через Волгу переправляли скот военные, они грузили его на баржи, и, действуя очень оперативно, успешно справились со своей задачей.

А позади нас немцы уже прорвали оборону и завязались ожесточённые бои. Мы снова гоним скот. Дорога шла близ озёр Эльтон и Баскончак и привела нас в совхоз «Первомайский», расположенный в Гмеленском районе Сталинградской области. К концу пути поголовье скота несколько уменьшилось. Свиней ещё по пути начали передавать военным под расписку, коров с подбитыми ногами пускали под нож и мясо отправляли в воинские части, а лошадей оставили в совхозе. На спасение скота у нас ушёл целый год. Именно за этот период меня позднее наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Ночью 23 ноября 1942 года в совхоз прибыло начальство. Меня, Дусю Нутко и ещё одного комсомольца разбудили, по одному вызывали на беседу и в результате нас определили в спецгруппу и увезли из совхоза. С этого момента началась моя служба в РКК.

Мы дали клятву партизана. Месяц с нами занимались люди, прошедшие финскую войну. Радиоприёмники у населения были изъяты, о событиях на фронте узнавали из листовок. Фашисты совсем рядом бомбят Сталинград, от мощных взрывов земля содрогалась на сотни километров в округе. Советские бойцы сражались за каждый метр родной земли.

Мужчин-гуртовщиков сразу призвали в Красную Армию, а нас, девушек, отправили под Сталинград. Мы прибыли в Бекетовку, где находилось всё областное начальство. С 9 декабря 1942 года по 20 июня 1943 года я находилась в подчинении начальника Политотдела Мало-Коробковской МТС в Ждановском районе. Эта МТС обслуживала семь колхозов, а Политотдел МТС руководил девятью партийными и девятью комсомольскими организациями. Я отвечала за работу комсомольских организаций. Мы проводили беседы, выпускали стенгазеты. За мной была закреплена лошадь, поэтому я могла поехать в любую организацию и провести комсомольское собрание. 23 мая 1943 года эти Политотделы при МТС были ликвидированы, я снова вернулась в Бекетовку».

Секретарь Сталинградского ОК ВЛКСМ Зорин направил Власенкову М.М. в 6-й зенитный пулемётный полк (ЗПлП). Он

располагался в посёлке Красноармейске, примерно в 30 км от Сталинграда.

Город Сталинград тянулся вдоль берега Волги на десятки километров. Он представлял собой после бомбёжек страшное зрелище, превратившись в развалины и руины, а уцелевшие здания были насквозь прошиты снарядами.

О том, как немецкая армия под командованием Паулюса была окружена и разбита, писали неоднократно. За Волгу враг не прошёл! Тысячи бойцов Красной Армии и мирных граждан навсегда остались лежать в трижды политой кровью Сталинградской земле – такова цена этой жестокой битвы. Войска откатывались на Запад, а вместе с основными частями Красной Армии двигался и шестой ЗПлП.

Перед Марией Матвеевной лежит атлас автомобильных дорог, и она, скользя карандашом по страницам и городам, как бы вновь совершает боевой путь со своим батальоном под грохот оружейных залпов и шум пролетающих «мессершмиттов-109», «фоке-вульфов», «хейнкелей» и разных «юнкерсов», звук которых зенитчиков научили различать ещё в начале службы. Летят донесения связистов в штабы и роты, сыпятся бомбы, ухает земля, а девушки-зенитчицы (их было 50% в полку) чётко выполняют поставленную боевую задачу. Вот карандаш указал станцию Голба – и рука замерла. На этой станции Мария Матвеевна была очевидцем одного из тех жутких кошмаров, которых было множество в той войне: «На платформы погрузили собранные в округе подбитые немецкие танки и собрались отправить их на переплавку. В это время над станцией совершил круг фашистский разведчик «фоке-вульф», а минут через двадцать налетели вражеские бомбардировщики и разбомбили эшелон. Многие тогда погибли, среди них были командир отделения 2 роты лейтенант Бигус Павел Рохович, сержант Медведев и рядовые бойцы. Страшное ранение получила наша телефонистка. На её тело нельзя было смотреть без слёз – оно всё было в осколках...»

Вновь двигается карандаш по карте. Позади Белоруссия, Молдавия, Румыния. Боец Красной Армии, связист и комсорг сначала третьего, а с апреля 1944 года и первого батальона 6-ого ЗПлП Власенкова Мария Михайловна дошла до Будапешта. Могучая река Дунай, переправка на понтонах платформ с зенитными установками на другой берег – всё это не забывается. Здесь, в Будапеште, Политотдел Армии посадил Власенкову за парту в школе для политактива. Здание располагалось в красивом парке, который, казалось, не тронула война. Шёл уже май 1945 года.

«6 мая идут нам навстречу мадьяры и кричат, пританцовывая: «Гитлер, капут!» «Войне капут!» Фашистов уже загнали в их логово, наша Армия вела ожесточённые бои на улицах германских городов, и мы со дня на день ожидали конец войны. Официальная весть о капитуляции немецко-фашистских войск застала меня во время ночного дежурства с 8 на 9 мая. Сообщение из штаба Армии поступило 00:00 часов. Разбудили всех спящих, сообщили им радостное известие, и началось всеобщее ликование...»

На глазах Марии Матвеевны заблестели слезинки. И сегодня, спустя 6 десятилетий, тяжело вспоминать пережитое бывалому ветерану войны.

В сохранившейся «Правде» от 10 мая 1945 года я читаю обращение И.В.Сталина к народу: «...Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию...»

А потом был путь домой, усыпанный цветами благодарных славян.

Всю войну Мария Матвеевна ничего не знала о своих родителях и семье. Их встреча произошла 12 ноября 1945 года, только тогда она узнала о горькой участи, постигшей семью, оказавшейся весной 1942 года в германском рабстве. Мать, отец, сестра Наталья и братья Лев и Григорий перенесли холод, голод, унижения, тяжелые условия труда, жизнь в завшивленных бараках, но каким-то чудом выжили и сохранили своё человеческое достоинство.

Матвей Фёдорович прожил с Анастасией Тимофеевной 42 года. После её смерти он женился на Зайцевой Наталье Матвеевне, жительнице Чёрного Потока, с которой прожил ещё 19 лет. Наталья Матвеевна была моложе своего избранника на девять лет и пережила его на шесть годочков. У них сложились добрые отношения, и они были по-своему счастливы.

После войны Мария Матвеевна сменила несколько мест работы. Сначала она трудилась секретарём-машинисткой в Московском строительно-монтажном Управлении, затем инспектором по кадрам в том же Управлении; в 1950-54 годах жила на Кубани, занимая должность инженера отдела конторы главзаготснаба, и снова Москва, где жила и трудилась до ухода на пенсию. В 1991 году Мария Матвеевна возвратилась в Людиново. Не сидится заслуженному ветерану дома – она ведёт активный образ жизни. Вот уже несколько лет возглавляет Совет участников Великой Отечественной войны г. Людиново.

«С войны вернулись домой 3500 учатников ВОв, а сейчас в живых нас осталось 99 по всему району», - с грустью и душевной болью говорит Мария Матвеевна.

Она неустанно хлопочет о своих боевых товарищах, организует поездки по местам боевой славы, ведёт большую работу в школах города и Людиновского района по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Её боевой путь и труд на благо Родины отмечен многочисленными правительственными наградами. Это орден «Отечественной войны II степени» (Б№357672, от 14 марта 1985 года), медаль «За Победу над Германией в ВОв 1941-1945 гг.» (от 14 января 1946 года), «Ветеран труда» (№799/к от 19 декабря 1978 года), «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» (13 апреля 1970 год), «За доблестный труд в ВОв 1941-1945 гг.» (АБ№268982), «В память 800-летия Москвы 1147-1947» (АН№316612), «В память 850-летия Москвы», медаль Жукова (Д№0325397, от 6 марта 1995 года), «50, 60, 70 лет Вооружённых Сил СССР» (от 23 февраля 1968 года), (от 10 августа 1978 года), (от 22 февраля 1988 года), юбилейные медали (20, 30, 40, 50, 60 лет Победы в ВОв 1941-1945 гг.). Имеется удостоверение к знаку «25 лет Победы в ВОв» - за доблесть, отвагу и храбрость линий обороны за подписью А. Гречко.

У Марии Матвеевны много Почётных грамот областной и местной администрации Калужской области и Людиновского района.

Наша беседа неоднократно прерывалась телефонными звонками. Раз звонят – значит, кому-то нужна и, как утверждал великий русский поэт Лермонтов, «...счастье только там, где любят нас, где верят нам!» У неё вся неделя расписана по часам: встречи, поздравления, посещения больных... Вся жизнь этой милой женщины проходит в движении, а её девиз: «Жить – значит действовать!»

Всё помню...

На краю Игнатовки стоит маленький домик, у которого посажены клёны. Они уже вытянулись, распушились и каждую осень полыхают жарким огнём праздничного наряда.

Любит наблюдать за изменением цветовой палитры резных листьев Денисова Пелагея Владимировна (1932 г.р.). Они с мужем посадили эти деревья в 1983 году. Были тоненькие прутики, а теперь выше дома стали. В ясную солнечную погоду от них глаз не отвести, как костёр, полыхают. А когда ноябрьский ветер сорвёт последние листы и бросит их под ноги,

щемящая грусть охватывает... То ли не радуется приближение зимы, то ли это грусть по ушедшей молодости.

«Мой отец, Денисов Владимир Михайлович, погиб в годы Великой отечественной войны, а брат Сергей был в партизанах. Однажды каратели наткнулись на целую группу партизан, взяли в плен и расстреляли. Вместе с Сергеем погибли тогда ещё девять партизан и учительница немецкого языка Клавдия Григорьевна.

У неё были длинные красивые волосы, которыми все восхищались. Мне было 10 лет, но я всё помню, как в них стреляли разрывными пулями и как летели в сторону с брызгами крови отстреленные косы учительницы...

Немцы нас угнали в Белоруссию, там мы жили в деревне Драпово Зимницкого сельского совета, что в Слонимском районе. Когда через село проходила воинская часть Красной армии, мой брат Ваня сбежал из дома и пристал к солдатам. Ему тогда 16 лет было. Моя мать, Анастасия Алексеевна, в поисках сына дошла до Польши, где и отыскала его в сарае. Ваня и его друзья, с которыми он сбежал на фронт, были разутыми. Мать встретила с командиром роты и уговорила его записать ребят в солдаты. Сколько им можно быть на подхвате да есть из чужого котелка. Раз прибились, пусть воюют по-настоящему. Ребятам выдали сапоги, форму, оружие, а мать вернулась к нам со спокойной душой. Ваня с боями дошёл до Берлина, последний его бой был у стен Рейхстага, где получил ранение и контузию. Раненого подобрали санитары и направили в госпиталь, где он и встретил час великой Победы».

После войны Пелагея Владимировна жила и работала в Мурманске. За успешное выполнение производственных заданий неоднократно награждалась. У неё есть два свидетельства ударника коммунистического труда (от 12 октября 1967 года и 3 сентября 1975 года), медали «Ветеран труда» (от 9 февраля 1983 года), «За трудовое отличие» (З№288851, от 10 января 1977 года), юбилейная медаль к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и много Почётных грамот.

Дома, построенные в Мурманске при её участии, стоят и поныне, и живут в них благодарные мурманчане. Созидательный труд во имя процветания нашей Родины – это та движущая сила, которая приносит радость людям, ведь ещё в старину говорили, что «труд – отец

добродетелей, а лень – мать пороков...» За плечами Пелагеи Владимировны яркая насыщенная жизнь. И сегодня, в свои «за 70» она сохранила осанку и былую красоту. А жизнь прекрасна в любом возрасте, как эти одетые в багрянец клёны.

В Носовке у Старновых

Женщина счастлива, если она живёт в дружной, крепкой семье, когда она познала радость материнства. Назначение женщины – быть матерью, вырастить сыновей и дочерей, чтобы были они полезны любимой Отчизне, ничего не жалеющей для счастливого детства наших ребят. И в Носовке мы встретили такую семью – это Старновы.

На столе ароматно дымятся щи, в тарелках пузатые огурчики и шинкованная капуста. Час обеда. Гостеприимная хозяйка захлопотала, усаживая поудобней. Узнав о цели нашего прихода, села рядом.

«Мои родители родились в Носовке, эта земля стала и моей родиной. Отец, Купцов Григорий Степанович, был коммунистом, избирался председателем сельского совета в Загоричах, был и председателем колхоза, - начала потихоньку рассказывать Зинаида Григорьевна. – Когда немцы подошли вплотную, отца командировали в Сызрань на военный завод, там он и умер в 1942 году. Я помню, как он прощался, уезжая на любимом коне Ворончике. Полицаи ходили и у всех спрашивали где он, думали, что в партизанах. За это нашу семью решили утром расстрелять, а на ночь нас заперли в сарае. Лязгнул засов, и полицаи ушли. Но на наше счастье в село вошли бойцы–освободители и прогнали немцев.

Образование у меня 7 классов, а вся трудовая деятельность связана с Носовской МТФ». Руководители совхоза «Игнатовский» высоко оценили труд Зинаиды Григорьевны, и награды Родины ей были вручены по заслугам: медали «За трудовое отличие» (6 апреля 1966 года), «Ветеран труда» (12 октября 1987г.) и «За доблестный труд в ознаменование столетия со дня рождения В.И. Ленина» (12 апреля 1970 года); есть удостоверение «Ударник десятой пятилетки» (12 декабря 1980 года).

«К каждому празднику премировали, - добавляет Зинаида Григорьевна. – С огоньком работали. Когда дома всё в порядке и ребятишки здоровы, с удовольствием утром бежишь на работу, а если на ферме всё ладится, с удовольствием домой возвращаешься после трудового дня. Мне повезло с мужем: и за детьми присматривал, и по хозяйству помогал, и работать успевал. Да и сейчас все домашние заботы на нём. Под старость-то и чувства крепче...»

Пётр Николаевич работал мастером в Людиновском ГПТУ. Он окончил Харьковский индустриальный техникум; долгое время был бригадиром на стройке, 20 лет занимал должность бригадира на ЛТЗ.

Лена Атаханова, что была со мной у Старновых, спросила:

- А что вы больше всего цените в человеке?

- Ценю в людях честность, правдивость, настойчивость и доброту, конечно, - ответила Зинаида Григорьевна, улыбнувшись Лене.

Пётр Николаевич и Зинаида Григорьева давно уже на заслуженном отдыхе, живут в своей деревеньке, держат небольшое хозяйство, чтобы было чем детям и внукам помочь. А часы отдыха проводят у телевизора, ведь в деревне нет клуба. Всё приходит в упадок: нет магазина, закрыли школу. С каждым годом в деревне становится всё меньше жителей: кто-то переезжает в город к детям, а кто покоится на местном кладбище...

«Вот такая она безрадостная и бесперспективная наша деревня, - говорит Зинаида Григорьевна. – Одна радость, когда сыновья с внуками приезжают.»

Сын Николай служил в ВМФ, был гидроакустиком.

Другой сын, Александр Петрович, служил в железнодорожных войсках, строил БАМ, возводил мосты через реки. На фотографии он с другом из Барятино. С ним он вместе учился в техникуме. Вместе были на практике в Кременчуге, вместе были направлены на работу в Муром. В один день их призвали в Армию, попали в одну военную часть. Плечом к плечу полтора года. Небольшая разлука и вновь встретились после службы. Оба остались в Харькове, женились, воспитывают детей и до сих пор дружат.

А наша деревня в хорошем месте стоит. Места у нас красивые, лес и речка – всё рядом. От прежнего колхоза следа не осталось. Земле нужен заботливый хозяин. Поля наши от безделья людей кустарником зарастают. Теперь все полегче работу ищут да чтоб деньги большие платили. Это мы без оглядки на работу бежали, работали без выходных и отпусков...»

И я представляю, как эта женщина, считавшаяся одной из лучших доярок, изо дня в день 30 лет подряд утром, в обед и вечером, спешила к своим Звёздочкам, Зорькам, Красавкам, Майкам, торопливо гладила рукой своих кормилиц, говорила каждой два-три ласковых слова, подмывала вымя тёплой водой и принималась за дойку... И всё было в радость. Родился первенец – радость, Зорька разрешилась от бремени и принесла крепкого бычка – радость. Солнце землю прогрело после зимы – и на душе становилось теплее. Птицы прилетели с зимовки и запели в огороде, гнездясь на яблонях, сливах и грушах – и твоя душа поёт.

Первые грибки в лесу появились – тоже хорошо, какое-то разнообразие в еде. И так каждый день. Главное – не оставаться равнодушным ни к земле, ни к природе, ни к чужому горю. Ведь, не испытав горя, не познаешь и цену счастья. Вот такая она, наша жизнь...

Мимолетная встреча

Морозным февральским днём 2006 года приехали мы с краеведами в Печки. Спросили женщину, выходящую из магазина, где проживает участник Великой Отечественной войны.

- Да вот он - в магазине стоит, хлеб покупает, - сказала она, кутаясь в платок.

Мы дождались, когда Николай Никитич спустился с крылечка. Это человек среднего роста, худощавый, в простой повседневной одежде, с добрыми внимательными глазами. Поставив сумку на снег, он опёрся одной рукой на свой посошок, посмотрел внимательно на ребятшек и кое-что нам о себе рассказал.

«Я родился в 1925 году, в семье нас росло семеро детей. На фронт попал в 1943 году. Наш эшелон остановился в Брянской области и на рассвете я вступил в первый бой с немецкими оккупантами. От нервного напряжения даже руки дрожали. Когда говорят, что не было страха в бою, не верьте. Не столько за свою жизнь боишься, как за тех, кто рядом. Перед тобой поставят командиры задачу – вот и выполняй её.

Трудными были переправы через Десну, Днепр, Припять. Все под обстрелом. Шли с боями от одного населённого пункта к другому. Так до Берлина дошёл. Страшно вспоминать те годы. Вы спрашиваете, какой бой был памятным. Да все, потому что не бывает боя без потерь. Море крови пролили в той войне, я многих боевых товарищей похоронил. Сколько миллионов наших бойцов не дожили до Победы... Это самые страшные годы в моей жизни. Война закончилась, а я ещё два года служил в

Берлине. В свободное от службы время играл на балалайке. Кто пел русские народные песни под мое брэнчание, а кто плясал...

После возвращения домой работал конюхом и кормовозом, 33 года пас колхозно-совхозный скот. И в мирной жизни были трудности, лишение и испытания. Услышав лай собак, сказал: «Ребятки, меня питомцы ждут», - махнул рукой на прощание, взял сумку с хлебом в руки и пошёл к домику, опираясь на свою сучковатую палочку. Его дом совсем недалеко от магазина, и мы хорошо слышали залиvistый лай собак. К нам подошла та женщина, которую мы встретили у магазина. Она только вышла из сельского совета и слышала последние слова Шестопалова.

- Чудит дед. Один живёт, бабку свою схоронил, а теперь дома свору собак держит. Пять или шесть их у него. Добро бы на улице, во дворе, держал, а то дома все, - и снова шмыгнула в магазин.

Лай собак всё ещё доносился из дома, а мне подумалось, что этот ветеран живёт под надёжной охраной.

Уже в сельском совете Ратникова Клавдия Васильевна сказала нам: «Шестопалов Николай Никитич - единственный в Печках из оставшихся участников ВОВ, все остальные давно умерли или уехали из деревни. Он всю жизнь трудился, да и сейчас без работы не бывает. Сам огород сажает, правда, приезжают его дети и помогают ему. Две его дочери, Шура и Аня, живут в Калуге; сыновья, Александр и Алексей, давно уже стали москвичами. Аня забирала отца в Калугу, так как было жалко его, что тут один живёт. Но Николай Никитич не смог прижиться в Калуге: на улице шумно и многолюдно, воздух какой-то тяжёлый, а в деревне простор, все люди знакомые и воздух чистый. Вот и вернулся в Печки. А ещё он очень отзывчивый к чужой беде, всегда помогал односельчанам в трудную минуту, он добрый и гостеприимный. Кто не зайдёт – всех чаем напоит и конфетами угостит.

Его жена Татьяна умерла в середине 90-х годов. Она всегда заботилась о муже, он до сих пор по ней скучает, а собаки служат ему утешением.

Николай Никитич проявлял на фронте чудеса героизма, за что имеет много боевых орденов и медалей».

Мы с краеведами поняли, что человеческое достоинство этого ветерана измеряется силою его патриотизма, привитого в далёкие 30-е годы своему сыну колхозниками-родителями. Патриотизм и любовь к своему Отечеству – понятия неразделимые. И как патриот своей Родины Шестопалов Николай Никитич сделал в военные 40-е годы всё, чтобы сегодня его детям и внукам жилось спокойно и радостно под мирным небом.

«А про меня забыли...»

1924-1995

Давно это было, лет 17 назад. Я тогда преподавала русский язык и литературу в Космачевской средней школе Людиновского района. В двухэтажном здании обучалось в ту пору до 60 учащихся.

Как-то по весне взяла в сельсовете список ветеранов ВОВ и предложила ученикам описать фронтовые дороги одного из них. В классе было шесть учащихся.

Они должны были встретиться со своим героем, побеседовать. Составили план этой беседы. По очереди я со своими учениками тоже ходила в гости к этим ветеранам, вместе с ними слушала воспоминания о далёких фронтовых годах. Сколько учеников в классе – столько работ получилось. У меня и сердце не ёкнуло, что мы не всех ветеранов охватили.

И вот через пять лет я, просмотрев заново список, нашла одного, у кого мы не были. С учеником девятого класса Серёжей Виноградовым идём к Цыганову Василию Фёдоровичу. Его дом с голубыми ставнями стоял на окраине Космачево. Входим во двор и видим многочисленные клетки, в которых сидят чёрные, серые и белые кролики с красными немигающими глазками. Глянут на нас и с жадностью хватают капустные листики, которые им в клетки только что набросал заботливый хозяин.

- Ишь как молотят, будто со вчерашнего дня не ели, - добродушно проговорил Василий Фёдорович, поворачиваясь к нам лицом. Был он в старом поношенном пиджаке, но чистом и без единого пятнышка. Домашние в клеточку брюки свободно свисали с колен, от прежних стрелок не осталось и следа. Такие часто отдают донашивать своим старикам сыновья, переросшие отцов в высоту и ширину и живущие в городе.

Строгие внимательные глаза слезились, как будто их разъедал дым, и дед постоянно смахивал слезу своей правой рукой. Его полусогнутые пальцы, казалось, уже не разогнутся: настолько они загубели от крестьянской работы.

- Василий Фёдорович, - говорю я ему, - расскажите, пожалуйста, о себе; Серёжа хочет о вас сочинение написать. Мы несколько лет назад ходили по деревне, а до вас не дошли.

- Я знаю, - с грустной усталостью проговорил этот неулыбчивый человек, - ходили, а про меня забыли...

И столько в этих словах было затаенной обиды: не дошли... Не зашли... Забыли... Пять лет носил в себе эту обиду старый ветеран, а я и не знала, насколько ранимой может быть душа человека, прошедшего многокилометровыми дорогами войны, начиная с июня 1942 года когда был призван на фронт.

После двухмесячного курса обучения военному делу попал в огненное кольцо под Витебском. Три месяца длились наряжённые жестокие бои за освобождение города. Атаку за атакой предпринимали советские бойцы, но вероломный враг своими стальными клещами крепко держал этот город. Солдаты спали урывками, прямо на земле расстелив шинели, пропахшие порохом. Три-четыре часа сна – и снова в бой. А когда врага отбросили от стен города, в Василии Федоровиче появилась уверенность в себе, что всё сможет перетерпеть, коль шальная пуля не зацепит. А она зацепила его в первый раз в 1944 году. Уже в Пруссии получил второе ранение, а тут и войне конец.

Серёжа задал ветерану вопрос:

- Дядя Вася, а сколько ты фашистов убил? На что последовал ошеломляющий ответ:

- Ни одного. Я ведь был командиром взвода. То ли из окопа, то ли из блиндажа, то ли с высоты дерева, замаскировавшись в ветвях, то ли с крыши подходящего дома вёл наблюдение за противником и корректировал огонь своей батареи. Замечу где фашистский дзот или ещё какую огневую точку противника, делаю расчёт – и уже мои бойцы точно в цель попадают.

- А вы с кем-нибудь из фронтовиков переписываетесь? – не унимался Серёжа. – Какие чувства вы испытывали во время боя?

- Когда на фронт прибыл, был ещё молод и не опытен, такими же были бойцы в моём подчинении. Время было лихое. Поначалу страх сковывал, потом всё вошло в привычку. Многие мои товарищи сложили свои головы в той войне. Мысль – «вдруг убьют?!» - никогда не покидала меня. Но мало умереть, надо ещё и дело до конца довести. И мы это сумели: враг был низложен!

А переписку я вёл много лет с фронтовиком Ивановым Иваном Петровичем, нашим разведчиком. После войны он жил в Воронеже, но вот уже пять лет от него нет известий, боюсь, что умер мой товарищ. На войне он был очень надёжным человеком...

Василий Фёдорович как-то разом замкнулся в себе, устремил вдаль печальный взгляд, скрестив на коленях скрюченные пальцы. Мы не стали

беспокоить его вопросами о наградах – это ли главное? Не стало его верного друга, как и многих тех, с кем он воевал за свою Родину.

Мы уходили от Василия Фёдоровича с каким-то необъяснимо тяжёлым чувством. Уже давно ушёл из жизни Василий Фёдорович, а я до сих пор слышу его: «Ходили, а про меня забыли...» И это мне послужило уроком в будущем. Мы с Серёжкой тогда поняли главное: надо побольше уделять внимания тем, кто живёт рядом с тобой. Доброе слово и душу согреет.

Подвиг во Славу Родины

На фото справа Мардышкин
Иван Николаевич
с другом-однополчанином,
1945 год

У России много достойных сынов, с оружием в руках защищавших любимую землю. Один из них – потомственный крестьянин Мардышкин Иван Николаевич (22.12.1924 – 24.03.1979 г.), уроженец с. Космачево Людиновского района Калужской области. После окончания семи классов вступил в комсомол и был одним из активистов на селе. До войны успел поработать в колхозе. Первая запись о приеме на работу появилась в его трудовой книжке 1 января 1939 года. Подвозил корма на колхозные фермы, пахал пашню, сажал картофель, помогал убирать зерно, вывозил на поля навоз. Председателем колхоза «Заря новой жизни» являлся в ту пору Паршуков Андрей Никитич. Это был честный и трудолюбивый человек, всей душой болевший за вверенное ему хозяйство.

22 июня 1941 года радио известило граждан СССР о нападении немецко-фашистских войск на западные пограничные районы нашей страны. С четырех часов утра сыпались с мгновенно почерневшего неба тысячи бомб на мирно спящие города и села. Уже на третий день по радио прозвучала песня-призыв Лебедева-Кумача «Священная война».

Как набат неслись из репродуктора слова «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой...», мобилизуя многонациональный народ Страны Советов на борьбу с завоевателями. Все горели одним желанием остановить фашистов и не дать им прорваться к Москве – сердцу нашей Родины.

Иван тоже рвался в Армию. В военкомате ему сказали: - Подожди, сынок, своего часа, еще навоюешься. Призовем, как исполнится 18 лет. А пока постарайся быть полезным в своем колхозе.

4 октября 1941 года Людиновский район оккупировали фашисты, а уже в декабре-январе Иван не только показывал нашим военным лесные тропинки на Гусевку, Загоричи, Запрудное, где обосновались вражеские объединения, но и сам ходил с ними в разведку. Однажды он сумел захватить в плен фрица. Доставив пленного в особый отдел в Ухобичи, получил от начальства за этот поступок поощрение – новые яловые сапоги.

В Красной Армии Мардышкин Иван Николаевич служил с июля 1942г. по декабрь 1945 г. После окончания Второго Московского пулеметного училища курсант Мардышкин был направлен на фронт в составе 226-го стрелкового полка командиром взвода. Это произошло в январе 1943 года. В октябре того же года его переводят во 2-ю механизированную бригаду заместителем командира взвода. Последнее перемещение в 30-ю гвардейскую механизированную бригаду (и снова замкомвзвода) состоялось после лечения в госпитале (в/ч 18004), куда он попал 12.12.1943 г. после второго ранения мягких тканей левой части лба. А первый раз он получил пулевое ранение шеи и правой половины лица 03.05.1943г. Тогда он лечился в госпитале в/ч 5196. Более тяжело Ивана Николаевича ранили в третий раз, месяц он восстанавливался в эвакогоспитале № 1690. Получается, что все его перемещения связаны с возвращением в строй после госпиталя.

Война – тяжелое испытание для всех граждан: и для тех, кто находился в тылу, и для тех, кто с оружием в руках находился в постоянном нервном напряжении рядом со смертью. Преодолевая жуткий страх перед железной мощью вражеских «тигров» и «пантер», бойцы бросали связки гранат под их лязгающие гусеницы; мчались с криком «Ура!» в атаку, нанося по врагу ответные сокрушительные удары. Труден и долог был путь к победе, и все 1418 дней и ночей лилась повсеместно кровь, солдаты гибли целыми ротами и батальонами. В полном расцвете лет уходили из жизни однополчане. Многих друзей потерял Иван Николаевич за три года. Лютая ненависть к зверским злодеяниям

фашистов вновь и вновь увлекала в атаку. Буквально по метру отвоевывали советские бойцы свою землю, не зная отдыха и сна.

С каждым боем мужали бойцы. Всем им помогала в укреплении духа непреклонная вера в победу. Солдатская ярость стала непреодолимой преградой для врага.

Механизированные военные части шли всегда впереди пехоты, первыми принимали на себя свинец из вражеских дотов, дзотов и других наземных укреплений. Сила характера красноармейцев оказалась сильнее вражеской танковой брони, а успех утраивал силы.

Город за городом, село за селом Красная Армия освобождала и гнала врага прочь – прямо в его фашистское логово. Вражеские бомбардировщики тоннами сбрасывали на землю смертоносный груз, искореженная и изрытая земля изнемогала от ран, долгих четыре года горели родные города и села, дым пожарищ разъедал глаза, а у бойцов наворачивались слезы от увиденной картины. Тысячи беженцев, потерявших свой кров, брели по российским дорогам, ища надежного приюта, но никто не терял веры в избавление от нечеловеческих мук и страданий.

Иван Николаевич терпеливо переносил все лишения. Часто приходилось спать под открытым небом, так как не всем доставались окопы и землянки. Каждого бойца подстерегала ежеминутная смертельная опасность. Суров солдатский быт, тяжела солдатская работа. Иногда за сутки приходилось раз поесть. Опустошит под вечер, бывало, котелок с пшенной кашей, попьет чайку, вздремнет часок – другой у тлеющего костра – и снова вступает отважно в бой.

Мардышкин И.Н. имел твердый характер, а решительности и отваги ему было не занимать. Он метко разил фрицев, ведя прицельный огонь по убегающим черным и серым мундирам. Ко всеобщей радости, с каждым годом совершенствовалась военная техника и оружие. В помощь бойцам в 1943 году советские ученые-физики создали аппаратуру инфракрасного видения, которая позволяла видеть вражеские танки в ночное время. С помощью таких приборов можно было вести наблюдение за далеко удаленным краем противника и обнаруживать замаскированные объекты. К концу войны наша артиллерия по своим качествам превышала вражескую.

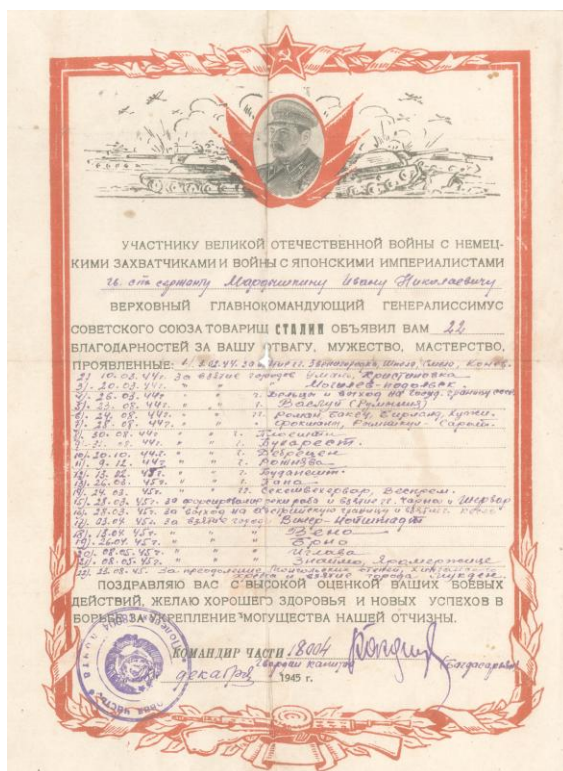
Реактивный миномет «Катюша» впервые был применен под Ельней. Сначала, правда, была малая кучность огня, и снаряды разлетались по большой площади. Вскоре ученые усовершенствовали это грозное оружие, и оно принесло огромный эффект. Иван Николаевич в

совершенстве владел ручным пулеметом «Дегтярева», станковым пулеметом «максим» и автоматом ППШ.

Мардышкин Иван Николаевич храбро сражался сначала с немецкими захватчиками, а потом с японскими самураями. Командование Красной Армии высоко оценило его мужество и отвагу, неоднократно представляя к наградам. Это два ордена «Красной звезды» (№ 1507839 и № 1776648), медали за боевые заслуги (№ 1711586), «За Отвагу» (№ 222.6446), «За взятие Будапешта» (А № 038777, от 09.06.1945.) и медаль «За победу над Японией» (Д № 400921).

Прославленный боец Мардышкин Иван Николаевич за отвагу, мужество и мастерство получил от Верховного Главнокомандующего генералиссимуса Советского Союза товарища Иосифа Виссарионовича Сталина 22 благодарности. Позвольте, уважаемый читатель, мне их перечислить:

- 03.02.44.- за взятие городов Звенигородка, Шпола, Смела, Конев;
- 10.03.44.- за взятие городов Умань, Хрестиновка;
- 20.03.44. -за взятие городов Могилев, Подольск;
- 26.03.44.- за город Бельцы и выход на государственную границу СССР;
- 23.08.44.- за взятие города Васлуй (Румыния);
- 24.08.44. – за города Фокшаны, Рымюлкул, Сарат;
- 30.08.44. – за город Плюешти;
- 31.08.44. – за город Бухарест;
- 20.10.44 – за город Дебрецен;
- 09.12.44. – за город Рожнява;
- 13.02.45. – за город Будапешт;
- 24.03.45. - за города Секетвехервар, Веспрем;
- 26.03.45. – за город Папа;
- 28.03.45. – за форсирование реки Раба и взятие городов Чарна и Шервар;
- 28.03.45. - за выход на Австрийскую границу и взятие г. Кесег;
- 03.04.45. – за взятие города Венер-Ногештадт;
- 13.04.45. – за взятие города Вена;
- 26.04.45. - за взятие города Брно;
- 08.05.45. – за город Иглава;
- 08.05.45. – за города Знаймо, Яромержице;
- 23.08.45. – за преодоление Монгольских степей, Хинганского хребта и взятие города Мукден

После войны он был награжден несколькими юбилейными медалями - это высокая оценка боевого пути и ратного подвига во славу любимой Родины солдата Мардышкина Ивана Николаевича. А даты, когда он получал благодарности, свидетельствуют о стремительном продвижении советских войск по Европе. Воинские подразделения вели ожесточенные бои по освобождению населенных пунктов. В результате всеобщих усилий враг был повержен. И не успели бойцы доблестной Красной Армии передохнуть и набраться сил, как многие из них были направлены на войну с японцами. И снова Мардышкин Иван Николаевич в первых рядах, вновь бесстрашно мчится на врага, увлекая своим примером доблести и героизма вверенных ему бойцов.

Вернувшись с фронта, он вновь начинает трудиться в родном колхозе «Заря новой жизни». До 1974 года он возглавлял полеводческую бригаду. Восстановлением разрушенного хозяйства на селе занимались под руководством участника Великой Отечественной войны Панкрухина Семена Васильевича. Это был высокий человек, требовательный и душевный. Он умел подойти к каждому колхознику. Видел, как тяжело приходится вдовам, воспитывающим по 5-7 детей, и старался помочь нуждающимся всем, чем только можно. Пришлось заново строить фермы, восстанавливать жилые дома. Кто-то до 1947 года продолжал жить в землянках.

Следующим председателем колхоза был Харченко, потом назначен Астахов, в начале 60-х годов его сменил Кузнецов Илья Иванович. При нем произошло слияние колхозов в один совхоз, и Кузнецов И.И. именовался уже директором совхоза «Которецкий». В него вошли Паломо, Усовка, Ухобичи, Которец, Печки и Космачево. У этого рачительного хозяина хорошо развивалось полеводство и овощеводство. Росли надои молока, канули в небытие трудодни, появилась зарплата, колхозники воспряли духом. При Илье Ивановиче началось строительство новых ферм, был построен льнозавод. При следующем директоре совхоза, Макридове Анатолии Егоровиче, хозспособом построено 5 деревянных домов на 8 квартир. Его дело продолжил Митрохов Иван Петрович, при котором Мардышкин Иван Николаевич был назначен заместителем директора по хозяйственной части. В бытность Митрохова Ивана Петровича в деревне произошло печальное событие - в марте 1978 года, глубокой ночью, сгорела совхозная контора...

В 1979 году временно исполняющим обязанности директора совхоза «Которецкий» руководство района назначило Козлова Николая Егоровича, а в марте сердце орденоносного фронтовика перестало биться.

33 года душа в душу прожила с ним его верная и любящая жена. Матрена Михайловна Потапкина и Мардышкин Иван Николаевич поженились в июне 1946 года.

« Я сама-то родом из Космачево. Я у матери единственная. Когда у Ефросиньи Васильевны мужа призвали служить в Морфлот, она осталась беременной, - стала рассказывать о себе эта хрупкая пожилая женщина, - Их корабль потерпел крушение и потонул, мой отец оказался в числе погибших. Это произошло в 1922 году. Мать получила извещение от командования и личные вещи мужа. Я родилась через несколько месяцев после его гибели, то есть 20 января 1923 года. Так с матерью вдвоем и жили. После школы начала работать в колхозе. Вскоре, а точнее 2 декабря 1939 г., колхоз направил меня учиться на счетовода в Жиздринскую районную школу, которая относилась к Орловской области. Надо отдать должное председателю колхоза Паршукову Андрею Никитичу (Царство ему Небесное), что ежемесячно своим студентам в Жиздру продукты отправлял. 15 мая 1940 года я окончила ЖМКШ и стала трудиться в колхозе «Заря новой жизни» счетоводом.

Во время войны (1941-1942 гг.) я вместе с другими комсомольскими активистами села занималась обеспечением продовольствием советских воинов. Немцы через наше село ходом прошли, а где-то в октябре - ноябре появилась военная разведка и уже следом за ней вступила военная

часть. Ходила по домам, вела учет сданного населением хлеба, картофеля, сала, яиц, молока. Солдат распределили на постой к местным жителям. В мои обязанности также входило проверять, не нуждаются ли они в чем. Население наших деревень оказывало военным служащим большое содействие. В село прибыло подкрепление из числа районного руководства: Галинский Василий Михайлович возглавлял уголовный розыск, уполномоченный Корвяков и прокурор района Кривченко. Они помогали нам обеспечивать военным служащим продуктами. Мы и хлеб сами для них пекли. Из военной части приезжали на конных повозках и развозили выпечку бойцам.

Мардышкина Матрена
Михайловна

Нас семь человек на квартире проживало. Время было тревожное, население жило по законам военного времени.

Домой мы в январе 1944 года вернулись, когда нам тульское начальство позволило.

Дома разрушены, фермы разбиты, на месте колхозного скотного двора огромная воронка зияет, только Покровская церковь стоит да пустыми окнами поглядывает. Как ни бил её немец – не сумел одолеть. Хоть пулями изрешеченная, а стоит Божье дитяtko - сама Пресвятая Богородица, не иначе, покров свой над ней держала и спасла от разрушения. Слава Богу, что сохранила нам её. Хоть не действует, а всё с ней как-то спокойнее и надежнее.

В феврале 1944 года состоялись выборы в местные Советы и меня избрали депутатом и секретарем Космачевского сельского совета. И так

В 1943 году нас эвакуировали в Тульскую область. Попали мы с матерью в Ивановский район. В райисполкоме я получила направление в колхоз «Мировой Октябрь» Жили мы в деревне Климовская, а на работу бегала за 3 километра.

Там тоже определили меня по специальности. Я помню, что очень много всяких отчетов пришлось составлять. У них тогда председателем райисполкома был Ескин, его имя я, к сожалению, забыла, а председателем сельского совета в Климовской была Башкирова Евдокия.

бессменно на одном месте я трудилась до 15 июня 1990 года. Вот и посчитайте, сколько лет мой трудовой стаж составляет. На пенсию ушла в возрасте 68 лет.»

За годы своей деятельности в Космачевском сельском совете, многое не приходилось выполнять Матрене Михайловне. «Только что мешки не носишь на себе, а целый день на ногах. Не было мне покоя ни на утренней заре, ни ночной порой. Служащим выходной день для отдыха дан, а ко мне спозаранку люди из другой деревни пришли за справкой. Иду в сельсовет и выписываю, ведь эти люди тоже с работой связаны и не всегда могут выкроить полдня, чтобы сходить за 5 километров за справкой.

Прикажет начальство к четырем часам утра транспорт для призывников подготовить - иду договариваться с водителем да ещё утром прибегу проверить, все ли на месте».

- А Вы в Коммунистической партии состояли? – спрашиваю я Матрену Михайловну.

- Какая мне партия, когда у меня детей полон дом был да все мал мала меньше. Мы с Иваном Николаевичем одиннадцать нажили, двое умерли ещё в младенчестве, а Саша несколько лет назад. Четверых-то ребятишек моя мать помогала поднять, пока жива была, а с остальными коллективно управлялись. Уже старшие за младшенькими доглядывали. Это мой хозяин, Иван Николаевич, был коммунистом. Ни одного собрания в колхозе не пропустил, тоже был из активистов.

Матрена Михайловна счастлива в детях. У неё три дочери, две – Анна Ивановна и Ольга Ивановна – уже на пенсии, Раиса Ивановна – штукатур-маляр. Все сыновья в свое время несли службу в Армии. Один из них, самый младшенький, в Дрездене служил, он там летчиков доставлял в аэропорт; в семье есть два моряка, они на Северном флоте отслужили. Сейчас у всех семьи, есть уже дети и внуки.

Анатолий живет в Зарайске, трудится слесарем; Юрий стал калужанином, он квалифицированный сварщик; Женя, Игорь и Виталик трудятся водителями. Александр Иванович, который умер в 2003 году, был сварщиком.

У Матрены Михайловны 12 внуков и 7 правнуков.

За многолетний и добросовестный труд Мардышкина Матрена Михайловна награждена медалями «Ветеран труда», «50 и 60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941- 45 гг.».

Она мать-героиня. В особой папке хранятся многочисленные грамоты, а в её старинном сундуке хранятся награды мужа.

- Одни внуки ещё маленькие были, когда их дед умер, а другие ещё не родились. Поэтому часто просят меня о нём рассказать. Мне в этом году исполнилось 86 лет. Я уже тридцать лет без хозяина, видимо, Господь меня держит на этом свете.

Так уж у нас устроено: прошлое, словно стоячая вода в пруду, оно неподвижно и безмолвно, а настоящее похоже на горную бурливую реку – также пробегает стремительно. Матрена Михайловна по-прежнему управляет своим домом, готовит еду, ходит в магазин, но уже не так быстро, как она это делала в молодые годы. У каждого человека своё предназначение в жизни. Предназначение Матрены Михайловны – быть хорошей и любящей матерью, бабушкой и прабабушкой. Быть матерью-героиней - это тоже подвиг. Подвиг во славу Родины.

« Вовочку мы так и не нашли...»

К Степичевой Елизавете Петровне (1932 г.р.) мы с краеведами пришли ранним февральским утром 2006 года. На часах стрелки показывали 8.45., а мы уже расположились в уютной теплой кухне. Её внук Данька тоже уселся к ребятам и стал слушать свою бабушку.

« Я родилась в Износках Калужской области. Теперь-то там уже из родных никто не живет, поэтому в последний раз я побывала в той деревне лет 35 назад. В детстве мне приходилось подолгу гостить у моей бабушки, Телегиной Прасковьи Андреевны, жившей в деревне Большие Колодези. До сих пор помню её домик, пригорок, с которого каталась на санках; неглубокую речку, в которой летом купалась с деревенской малышкой. А ещё помню родник, в котором струилась самая вкусная

вода. На месте, где бил из-под земли ключ, местные жители сложили деревянный сруб. Родник этот был обложен камнями, а вода в нём вся светилась, поэтому в неё можно было смотреться, словно в зеркало, она не замерзала даже в самые сильные морозы.

У бабушки в доме стоял ткацкий станок, она ткала не только половики, но и полотно. Мне запомнилось, как его отбеливали. Намочат сначала, а потом, мокрое по снегу расстелют. Оно на морозе вымерзнет и становится белым-белым.

Запомнился мне и деревенский колодец, он от дома был в нескольких десятках метров. Однажды отправили меня по воду, а я ведро упустила - оно вместе с веревкой ушло на дно. Мне стало так обидно, что я заплакала. Увидела соседка, жена председателя колхоза, что я плачу, и решила помочь моему горю. Сходила домой и принесла «кошку» - это деревенские так называют длинный шест с тремя загнутыми кверху острыми крюками. Выловила моё ведро да ещё воды помогла зачерпнуть.

Когда война началась, я у бабушки жила. Мы тогда страха все натерпелись. Немцы к Москве рвались, и мимо Больших Колодезей то и дело самолёты проносились. А потом и стрельба стала приближаться. Однажды привезли раненых красноармейцев. Их заносили в дома, делали им перевязки. Они и у бабушки в доме прямо на расстеленной по полу соломе лежали. Кто стонет, кто плачет навзрыд. Да и как не плакать, если у кого-то нога оторвана – кровью истекает, а кто без руки от боли скулит, у кого ранение в живот, а он запекшимися от высокой температуры губами пить просит. А пить-то ему нельзя. Потом этих раненых наши бойцы только увезли в медсанбат, как немцы село заняли. Они поселились в самых лучших и чистых домах. Дошли они и до моей бабушки, а мы с ней перешли к соседям, там от фашистов на печке прятались. Мать нас с бабушкой потом забрала в свою деревню, в Износки.

У Прасковьи Андреевны были три сына и четыре дочери, а муж её погиб на финской войне. Двое сыновей уже на фронте воевали, они так и не вернулись – погибли оба. Старшая её дочь, Анна Федоровна, вместе с детьми жила в деревне Колодкино. Немцы их в Белоруссию угнали. В деревне Колодкино была швейная мастерская, в которой Анна и другие женщины после эвакуации шили одежду для красноармейцев. В Белоруссии тоже горя хлебнули с лихвой. Там они работали на хозяина-поляка, жили где-то рядом с границей. А когда из Белоруссии вернулись, их в Колодкино новое горе поджидало: двое младших сыновей пошли в лес по грибы и подорвались на mine. Старший сын жил в Фаросе. Мы к

нему в гости ездили. Он и мать свою забрал к себе, когда та состарилась. Анна Федоровна в Фаросе скончалась, там и похоронена.

Ещё одна тетя моя, Изотова Евдокия Федоровна, жила в деревне Семеновская, что в семи километрах от Больших Колодезей. У них были свои ульи с пчелами, они считались несколько побогаче других, но в войну тоже всего натерпелись.

К моей матери, Александре Ивановне (она умерла в 1953 году) привезли весной 1941 г. ещё двух племянников из Москвы. Это были Рая и Володя – дети Акулины Ивановны, жившей в Москве. У них с мужем было много детей, а квартира маленькая. Старший её сын учился в ФЗУ, его отправили в 1941 году в Ленинград, где он умер в блокаду. Муж Акулины Ивановны ушел на фронт. Прямо перед войной у Акулины Ивановны родилась ещё одна девочка, но мать и ребенок умерли в первые годы войны.

С питанием было плохо. Моя мать и бабушка решили Раю и Володю определить в детдом, чтобы спасти им жизнь. Запрягли лошадь, усадили в сани детей и повезли в Дубровку, где находился детский дом.

Вовочка-то спокойно остался, а Раечка так уцепилась ручонками за сани, что взрослые не смогли её снять, вот и привезли девочку назад.

Эту Раю воспитала тетя Аня, что вернулась в Гребенкино из эвакуации. Рая окончила Мещовский сельскохозяйственный техникум и стала работать агрономом в деревне Хвощи Износковского района. С утра уйдет в обход по своим полям – и до вечера. Она была очень ответственным работником. Про каждый клочок своей земли могла многое рассказать, знала, что посеять на том или ином поле. А когда под старость заболела, дети её определили в дом инвалидов. Мать жила для них, а сын и дочь не захотели ухаживать за больной матерью, но Бог им судья.

Нашу семью тоже выселяли из Износок перед наступлением Красной Армии. Мы были эвакуированы в деревню Кременское Медынского района (а, может быть, Кременки?).

Но там мы были недолго и через четыре месяца уже вернулись домой. Из того периода я запомнила, что всей семьёй мы спали на полу. А когда снег растаял, я с дочкой хозяйки ходила по колхозному полю и выковыривала мерзлую картошку. Мать её промывала и тёртики жарила. Есть всё время хотелось.

После войны я училась в Износках. Окончила девять классов дневной школы и стала работать на почте, а по вечерам училась в вечерней школе. Успешно сдала экзамены за 10 класс и поступила в Московский всесоюзный техникум связи на заочное отделение. По

профессии я плановик-экономист. После окончания техникума меня перевели в город Людиново. Шел 1959 год, когда я сюда приехала, и с тех пор этот город стал моей второй родиной.»

За годы своей деятельности Елизавета Петровна занимала разные должности: сначала она была помощником начальника Людиновского узла связи, потом его заместителем, затем начальником страхового участка, а на пенсию уходила уже с должности главного инженера. Начальниками узла связи в разное время были Жариков, Танцура Василий Стефанович, участник Великой Отечественной войны, Боярский Виктор Ильич, которые много сделали для развития телефонизации города Людиново и района. При Боярском В.И. были построены три современных АТС. Должность главного инженера очень хлопотная. Приходилось отвечать за всю хозяйственную деятельность, за техническую безопасность, почтовую связь, гражданскую оборону и электросвязь. Как раз началось строительство АТС, поэтому дел хватало, и покоя не было ни днем ни ночью. Но труд был всегда в радость. Дома во всем муж помогал. За Степичева Вячеслава Григорьевича Елизавета Петровна вышла замуж в 1960 году. Муж работал водителем, но для детей всегда находил время. Сын Виталий и дочка Лена не доставляли особых хлопот. Они росли смышленными и послушными. Сейчас у них у каждого свои семьи. Пятеро внуков стараются порадовать любимую бабушку своими успехами. Жаль, что Вячеслав Григорьевич не дожил до появления правнучки. В семье другого внука тоже ожидается пополнение.

Данька, внук Елизаветы Степановны, с краеведами Игнатовской школы.

Как только на телевидении появилась передача «Жди меня», семья Степичевых пытается разыскать Володю, которого в Великую

Отечественную войну определили в детдом. Писали везде, но поиски положительного результата не принесли. Детдом всё время кочевал. Какое-то время размещался в Йошкар-Оле, а потом его расформировали и детей распределили по разным детским домам.

Володя с 1936 года. Когда его оставили в детском доме, было мальчику пять лет. Ребенок, вероятно, забыл своё отчество (по отцу он Васильевич).

«Вовочку мы так и не нашли, - с глубокой печалью сказала Елизавета Петровна, - но я не теряю надежду и верю, что мы когда-нибудь встретимся»

Жизнь Елизаветы Петровны теперь наполнена новым смыслом. Дети – это святое. Эти маленькие крохи насыщают жизнь бабушки своей любовью. Так пусть же эта любовь продлит её годы жизни.

Из рода Жигановых

Жиганов Григорий
Степанович
05.02.1920 –
24.07.2002

Есть в Людиновском районе деревенька Черный Поток. Расположилась она в красивом и укромном месте среди березовых рощ и полей. Окрестности этой деревеньки давно стали любимым местом отдыха людиновцев. А привлекает их огромная запруда, где любят купаться городские и молодежь окрестных деревень. При лёгком дуновении ветерка по воде разбегаются барашковые волны. Под ярким солнцем водная гладь начинает рябить в глазах. Тёплая вода нежно ласкает ноги и манит быстрее окунуться целиком. Песчаное мягкое дно – тоже одно из достоинств этого искусственного озера, там любят посидеть на берегу с удочками любители – рыболовы. От души поплещешься и позагораешь среди высоченных красавиц березок, а если повезёт, то земляники лесной отведаешь или малины.

Дома в деревне кирпичные и бревенчатые. До войны, говорят старожилы, дворов триста было. Это сейчас деревня примолкла, а когда-то в каждом доме по 5-9-11 ребятишек радовали родителей своими голосами. Селились просторно, земли хватало всем - знай трудись. В 1929 году тут образовался колхоз «Новый мир», а в 1965 году его преобразовали в совхоз «Революция». Среди других колхозников трудились на этой земле и Жигановы. Степан Егорович с Марией Максимовной (в девичестве Шмелёва). У них было 9 детей. Их сын, Григорий, по счету родился четвёртым. У него, как и у других деревенских мальчишек 20-х – 30-х годов, было босоное детство. Детишки бегали с апреля и до октября босиком, иначе на каждого обуви не напасёшься.

Бездельников в семье не водилось: кто скотину пас, кто дрова готовил, кто на ферме родителям помогал, кто за младшими дома приглядывал, кто в огороде сорняки выпалывал. Не успеет ребенок сделать что-то одно, как мать ему даёт уже другое задание. Осень, зиму и весну бегали в школу, после окончания которой пути-дороги сверстников расходились: кто дальше шёл учиться в ФЗУ по направлению сельского совета, кто в город на завод подавался (опять же по разрешению местной власти), а кто в деревне оставался, посвятив себя колхозной жизни. Уехать в те годы из деревни было совсем не просто. Требовалась официальная справка от сельского совета, без которой сельчан на учебу в городе не принимали. Колхозу нужны были рабочие, поэтому отпускали не всех. Отучившиеся в техникуме или вузе должны были вернуться в свой колхоз и отработать 3 года. Колхозники паспортов не имели, а без документа на работу нигде не принимали. Паспорта сельские труженики получили в начале 60-х годов. Многие тогда переехали в город, т.к. надоело работать в колхозе за трудовни.

В октябре 1936 года Григорий устроился на Людиновскую МТС, где трудился до осени 1940 года. За эти четыре года он приобрёл опыт вождения трактора, узнал устройство имевшейся в районе техники, приглядывался к опытным механикам и слесарям и сам учился заменять и разбирать сломанные детали.

В сентябре 1940 года его призвали в Красную Армию и оказался наш земляк в далёком Киеве. Красноармеец Жиганов служил в 227 полку в войсках МВД. Казарменная жизнь протекала спокойно и строго по распорядку: подъём, зарядка, завтрак, изучение военного дела, политучёба, муштра на плацу, военные учения, несение нарядов – всего не перечислишь.

Но утро 22 июня 1941 года нарушило ритм мирной жизни. В четыре часа утра фашисты сбросили свои первые бомбы на Киев, Брест, Минск и другие мирно спящие города и сёла. В шесть часов утра в санитарную часть гарнизонного корпуса привезли уже первых раненых красноармейцев.

В этот же день Указом Президиума Верховного Совета СССР была объявлена мобилизация на территории военных округов: Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северокавказского и Закавказского. Мобилизации подлежали военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно. Люди потянулись в военкоматы.

К шестнадцати часам в военную часть поступило первое пополнение- 300 человек, стремившихся взять в руки оружие и вступить в бой с фашистами. Град сыпавшихся бомб не прекращался. Киев и военная часть были охвачены огнем. В течение первой недели погибла большая часть военнослужащих.

28 июня поступило распоряжение командования идти на соединение с 233 полком МВД, которым командовал Василий Силенко. Тот полк дислоцировался во Львове, но, попав под уничтожающий вражеский шквал огня, понёс потери и отступил. Остатки двух полков объединились в Тернополе.

Протоиерей храма иконы Казанской Божией Матери отец Алексей Жиганов любезно предоставил мне записи своего отца. Это четыре пожелтевших от времени тетрадных листка, исписанных зелёной шариковой ручкой. Там указаны даты и названия населённых пунктов, то есть маршрут следования полка. Пользуясь этой схемой, попробую восстановить события.

Первого июля на Тернопольском аэродроме Жиганов Григорий Степанович вступил в первый бой с фашистами. Это был кромешный ад: шквал огня обрушился, казалось, со всех сторон. Загорелся аэропорт, беспомощно суетились люди, поле затянуло пороховым дымом. Отступали с боями. В иных местах удавалось приостанавливать продвижение вражеских войск на сутки или трое, но натиск фашистских формирований был так силён, что сопротивление не приносило результатов. И когда наши отступающие части подходили к очередному пункту, он уже был на половину опустошён и разбит. Кругом зияли огромные воронки. Всё вокруг объято пожаром. Сыпавшимся с неба бомбам не было числа, как не было числа убитым и раненым.

Под Липовой Долиной снова вступили в жестокий бой, но теперь у красноармейцев появилась одержимость, хотя силы были совсем не равны. Не хватало техники и боеприпасов. Наша Армия была не готова к войне, поэтому и терпела поражение в первые месяцы боёв.

Григорий Жиганов в своих «воспоминаниях» оставил запись о бое на реке Суле: «Жаркий бой, снова потери... и снова отступление». Вот позади уже Ромны, Гадяч, Ахтырка, далее путь лежал на Богодухов, Харьков, Белгород. В Новом Осколе удерживали рубеж с ноября по 10 декабря 1941 года. Повсеместно велись упорные оборонительные бои. Враг повсюду встречал ожесточенное сопротивление, хотя не терял надежды завоевать Россию к концу 1941 года. 233-й полк вновь понёс огромные потери, поэтому в Воронеже командование проводит вторичное переформирование боевых единиц в 6-ой мотострелковый полк, слив 233 полк МВД с 25-м пограничным отрядом.

29 декабря уже со свежими силами бойцы данного полка вступили в бой за станцию Ржава и сумели выбить окопавшихся там фашистов. Григория Жиганова назначают политруком роты. Он не был офицером, но за 4 месяца непрерывных боёв сумел проявить твёрдый характер, политические убеждения и умение вести за собой других. Как политрук первым бросался в атаку, увлекая бойцов своим примером на очередную битву с ненавистными захватчиками.

Следующий бой состоялся за город Обоянь. Тут и там мелькали вражеские лица. Фашисты, как прусаки-тараканы, просочились во все щели. Под Обоянь немецкое командование перебросило огромное подкрепление из-под Курска. Массированные удары с воздуха и натиск фашистских танков вынудили советских бойцов сдать и этот город и отойти на западный рубеж к селу Пселец. 6 января 1942 года Григорий Степанович был ранен. От потери крови потерял сознание, а бойцы доложили своему командиру, что красноармеец Жиганов убит.

За проявленные мужество в бою под Обоянью двумя днями раньше он был представлен к награде – этот орден ещё долго будет искать своего героя...

Через три дня Григория подобрали санитары и доставили в полевой госпиталь в село Колбасивка. В этом 1-ом медсанбате раненые находились в антисанитарных условиях. Лежали все на полу на соломе, которая прела от крови и источала удушливый запах. В соломе кучами гнездились насекомые. Политрук Жиганов, видя это безобразие, заругался – санитары тут же сменили солому. Затем раненых перевели в Новый Оскол, оттуда – в Воронеж, а из Воронежа санитарный эшелон проследовал в Сталинград, где Жиганов находился до марта 1942 года. Город готовился к обороне. Повсюду рыли окопы, траншеи, на каждом участке работу возглавляли политруки. И Жиганов, находясь в госпитале, проводил громкие чтения газеты «Сталинградская правда», вёл политбеседы с выздоравливающими, рассказывал о событиях на фронте.

25 марта 1942 года Главное управление войск МВД направило его в 13-ю дивизию 263 полка, который располагался в Калинино.

Русская Армия набирала силы. Советские бойцы яростно сражались за каждую пядь родной земли. После освобождения города Калинино была организована служба заграждения. Цель этой службы – не дать фашистам вновь овладеть городом. Несколько раз фрицы пытались укрепиться на этом рубеже, но их атаки были мужественно отбиты.

В сентябре 263 полк спешно перебрасывают к новому месту назначения. Эшелону была дана «зелёная улица», поэтому он следовал без задержек через Горький, Казань, Свердловск, Семипалатинск, Караганду. Пароходом преодолели Каспийское море, остались позади Баку и Тбилиси. Вышли на Военно-Грузинскую дорогу, пройдя через перевал, преодолели Казбек и подошли к Орджоникидзе. Тут Жиганов был контужен, но строй не покидал. 19 марта 1943 года уже в составе батальона 3-го мотострелкового полка 14-ой дивизии МВД прибыли в Краснодар. Там 263 полк, участвуя в боях с превосходящими силами противника, находился около двух месяцев. Среди солдат царил боевой настрой. Не давая врагу передышки, их полк в составе дивизии двинулся на освобождение станицы Крымской.

Заурчали могучие двигатели танков, в боевом порядке машины двинулись по полю, прокладывая дорогу пехоте. В небе слышался приближающийся гул тяжёлых вражеских бомбардировщиков – отбомбили и улетели... А на земле шёл яростный бой. Враг отступил, неся большие потери.

Когда Григорий Степанович вошёл в станицу, увидел одни развалины. Фашисты даже фруктовые деревья подпилили, а они уже цвели пышным цветом. Головыми шашками подорвали телеграфные столбы. Это было пятого мая. Невольно бойцу подумалось: «А как у меня на родине, в Черном Потоке? Жива ли мать?..» Людей не было видно, их, вероятно, эвакуировали ещё до сражения. Дорога от Крымской серой лентой сбегала в цветущую долину. Весна пришла во все уголки земли, но тут пряный аромат цветущих садов смешался с запахом гари и пороха. Представил Григорий, как цветут кусты сирени в его палисаднике, и щемящая тоска по дому, по родным, которые неизвестно где, разлилась по его сердцу.

Над головой пролетел «мессершмитт». Он вынырнул из рыхлого тёмно-серого облака и изрыгнул на землю свой смертоносный груз. Григория зацепило осколком. Это случилось 1 июля 1943 года и произошло данное событие уже на Тамани. Получив ранение в голову, Григорий Степанович вышел на какое-то время из строя...

На Таманском полуострове враг сконцентрировал полумиллионную армию. Шла подготовка к броску на Кавказ. Фашисты изо всех сил удерживали этот плацдарм, любой ценой стремясь сорвать наступление Красной Армии на Кубани. Здесь у фашистов были сосредоточены крупные силы авиации. Аэродромы Приазовья, Крыма, Донбасса и Тамани были заполнены вражескими самолётами, которые беспрестанно взмывали в небо, поливая землю дождём смертоносного металла.

Этот укреплённый рубеж – «Голубая линия» - простирался от Азовского до Чёрного моря. Долгих пятнадцать месяцев враг удерживал этот плацдарм. И только благодаря отчаянной решимости отважных красноармейцев эта «Голубая линия» противника была прорвана.

Далее дивизия двинулась по Таманскому полуострову на Анапу, а оттуда – на Краснодар.

В каждом бою погибали сотни отважных советских бойцов, Армия несла большие потери, поэтому в Краснодаре вновь провели переформирование. Вымотавшимся солдатам, наконец-то, дали кратковременный отдых.

За это время подобрали надёжных бойцов, обладавших не только физической выносливостью, но и наблюдательностью, природной смекалкой – теми качествами, которые так необходимы в разведывательно-оперативной работе. Жиганову уже приходилось ходить в разведку, он зарекомендовал себя только с положительной стороны, к тому же имел медаль «20 лет РКК», полученную за проявленное мужество и проведение политмассовой работы в своей роте. Поэтому

тоже был зачислен в полк особого назначения, который сначала был направлен в Калмыкию, а до конца войны он исколесит Кавказ и всё Закавказье.

Напомню обстановку на Кавказе на тот период, чтобы стала понятна задача, поставленная перед полком МВД.

В начале июля 1942 года Гитлер и его военные советники были уверены в том, что Советский Союз проиграл войну. На востоке они стремились прорваться к Грозному, а затем по Каспийскому побережью к Баку; мечтали прорваться к Владикавказу, пересечь Главный Кавказский хребет и по Военно-Грузинской дороге выйти в Закавказье и следовать далее... Целью всей операции являлись овладение кавказскими нефтеносными районами и выход на Ирано-Иракскую границу. На Северном Кавказе были богатейшие хлебные районы, которые не давали Гитлеру покоя. Фашисты хотели подорвать экономику России, ударить по материальной основе её вооружённых сил. Они решили лишить Россию донецкого промышленного района, Кубанской житницы и кавказской нефти. План завоевания Кавказа получил кодовое название «Эдельвейс». В состав 49-го вражеского горнострелкового корпуса входили лучшие альпинисты Баварии, Румынии. Их войска были хорошо подготовлены к боевым действиям в горах.

Выполняя со своими однополчанами спецзадание, Григорий Степанович на себе испытал сложность ведения боя в горах. Высота, разреженный воздух, мороз, холод, ледниковые трещины, снежные лавины и камнепады, трудности с доставкой боеприпасов, ведь нести в гору груз приходилось на себе.

Фашистские горные стрелки – это пехотные штурмовые отряды. Враг был снабжён легкими пушками и миномётами. Все они прошли хорошую подготовку в Альпах, а некоторые ещё до войны поднимались на вершины Кавказских хребтов и хорошо знали местность.

Некоторые советские командиры не придали должного значения подготовке перевалов к обороне. Они считали Главный Кавказский хребет непреодолимой преградой для противника.

На подступах к перевалам с севера не организовали разведывательные действия, поэтому не знали о численности врага.

Григорий Степанович позднее рассказывал своим друзьям: « У нас не было ни горной одежды, не специальной обуви. У альпийских стрелков бутсы с шипами и тёплые лёгкие куртки, а у наших шинели и сапоги. В первое время не было защитных очков, поэтому на снежных перевалах многие обжигали глаза и слепли. Были случаи, когда

проваливались в ледовые трещины, обмораживались и даже замерзали от холода».

Немцы захватили все горные перевалы, все турбазы и даже водрузили 21 августа 1942 года два своих чёрно-красных флага на вершине Эльбруса.

Наше командование отдаёт приказ за приказом (не понимая, что из себя представляет Эльбрус зимой) выбить немцев с Эльбруса и установить свои флаги.

Пять месяцев фашисты удерживали склоны. Много раз наши пытались выбить их, но безрезультатно. Наши первые горнолыжники без маскхалатов были удобными мишенями. Одну из вылазок сделали ночью. Ветер валил с ног. Бойцы несли на себе оружие, боеприпасы, снаряжение и продовольствие. Под снегом скрыты ледовые трещины. Чем выше подъём, тем холоднее. Люди стали замерзать. Вверх не поднялись, зато немцы скатились к ним на лыжах и завязался бой. Наши погибли все.

И только 17 февраля 1943 года отряды под командованием А.М. Гусева сорвали фашистские флаги и водрузили свои. История умолчала, сколько советских солдат погибло в тех горах...

Долгих 14 месяцев велась борьба за Кавказ и увенчалась успехом. С января началось наступление наших войск. Закавказский фронт ударил по Кавказу. В тех боях принимали участие 25-й пограничный полк НКВД, сводный полк НКВД и другие. Фашистам не удалось прорваться к нефти, их план потерпел крах. Несмотря ни на что, вероломный враг активно вёл и подрывную работу. Засылали в тыл диверсантов, которые минировали и поднимали на воздух объекты стратегической важности. Их посланники из местного населения подбирали недовольных советской властью, сколачивали из них бандитские формирования, которые также вели диверсионную деятельность, срывали поставку фронту продовольствия, топлива, техники и так далее.

С особым заданием Жиганову Г.С. в составе своего полка пришлось побывать в Калмыкии, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и других местах. Обстановка там оставалась напряженной. Попробую раскрыть причины враждебного настроения местного населения тех республик по отношению к Советскому Правительству и готовность некоторых из них сотрудничать с немцами.

Ещё в 30-е годы руководство СССР проводило у вайнахов (чеченов и ингушей) коллективизацию, против которой они были настроены. В короткий срок заменили систему шариатского судопроизводства советскими судами; стремясь ликвидировать неграмотность, большевики посадили за парты в советские школы вместе с мальчиками девочек, а

ведь раньше только мальчики обучались при мечетях. Население вайнахов не приветствовало создание пионерских дружин и комсомольских организаций. Местная знать опиралась на исламские круги Турции, Персии, а тут по приказу Советского Правительства стали закрываться мечети. Вместо совета старейшин в аулах появились сельские советы. По линии народного образования вайнахскую письменность с традиционной арабской «вязи» перевели в приказном порядке на латинский шрифт, а в конце 30-х годов на русский. Всё это вызывало протест у многих жителей республики. Фактически колхозный строй там не был установлен, так как шейхи, мюриды, священнослужители проникли во все участки колхозного строительства и препятствовали внедрению всех новшеств. Представляемые отчёты не давали картины происходящего. Они стали вести вооруженную подпольную борьбу. Чеченцы прятались в горах и регулярные вооруженные воинские части их не могли ликвидировать. По вооружению бандиты не уступали частям Красной Армии.

Если на территории ЧИ АССР с 1 января по июнь 1941 года была зарегистрирована 31 бандитская выходка, то с 22 июня по 3 сентября 1941 года таких фактов было уже сорок.

Когда началась война, некоторые руководители республики встали на путь предательства. Органы госбезопасности в годы войны разоблачили Национал-социалистическую партию кавказских братьев, её возглавлял Хасан Исраилов, окончивший Коммунистический университет трудящихся Востока и работавший адвокатом в одном из районов Чечено – Ингушетии. Он и его помощники стали собирать людей на борьбу с советской властью, вербовали в отряды дезертиров, бандитов-одиночек и других враждебно настроенных жителей.

К ноябрю 1941 года в республике появилась Чечено-Горская национал-социалистическая подпольная организация, в которой было более 1500 человек. Все они приветствовали приход немцев.

В марте 1942 года в СССР проводилась вторая мобилизация. В Чечено-Ингушетии призыву подлежало 14,5 тысяч человек, а призвать удалось из них лишь часть. Число уклонившихся и дезертиров составило 13500 человек.

В апреле приказом НКО СССР призыв ингушей и чеченцев в армию был отменён, а ведь в их республике он был начат лишь с 1939 года.

Всё это послужило причиной депортации вайнахов в Казахстан.

Подобные события происходили и в других автономных республиках Закавказья.

До конца 1945 года старший сержант Жиганов Г.С. вёл вместе с другими однополчанами оперативно-розыскную деятельность по поимке и уничтожению вражеских формирований в Калмыкии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Грузии и Дагестане. Это тоже была тяжёлая и изнурительная работа. Многокилометровые марш-броски по незнакомой местности, бои местного значения... Поимка бандитов повсеместно была сопряжена с опасностью.

Григорий Степанович уже в 80-х годах как-то рассказывал своим сыновьям:

- Отправили нашу группу в январе 1944 года на разведку. Со склона горы хорошо просматривался кишлак. Он был весь как на ладони. Лежим мы в белых маскхалатах на снегу, кругом такая звенящая тишина, а небо усеяно яркими звёздами. Как будто нет войны никакой...

Не очерствела душа у солдата за годы войны. В самом пекле побывал, всего насмотрелся, поэтому никогда не рассказывал о пережитом и увиденном. Он участвовал во многих операциях. Тяжелее всего пришлось в горах, когда выкуривали оттуда фашистов. И то, что немцы не прорвались к российской нефти, есть заслуга и Григория Степановича.

Приходилось ему не только ловить дезертиров и вступать в бой с бандами, но и сопровождать эшелоны с депортированными. Оперативно-розыскные мероприятия в тех краях продолжались и в 1946 году. Благодаря бдительности местных граждан, находчивости и умелым действиям солдат полка особого назначения Кавказ был очищен от мародёров, бандитов, предателей и диверсантов.

В боевой жизни старшего сержанта Жиганова было много трагических моментов. Вот один из них.

В январе 1942 года, получив тяжёлое ранение, осколком в голову, долгое время находился без сознания. По ошибке его внесли в списки мёртвых. Об этом свидетельствует и запись в «Книге Памяти Калужской области» (т.5, стр. 429: «Жиганов Григорий Степанович (1920-12.01.1942г.) красноармеец, 6 МСП 8 МСД НКВД»)

Поэтому домой он как с того света вернулся. Службу старший сержант Жиганов окончил в августе 1946 года. В свою деревню приехал с женой, которую привёз с Украины. Но семейная жизнь не заладилась. Она уехала в Киев, увозя под сердцем неродившегося сына.

«Второй женой моего отца стала Василиса Федоровна из семьи Тимошкиных, - стал рассказывать о своих родителях протоирей Казанского храма отец Алексей. – В то время она жила с матерью Прасковьей и братом Григорием. Своего первого мужа Василиса

проводила на фронт, да не дождалась от него ни одного письма. Зато семья получила извещение, что боец Филатов пропал без вести. Их общий сынишка Стефан умер еще во время оккупации. Василиса жила в доме свекрови, у которой квартировали немцы. Семья уютилась за печкой. Плач ребенка действовал на нервы одному фашисту, поэтому он малыша вместе с люлькой вынес в холодный коридор. Там мальчик простудился, а вылечить его не удалось... Перед эвакуацией Василиса вернулась в родной дом, т.к. мать нуждалась в ее помощи. Родители поженились в 1948 году. Они дружили еще до ухода Григория в армию. А тут их чувства вспыхнули с новой силой. Первая любовь не забывается... А в 1949 г. из плена вернулся первый муж Василисы. Он не винил ее, что не дождалась, т.к. во всем была виновата война.

После службы отца в деревне сразу же избрали председателем Черно-Потоцкого сельского совета. Бумажная работа была ему не по душе, и в 1948 году он пересел на трактор. А тут подошло время очередных выборов. Григория Степановича избирают депутатом, а заодно и председателем Войловского сельского совета, которым он руководил до 1950 года. От родной земли не отрывался. В последующие 12 лет трудился бригадиром тракторной бригады, комбайнером МТС, заведующим животноводством и даже заведующим магазином. Последние 16 лет своей трудовой деятельности посвятил Черно-Потоцкой школе, куда его пригласили вести трудовое обучение и физкультуру.

Мой дед по отцу, Степан Егорович, умер перед войной. У них с женой, Марией Максимовной, помимо родных детей, были ещё приёмные (Жиганов Алексей Степанович и Евгения Александровна. Хотя у Евгении настоящая фамилия Апокина, она писалась Жиганова, а отчество родного отца сохранила). В войну они покидали деревню, но пусть вам об этом расскажет брат моей матери, а мой дядя, Григорий Фёдорович Тимошкин», - сказал Батюшка и дал телефон дяди.

И вот, что дополнил Григорий Федорович:

« Где-то в сентябре 1941 года через нашу деревню прошли отступающие красноармейцы. Они сделали в деревне привал, женщины принесли им хлеб, яйца, сало, варёную картошку. Они поели и ушли дальше, а через некоторое время появился немецкий самолёт. Он сначала сбросил над деревней листовки. Мы с мальчишками бросились их ловить, а тут фашист сделал разворот и сбросил на деревню бомбы. Когда немцы вошли в деревню, заняли лучшие дома, они требовали себе еды да и сами брали, что хотели. У кого телёнка, у кого свинью зарежут. Потом в деревне появилась комендатура. Собрали всех жителей и избрали

Воронкова Филиппа Герасимовича старостой. Даже полицаев из жителей назначили. Бои шли в Букани, Котовичах, Андреево-Паликах, а снаряды долетали и до Черного Потока. Погибли Катя и Акулина Шмелёвы, Таня Кузина и другие.

Зимой жителей деревень водили на дорогу и заставляли вырубать снежные квадраты. Их укладывали один на другой высотой от полутора до двух метров вдоль дороги. Получалось такое заграждение: и дорогу снегом не заметало, и на ней не видно было со стороны наших подразделений продвижение фашистов. По ночам полицаи засады там устраивали на партизан.

В марте 1943 года готовилось крупное наступление, в 2 часа дня фашисты приказали старосте подготовить народ к эвакуации. Что успели, то и покидали в узлы. У кого были лошади, тем легче пришлось – всё в повозки уложили. Люди даже коров погнали с собой, так как у всех дети, а чем их кормить у чужих людей? Когда дошли до Заболоцкой горки, колонну обстреляли. Снаряды летели со стороны наших воинских подразделений – они решили, что это немцы движутся. Тогда ранили Зайцева Николая и была убита мать четырёх девочек – Мосина Мария. Одна из её дочерей, Ираида Ивановна, учила в Черно-Потоцкой школе в 1943-1944 годах школьников. (Ираида Ивановна позднее выйдет замуж за Шумавцова Виктора, брата Алексея Шумавцова, станет преподавать русский язык и литературу на городке в школе № 8 – примечание автора)

Жителей Черного Потока принимали в Колотовке, Войлово, Мостовке, Романовке. Некоторое время жили там. Мои сёстры сходили в комендатуру и взяли разрешение на воссоединение с семьёй родственников, живших в Людиново. Какое-то время жили в городе, занятом оккупантами ютились в подвале. Весной огород вскопали и кое-что посеяли, но фашисты погнали и оттуда...

Наша Армия вела наступательные действия, поэтому немцы готовились к обороне. Во время очередного налёта колонну обстреляли, люди бросились врассыпную. Некоторым семьям удалось сбежать в лес. Несколько семей и мы в том числе затаились в густом ельнике. Сейчас на том месте располагается оздоровительный детский лагерь «Спутник». Какое-то время укрывались там, а потом вернулись в Людиново. Подвал, в котором жили перед этим, сгорел пришлось на какое-то время перебраться к другим родственникам, где тоже жили в погребе. К осени вернулись в Черный Поток. Деревню спалили наши бойцы по приказу командования Красной Армии, чтобы немцы не могли в ней закрепиться. Разведчики доложили, что население эвакуировано, и они тремя выстрелами из «катюш» разбомбили дома».

О том, как горела деревня, рассказала своим детям мать, Василиса Фёдоровна. Я снова обращаюсь к настоятелю храма иконы Казанской Божией Матери отцу Алексею Жиганову и слушаю продолжение его рассказа:

«Покинув Черный Поток, семья матери какое-то время жила в Войлово. Однажды вездесущие ребятишки донесли, что немцы ушли из их деревни. Взрослые быстро запрягли лошадей и поехали в Чёрный Поток. Среди них был и мой дядя Аким. Быстренько загрузили картофель из подвалов, квашеную капусту и благополучно вернулись в Войлово. Назавтра решили съездить снова и забрать оставшееся. Задумано – сделано. Доехали до Заболотья и с горки увидели, как к небу чёрный дым клубами поднимается, а от домов одни головешки на пепелищах чернеют да трубы печные возвышаются. Так и вернулись ни с чем. Некоторые чёрно-потокцы после войны не вернулись в родную деревню. Кто в Гряде, кто в Войлово, кто в Романовке, кто в Мостовке остался. Кстати сказать, среди первых жителей д. Мостовка были выселенцы из Черного Потока. Их еще в царское время переселили на необжитое место. Среди них Володиные, Зайцевы, Андроновы и другие.

Когда в сентябре 1943 года мои родственники вернулись в деревню, увидели бурьян, стеной стоявший на пепелище в человеческий рост.

К великой радости, дом моих предков уцелел: его ракиты спасли, что росли у забора.

Деревянные дома в деревне сгорели, а от кирпичных остались одни стены. Не было ни полов, ни потолков – ими немцы дорогу мостили, чтобы их техника в грязи не буксовала.

Первую зиму в их доме четыре семьи ютились. Деду моему места не хватило – он в погребок ушёл. Соорудил себе лежанку и печурку сложил. Больше года там жил с внуками.

Моя мать, Василиса Федоровна, умерла в 1988 году. У них с отцом, Григорием Степановичем за годы совместной жизни родилось восемь детей. В 1972 году из Киева после смерти своей матери приехал к отцу его сын от первой жены – Виталий Григорьевич Жиганов. Он устроился на работу и стал жить в нашей семье. Мой отец пережил мать на 14 лет.»

Представьте себе, как большая крестьянская семья Жигановых собирается за столом. Мать достаёт из русской печки чугунок с упревшими щами. Кисло-сладкий запах распространяется по дому, маня ребятишек к столу, на котором появляется огромная миска. Молча и степенно все едят ароматные щи. На столе в тарелочке мелко порезанное сало и сваренные вкрутую яйца.

На завтрак мать подавала к столу пшённую кашу, свежий творог и разливала по кружкам молоко.

Любимой едой была картошка в мундирах, к которой подавались грибы или огурцы домашнего посола. Дети любили оладьи, и Василиса Фёдоровна пекла их на большой чугунной сковороде, смазанной гусиными перьями. Сковорода при помощи сковородника отправлялась в русскую печь на раскалённые угли. Оладьи получались пышными и румяными.

Дети Григория Степановича и Василисы Фёдоровны давно выпорхнули из домашнего гнезда.

Валентина Григорьевна живёт в Подмосковье, в г. Долгопрудный; она трудилась в аэропорту, сейчас на пенсии.

Виктор Григорьевич окончил Людиновский машиностроительный техникум, трудился мастером на агрегатном заводе, сейчас работает в частной фирме.

Роман Григорьевич приобрёл специальность электросварщика, трудится по специальности в Казанском храме.

Клавдия Григорьевна окончила Детчинский техникум и работает бухгалтером в сбербанке в Калуге.

Татьяна Григорьевна после окончания техникума вышла замуж и уехала в Набережные Челны, где трудится нормировщицей на заводе «Камаз».

В 14 лет умерла от рака Вера; к сожалению, скончались Александр Григорьевич (квалифицированный токарь ЛТЗ) и Виталий Григорьевич (работал в инструментальном цехе на агрегатном заводе).

Алексей Григорьевич Жиганов родился в 1962 году. С Похвальным листом окончил восьмилетнюю Черно-Потоцкую школу, поступил в Людиновский машиностроительный техникум. Все годы учился успешно и по окончании получил диплом с отличием. Отслужил в Армии и в 1988 году поступил на истфак Калужского пединститута. Учился заочно, преподавал историю в родной школе и возглавлял педагогический коллектив до 1991 года.

Человек предполагает, а Бог располагает. То ли по стечению обстоятельств, то ли Божий перст указал, выбрав одного из достойнейших, только Алексей Григорьевич оставляет педагогическую деятельность и, получив благословение Высокопреосвященнейшего Климента митрополита Калужского и Боровского, поступает в Московскую Духовную семинарию сразу во второй класс. Через год он перевёлся на заочное отделение и с 1992 по 1999 годы служил в Юхновском Казанском соборе. Прихожане города Юхнова до сих пор

вспоминают молодого и деятельного батюшку Алексея, к которому шли с открытым сердцем и разными житейскими вопросами.

С 1999 года настоятель храма иконы Казанской Божией Матери г. Людиново протоиерей отец Алексей, не зная покоя ни днём ни ночью, уверенно несёт свой крест.

За 10 лет достиг много. Начав с нуля, при поддержке местной Людиновской, областной Калужской администрации и с помощью прихожан вернул многострадальный Казанский храм к жизни, постепенно возрождая прежние традиции.

Не буду говорить о всех заслугах нашего Пастыря и Батюшки, о его добрых начинаниях, так как это будет уже другой рассказ.

Растёт род Жигановых. На свет появляются малыши, которым обязательно расскажут о прадеде Григории Степановиче. Память о нём в доме Жигановых священна. Сын, протоиерей Алексей, бережно хранит записки и награды отца. В рамочке под стеклом на красном бархате помещены его награды: орден Отечественной войны I степени (В № 953242), орден Отечественной войны II степени (Г № 648174), вручённые бывшему фронтовику 11 марта 1985 года (не забывайте, что он числился долгое время в списках погибших); медали «20 лет РКК», «За Отвагу», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Киева», «В память 1500-летия Киева», «20,30,40,50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.», «50, 60, 70 лет Вооружённых сил СССР», Медаль Жукова (Д № 0325380).

Ниже помещены награды матери, Василисы Фёдоровны, тестя, Носова Сергея Нефедовича, его отца Носова Нефеда Степановича, тещи, Носовой Александры Григорьевны. Вот вам свидетельство искреннего и глубочайшего уважения к заслугам дорогих сердцу родственников.

И последний ряд занимают армейские значки самого протоиерея Алексея, украшавшие некогда грудь дисциплинированного солдата, служившего в Чехословакии.

Протоиерей Казанского храма по крупицам собирает историю Людиновских деревень и делает всё от него зависящее, чтобы и дальше вести своих земляков к духовному возрождению.

Священнослужители утверждают, что «молитва сильнее всех земных средств, богатств, власти. Молитва – страж почивающих, благонадёжность бодрствующих, утешение скорбящих, веселие радующихся, спасение погибающих».

Так пусть же всех нас спасёт святая молитва нашего верного Пастыря, который вселяет в людей веру и надежду, врачует наши души и освещает ищущим путь светом истины и добра.

Достойная пара

Епишенкову Екатерину Афанасьевну знают в Людиновском районе не только как ветерана Великой Отечественной войны, но и как медицинского сельского работника, верно отслужившую фельдшером 49 лет, непрестанно заботившуюся о здоровье своих сельчан.

Она родилась в местечке Уяр, получившего в 1944 году статус города.

Уяр – один из районных центров Красноярского края, известного своей уникальной природой. Уяр – это и железнодорожная станция, через которую идут и идут поезда. Там имеются заводы: железобетонных изделий и конструкций, керамический, слюдяная фабрика и свой мясокомбинат. Городок всегда обеспечивал своих жителей рабочими местами. Родители Катюши, Федоровы Афанасий Гаврилович и Степанида Кирилловна, были крестьянами. Отец происходил из коренных жителей, а вот Степанида Кирилловна вместе с родителями была переселенкой из Тамбовской области. Было время, когда в Сибирь на вольные земли целые деревни переселяли. У Афанасия Гавриловича и Степаниды Кирилловны росло семеро детей, а Катюша родилась по счету пятой.

После окончания семилетней школы уехала в город Тулун Иркутской области. Он расположен на берегу реки с красивым названием Ия. Там уже обосновалась их Анна, взявшая шефство над младшей сестрой. В Тулуне было несколько учебных заведений, поэтому городок считался студенческим. Катюша выбрала профессию медика и поступила в Тулунское медицинское училище, которое успешно окончила в 1939 году. Радость всегда с горем в обнимку: вскоре умер их отец в возрасте пятидесяти лет. С этого года началась её трудовая деятельность.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, а 25 июня Катюша уже получила повестку о явке на призывной пункт. Прибыли в Канск. Там на сборном пункте укомплектовали штат медперсонала госпиталя № 15/16, туда же была зачислена и Катюша. Так юная фельдшер Федорова стала бойцом Красной Армии. Этот госпиталь

два года находился в Канске. Раненых доставляли эшелонами и размещали в больших трех- и двухэтажных школах. Госпиталь располагался в шести корпусах. Количество раненых исчислялось тысячами. Мимо станции следовали эшелоны с пополнением на фронт, а с поля сражения – с ранеными, побывавшими в самом пекле кровешной войны. Горечь первых поражений и отступление Красной Армии накладывало свой отпечаток на этих угрюмых и молчаливых солдат. Хирурги госпиталя по 20 часов не выходили из операционных. Доставалось и обслуживающему персоналу. Спали урывками по 2-3 часа. Уколы, перевязки, физиотерапия. Медсестры добрым словом старались подбодрить своих больных, внушить им уверенность в выздоровлении. Дни летели незаметно. В марте 1943 года госпиталь № 15/16 перевели сначала в Кимры, а потом во Ржев, где после тяжелых кровопролитных боев были тысячи бойцов, нуждающихся в медицинской помощи. Многие здания во Ржеве были разрушены, какие-то слегка пострадали. Так что сначала пришлось восстанавливать здание педучилища, застеклить окна и навести чистоту, а потом располагать в нем раненых. От станции их подвозили автобусы, закрепленные за госпиталем. Раненых тут же сортировали: кого оперировать в первую очередь, а кого во вторую и последнюю. Сердце сжималось от жалости, когда видели молодых красивых ребят, искалеченных войной. Выздоровевшие вновь возвращались на фронт на боевые позиции, а тех, кому ампутировали конечности, комиссовывали и отправляли домой.

В 1944 году госпиталь вновь сменил своё расположение, последовала переброска в Литву. Они расположились в маленьком городке Зарасе. Обстановка в городе была беспокойной. Частыми были налеты банд на различные учреждения. В госпитале тоже боялись озверевших бандитов, не смирившихся с новой властью после отхода немцев. Отец и сын сколотили две банды головорезов, в которых числилось более ста человек. Одной бандой руководил отец, а другой – сын.

Последовал приказ начальника госпиталя, запрещающий покидать госпиталь без особого на то разрешения. Дошел слух, что банда готовится к очередному налету. Милиция подготовилась к встрече гостей. Банду отца окружили и захватили, хотя и понесли значительные потери. Всех поместили в тюрьму, находившуюся в трех кварталах от госпиталя. Сын пошел на выручку отца, но его банду сумели обезвредить. Вот с этого времени стало в городке спокойнее, ходячим выздоравливающим разрешили передвигаться по улицам и окрестностям города.

Красная Армия очистила родную землю от фашистских завоевателей и уже освобождала страны Европы. Приближался желанный час Победы. И он настал. Кто радовался и ликовал, а кто плакал.

У Екатерины Афанасьевны на войне погибли братья, Прокопий (1914 г.р.) и Степан (1923 г.р.). Она испытывала в тот миг двойное чувство: радость, что наконец-то прекратилась эта жестокая бойня, что она вернется к мирной жизни, где не будет слышать стоны умирающих бойцов, где в чистом небе не будут со страшным гулом проноситься тяжелые вражеские бомбардировщики, сыпя бомбы на мирные города, где не будет оглушительной стрельбы зенитных орудий...и горечь утраты любимых дорогих братьев.

Епишенков
Петр Константинович
1921-1993

В Зарасе Екатерина Афанасьевна встретила свою первую любовь, озарившую её жизнь ярким светом надежды. Судьба свела её с красивым капитаном Епишенковым Петром Константиновичем, который долечивался в госпитале после тяжелого ранения. Бойкая кареглазая красавица покорила сердце храброго капитана, у которого на груди поблескивал орден. Уезжая домой, он пообещал приехать за ней.

- Я найду тебя, где бы ты не жила, моя ненаглядная, - говорил Петр Константинович, целуя свою любимую. И слово свое сдержал.

В 1946 году он приехал за Катюшей в Уяр, где она жила, вернувшись с фронта. Уважительный и обходительный Катин кавалер понравился родственникам и Степаниде Кирилловне, и она со спокойной душой отпустила свою дочь в неведомую Калужскую область. Вот с той поры Екатерина Афанасьевна живет в небольшом селе Космачево Людиновского района. До ухода на пенсию трудилась фельдшером в медпункте. Лечила своих односельчан от многих заболеваний, безошибочно ставя диагноз; и роды принимала, а потом наблюдала за ростом детишек. Выйдя на пенсию, ещё десять лет проработала ночной няней в школьном интернате.

Жители села очень тепло отзываются об этой скромной и трудолюбивой женщине. В 1993 году она похоронила своего мужа, с

которым прожила долгую и счастливую жизнь. Три года назад умер её сын Александр.

«Я из породы долгожителей, - говорит Екатерина Афанасьевна. Моя мама прожила 102 года, сестра Анна, у которой я жила в Тулуне, - 96 лет, мой старший брат прожил 95 лет. Жив еще мой брат Николай. Да и мне, слава Богу, уже 89. Вот здоровье подкачало: нога отказывается ходить, но за мной ухаживают добрые люди. И печь протопят, и воды принесут, и полы вымоют, и постирают, и еду сварят. Я благодарю Филипповых Юрия Сергеевича и Ольгу Анатольевну, что вот уже несколько лет шефствуют надо мной.

А ещё у меня заботливая сноха Таня, которая живет в городе Десногорске Смоленской области и часто меня навещает. Старшая внучка Люда уже окончила два ВУЗа. Она инженер-энергетик и экономист. Внучка Катя сейчас учится в Москве в институте на экономиста. Девяносто тысяч в год за учебу платит, но и она находит время, чтобы приехать ко мне. Есть одна правнучка – это Маша. В первый класс ходит.

Вот недавно они ремонт затеяли. Теперь светло и чисто, чего ещё мне желать?

Бог дает человеку жизнь, и уже он властен над собой, выбирая свою жизненную дорогу. И пока жив человек, путь ему освещает Солнце, а когда умирает, мы зажигаем на его могиле свечу, чтобы его душа не блуждала в потёмках. Моя жизнь озарена светом любви самых дорогих мне людей. Их любовь и сегодня согревает мою душу и дает мне силы. А жизнь прекрасна в любом возрасте. По молодости многое не замечаешь, а в старости каждый миг жизни ценишь. И я радуюсь каждому новому дню. Фронтовики не пасуют перед недугом, и стойко переносят все испытания, посланные Богом».

Я тоже верю, что свет любви и доброты помогает человеку в трудную минуту. Нет на свете блага, равного жизни. Екатерине Афанасьевне есть чем гордиться. За её спиной не только годы войны и её прошлая жизнь, но и тысячи спасенных людей, которых она выходила в лихие сороковые годы.

Её муж, Епишенков Петр Константинович, родился в 1921 году 23 июня в селе Космачево, Детство его прошло в родной деревне. Учился он в Игнатовской школе и после семи классов, поступил в Жиздринское педагогическое училище. По окончании училища был направлен в Космачевскую школу в качестве учителя русского языка и литературы. В действующую Армию был призван в 1940 году.

Не прошло и года, как началась Великая Отечественная война, и он оказался на юго-западном фронте. Бойцы уважали своего юного

командира, отличавшегося бесстрашием и отвагой. Однажды его батальон попал в окружение. Совершив смелый марш-бросок, бойцы избежали плена. В 1942 году в бою был ранен в ногу. Истекая кровью, из последних сил, боясь потерять сознание, полз Петр Константинович по снегу, пока его не подобрала солдаты; во время затишья раненого командира доставили в медсанбат, оттуда он был доставлен в госпиталь. Больше года ушло на лечение. Вот там-то он и встретил свою суженую...

Первые годы после окончания войны Епишенков П.К. работал директором школы. Трудные это были годы. У многих учеников отцы погибли на фронте, колхозное хозяйство было разорено войной, а женщины села везли на своих плечах воз страданий; они работали с раннего утра и до темноты, выполняя мужскую и женскую работу. Петр Константинович дарил тепло своего щедрого сердца детям, старался воспитать их любознательными, любящими Родину, трудолюбивыми и внимательными.

Годы учительства вновь были прерваны призывом в Армию, там в то время нуждались в опытных командирах. На действительной службе находился Петр Константинович до 1953 года. А по возвращении в Космачево он вновь работает в родной школе до ухода на пенсию в 1981 году.

До последних дней жизни он часто приходил в школу. То разбитое стекло заменит на целое, то с детьми побеседует. Он всегда был в курсе всех школьных дел, не оставался равнодушным к людским бедам. Односельчане и коллеги относились к ветерану Великой Отечественной войны с большим уважением.

С 1948 года по 1990 год Епишенков Петр Константинович состоял в рядах КПСС, постоянно выполнял общественные поручения. Он являлся почетным ветераном 163-й Ромненско-Киевской ордена Ленина Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии и ему вручен нагрудный знак как активному участнику боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны в составе дивизии.

6 января 1993 года Петр Константинович ушел из жизни. Проститься с ним пришли все жители села. Он принадлежал к племени самоотверженных, скромных, беспредельно преданных своей нелегкой профессии людей.

Учитель!.. Он и после смерти продолжает жить в памяти своих учеников. А дома (как напоминание о его мужестве и бесстрашии) хранятся награды Родины, которых Епишенков П.К. был удостоен: орден Славы, орден Отечественной войны I степени; медали: «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «30 лет Победы в Великой

Отечественной войне 1941-1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «70 лет Вооруженных Сил СССР».

Сельский праведник.

Справа Иванюхин Иван Иванович с другом Епишенковым П.К.

Вся трудовая жизнь Иванюхина Ивана Ивановича (1922-1991гг.) связана с маленькой деревенькой Печки, расположенной в живописном месте Людиновского района. Жителей в ней мало, в основном это люди преклонного возраста, прожившие трудную, но интересную жизнь.

В 1988 году в гостях у Ивана Ивановича побывала ученица 6 класса Титова Наташа. Привожу отрывок из её сочинения, написанного после встречи с ветераном Великой Отечественной войны, поведавшим ей о себе:

«Родился я в 1922 году в деревне Гряда Войловского сельсовета Людиновского района. Мои родители были колхозниками. Отец, Иван Васильевич, погиб на войне, а мать, Аксинья Кирилловна, умерла в 1980 году. В Войловской школе окончил шесть классов., а седьмой – в

Людиново. По призыву комсомола был направлен в город Жиздру учиться на учителя начальных классов. После десяти месяцев учёбы (это было в 1939 году) был направлен учителем начальных классов в Печковскую начальную школу, а учебу продолжал заочно. В августе 1941 года ушел на фронт. Был тяжело ранен, попал в госпиталь. Лечился в Калининe, а потом в Горьком. Затем сражался под Сталинградом, воевал на Донском фронте. После второго ранения лечился в Балашове, а потом участвовал в боях на Курской дуге, освобождал от немцев Украину. Наш танковый корпус освобождал Минск, Вильнюс, Каунас; воевать пришлось и в Румынии, и северной Германии. Получил два ордена и медаль. Дважды мне вручались благодарственные грамоты от имени главнокомандующего Сталина. Демобилизовался в декабре 1945 года. После возвращения домой снова стал работать учителем. Имею пять юбилейных медалей».

Эта Наташенька давно уже стала дипломированным специалистом, она живёт в Калуге и работает на ликероводочном заводе. Вероятно, забыла, что когда-то писала сочинение о своём земляке, а я бережно храню все детские творческие работы. Вот и пригодились несколько строк. Спасибо девочке, сумевшей записать сказанное Иваном Ивановичем.

Печковцы помнят Ивана Ивановича и как пропагандиста на селе. Своей яркой эмоциональной речью он всегда умел увлечь слушателей. Постоянно разъяснял жителям Печек политику партии и народа. Многие годы был членом исполкома, неоднократно избирался депутатом областных конференций и местного сельсовета. Ему было оказано доверие односельчан по участию в товарищеском суде при сельсовете, где он несколько лет возглавлял товарищеский суд.

До самого ухода на пенсию Иванюхин И.И. работал учителем, за его плечами 14 выпусков, а это три поколения, которые он достойно воспитал.

Иван Иванович был высокого роста и худощавого телосложения. Лохматые брови, поседевшие от времени, нависали над его внимательными прищуренными глазами. Человек он был открытый и сердечный, поэтому к нему всегда тянулись односельчане: кто-то шел за советом, кто-то спешил поделиться семейными радостями и печалью. Они обсуждали происходящие в мире и стране события. Долгие годы неутомимый Иван Иванович хлопотал о разделении Которецкого совхоза. И когда Печки и Которец отделились от Космачева, дела в маленьком хозяйстве пошли на лад, а это радовало Иванюхина, всей душой болевшего за благосостояние своих односельчан.

Он всем сердцем любил детей. Им он отдавал свои знания, учил жить честно, приучал с малолетства к труду, прививал любовь к своей земле и своему Отечеству. По словам А.И. Солженицына, ни одно село не обходится без праведника. Таким праведником для своих односельчан и был Иван Иванович, человек кристальной души, честный и справедливый, любящий и благородный. Жил - по совести, судил – по справедливости. Вместе со всеми делил тяготы трудной сельской жизни и никогда не роптал... Он твердо верил, что когда-нибудь для жителей российских сел наступят лучшие времена. Иван Иванович и умер-то с этой светлой мыслью. Последним его желанием было, чтобы в день похорон (верил, что душа его услышит) над его свежей могилой пропел ему прощальную песню пионерский горн.

Иванюхин И.И. умер в 1991 году и похоронен на Печковском сельском кладбище. Белоствольные берёзы в почетном карауле берегут его покой, а благодарные односельчане, приходя на кладбище, низко кланяются его праху.

« Задохнулись канонады. В мире – тишина.
На большой Земле однажды кончилась война.
Будем жить, встречать рассветы, верить и любить.
Только не забыть бы это! Лишь бы не забыть!
Как всходило солнце в гари и кружилась мгла,
А в реке – меж берегами – кровь-вода текла.
Были черными березы, долгими – года,
Были выплаканы слёзы вдовьи – навсегда...»

Р. Рождественский

В Печках на пригорке стоит памятник погибшим воинам. На братской могиле на постаменте фигура женщины со склонённой головой. У её ног венки, а на надгробных плитах выбиты фамилии погибших на этой земле в 1942-1943 годах солдат и офицеров Красной Армии. 405 бойцов отдали свою жизнь за этот клочок земли.

Недалеко от памятника, на месте некогда сгоревшей Георгиевской церкви, в 2006 году протоиереем храма Казанской иконы Божией Матери о. Алексеем Жигановым и его верными помощниками на собранные печковцами средства установлен Поклонный Крест. Это место скорби и покаяния. Всё тленно, а жизнь вечна. Всё проходит, но остаётся Память о тех, кто жил и трудился на этой земле. И дай Бог, чтобы эта память пробудила чьи-то сердца, вдохнула в жителей искру надежды на

возрождение деревни. Нельзя предать забвению землю наших предков: они нам этого не простят.

Их родина – Паломо

Паломо. Рукавичникова Клавдия Николаевна
С учениками Игнатовской школы.
октябрь 2005 года.

Первый раз в Паломо мы пришли зимой. Живописное местечко утонуло в сугробах. Здесь всего 5 домиков, а когда-то, до войны, было дворов 40. и был здесь колхоз им. Ленина, а руководил им Азаров Василий Сергеевич, дядя Клавдии Николаевны Рукавичниковой. Она сразу посадила краеведов за стол, налила в кружки горячего чаю и поставила в вазочке земляничное варенье. Пока дети отогревались за чаем, она стала рассказывать о своём житье-бытье:

«Василий Сергеевич был бессменным председателем колхоза до его слияния с другими мелкими колхозами в один совхоз. Колхоз маленький, а хозяйство было большое: 3 фермы, 300 коров, 200 голов молодняка да лошадей около 30-ти, птицеферма. На полях выращивали помидоры, капусту, свёклу, сеяли рожь, овёс, пшеницу, гречиху, лён.

Моя мать, Софья Романовна, трудилась тут дояркой и считалась одной из лучших. Для каждой коровы было припасено ласковое слово. Родившихся телят никому не доверяла – сама выхаживала. И они у неё хорошо набирали вес.

Здесь у нас замечательные лесные уголья, водятся кабаны, лисы, волки. Эти незваные гости зимой прямо к дому подходят.

А рядом с нами настоящий заповедник – Моллев хутор. Это историческое место. С ним связана жизнь наших предков. Хутор в XIX веке располагался между двух речек. На одной из них была построена запруда. В неё запустили мальков, и для хозяев и других обитателей хутора всегда была свежая рыба. Липы там ещё с той поры сохранились. Усадьба, парк и большой сад – всё как и у других помещиков. Сотни яблонь, груш, вишен хорошо плодоносили и приносили большой доход Моллям. Всё шло в переработку и продавалось. У хозяев было много коров, из молока получали творог, сыр, сметану, масло; была оборудована своя сыроварня. Обрат, остававшийся от переработки молока, шёл на корм поросётам.

Основал этот хутор Готлиб Вильгельм Молль, он родом был из Германии. Крестьяне его звали на русский манер – Богданом Васильевичем.

Когда у него в хозяйстве начался падёж скота, он устроил мыловарню, переработал туши и остался с прибылью. Для крестьян, кто на него работал, было построено 8 жилых домов. По слухам, в них жило человек 18-20. Он и школы построил в Паломо, Усовке, Волковой Слободе. Сам учителям зарплату платил, снабжал на зиму дровами. Большие деньги на строительство церкви давал. Хорошее надо помнить и самим стремиться делать только доброе людям». Сама Клавдия Николаевна уже лет 15 на пенсии и переехала в родовое гнездо из города, где прожила 40 лет. У неё небольшое хозяйство, доходы от которого идут на учёбу внуков. Зоотехник по образованию, Клавдия Николаевна со знанием дела ухаживает за своей коровкой и поросётами. Она любит животных и свою землю и уверена, что недолго осталось земле-кормилице пустовать. Надеется на своих внуков, что после учёбы вернуться в свой край и будут трудиться на этой земле. На прощание говорит нам:

- Приезжайте сюда жить, земля наша всех прокормит, только трудитесь!

Моллев Хутор. Начало XX века

Проводы гостей.

Дом Моллей

Фото из семейного архива Гончаренко П.С.

С **Солянкиной Любовью Васильевной**, 1926 г.р., очень доброй и отзывчивой женщиной, мы познакомились несколько лет назад. Я её всё про «старину» пыталась. Щупленькая, среднего роста, с приятным голосом, это пожилая крестьянка располагала к себе простотой и открытостью. Встречались мы с ней несколько раз, она вспоминала эпизоды из своей биографии и спешила дополнить рассказ. А однажды пришла ко мне со словами:

- Проверьте, пожалуйста, в своих записях, что я вам в прошлый раз надиктовала. Лежу ночью, вспоминаю, и подумалось мне, что я в одном месте напутала...

Вот это-то и ценно: всё должно быть правдиво и достоверно. Ведь это не только история жизни Любви Васильевны, её семьи, но и история села, с которым связаны её лучшие годы жизни, а возможно, и самые трудные - потому и памятные.

«Наш отец, Азаров Василий Сергеевич, был удивительно честным и правдивым человеком. Сельчане уважали его как председателя колхоза, он много лет был на этом посту. До войны в Паломо мельница была, на ней колхозники для себя зерно мололи. Была своя волнотёрка, мы её между собой ещё шерстобойкой называли. Женщины там шерсть с колхозных овец теребили. В хозяйстве и ульи с пчёлами были. Колхозное молоко возили в Космачево на молокозавод, а ещё я сама какое-то время отвозила его в Котовичи. Как-то в районе Гусевки на меня ребята напали,

я тогда от них еле отбилась. Пришпорила коня – тем и спаслась. Приехала к родственникам и у них едва в себя пришла после перенесённого страха.

Я и овец доила, и телят пасла – в работе с самого детства. Однажды мы с братом привезли на мельницу зерно, а мельник молотье отказался и говорит:

- Пусть ваш отец-коммунист мелет. Видимо, недолюбливал он коммунистов. А наш отец строго следил, чтоб мы, все его дети, при деле были. Праздности он не любил.

Однажды женщины после стрижки овец тайно унесли часть шерсти. Проверил отец – не хватает по весу – и пришёл в Людиново к начальнику милиции со словами:

- Посадите меня, в хозяйстве шерсти не хватает...

Не пожаловался на своих работниц. Мать всю ночь у окна просидела в ожидании, боялась, что не вернётся...

В колхозе сено заготавливали сообща. Отец сначала колхозное отмерит, потом колхозникам причитающееся отдаст, а себе – остаточки. Вот такой он был.

Мы тяжело войну пережили. В нашем доме обосновались немцы – связисты. Сколько налётов вражеских повидали. Я несколько раз в штаб, в Большие Заборья, что за Ухобичами, донесения носила. Бегу как-то через поле, а надо мной немецкая «рама» летит и бомбу сбросила. Я упала, а меня взрывной волной от земли поднимает, и я снова падаю.

Жил в Паломо наш однофамилец Александр Иванович Азаров, он связь с партизанами поддерживал (отец наш тогда уже на фронте был). Пришёл он как-то к нам вечером, а следом полицаи пришли и ему допрос учинили, но он им ничего не сказал. Тогда полицаи вывели его из хаты и повели за сарай – там и расстреляли. Я мамкину шубейку накинула – и за ними. Всё из-за угла дома видела. Мы с матерью ночью собрали его останки и тайно захоронили. А через 9 дней пришли партизаны и взяли одного деревенского, его Иваном звали, и увели в штаб. Он немцам за водку выдал нескольких человек деревенских. Домой он уже не вернулся – его расстреляли за предательство, а жена его, Александра Ивановна, после войны переехала в Тульскую область.

Фашисты продукты у населения подчистую выгребали. Поэтому прятали, кто куда. У всех дети, их кормить надо. Зашёл к нам как-то немец и говорит:

- Матка, яйцо, шпик, масло, - а сам во все углы заглядывает, за печуркой на полатах всё проверил. Мать ему отвечает:

- Смотри, сколько киндеров у меня, нету, пан, ничего...

А по другой стороне финн ходил из дома в дом. Кто не даст провизии, ещё и ударит того со всей мочи. А наша мать яйца в известковом растворе держала: так они дольше сохранялись и в глаза посторонним не бросались. Было у нас и сало, перед приходом оккупантов его успели в бочонки в землю закопать. Припрятали на чёрный день, а он растянулся на целых 4 года.

И после войны тяжело люди жили. Готовились к посевной. Пошли женщины из нашего колхоза в Заготзерно в Людиново. Там нам всем насыпали по полмешка зерна, и мы пешком пошли назад в Паломо. Несём-несём, передохнём 5 минут, снова взваливаем мешки на плечо и идём дальше.

Я замуж вышла и переехала в Носовку. Работала на маслозаводе старшей лаборанткой, в школе и на медпункте уборщицей, кочегарку топила – всё за трудодни, а потом пошла сторожить, т.к. за одно ночное дежурство 5р. платили. У меня эти деньги на хлеб шли. 8 детей росло, это уже позднее умерли 2-е, а совсем недавно 3-его сынка похоронила... Бывало, приду в магазин, а мне белый хлеб продавец продаёт. У меня слёзы из глаз так и покатятся, говорю:

- Дайте чёрного побольше, я белым детишек не накормлю.

Я и теперь, когда режу хлеб к обеду, вспоминаю лето 42-го года. Рожь созрела на колхозных полях, её убирать надо. Хлеб фронту нужен. Мобилизовали женщин на уборку. Делянки с рожью были везде, где колхозы: в Игнатовке, Носовке, Паломо. Жнём мы его серпами, вдруг слышался гул летящего вражеского самолёта – мы все сразу врассыпную. Бежим за кустами укрыться, а с неба уже снаряды сыплются. Азаровой Дарье Константиновне ногу тогда оторвало. Её дочь Варя в войну почтальоном была, сколько чёрных весточек по домам разносила. Из деревни в деревню – и всё пешком. Вот так нам хлеб доставался. Жнём, а сами прислушиваемся: не летит ли немец снова нас бомбить.

А уже после войны Редькина Полина увечье получила на крупоружке. Её устройство простое: в центре барабан, в нём жернова приводились в движение при помощи ремня. В барабан закладываются снопы, лошадь ведут по кругу, барабан вращается и зерно обмолачивается. Силёнки-то какие были? Все полуголодные. Головка закружилась – вот и беда приключилась.

Муж, Солянкин Иван Алексеевич, всю жизнь в колхозе да в совхозе трудился трактористом. Умер в 1994 году. А я с дочкой Валей и внуком Денисом живу. Вы про войну-то мою сестру поспрашивайте, она тоже что-то должна помнить», - советует нам на прощанье Любовь Васильевна

и даёт её адрес. Спустя некоторое время мы разыскали в Людиново Пастушенкову Татьяну Васильевну. Вот что она дополнила:

Татьяна Васильевна

Пастушенковы

Иван Ефимович
(1925-1969)

«Наша мать, Азарова Ефимия Никитична, прожила 89 лет и умерла в 1983 году. Хоронили её как раз на Ильин день. Её мать и наша бабушка Вера была у Моллей экономкой, она так и жила у них на хуторе. Когда Молли куда уезжали, и бабушку нашу с собой брали. Не из любви большой, конечно, а то, что нужным человеком была в их доме. Она и в Германии с ними пожила, в Киеве даже ей маленький домик приобрели, побывала и в других городах. В Киеве баба Вера замуж вышла за Пирожкова Никиту. А когда в Германию уехала, этот Пирожков её не дождался и сошёлся с другой женщиной. Их дочка Ефимия больше жила у своей тёти в Космачево. Там же и в церковно-приходскую школу бегала. Батюшка её любил: больно уж она понятливая была и учёба ей легко давалась – одни пятёрки за ответы ставила учительница. Перед империалистической войной она уехала в Киев к матери. Она уже на выданье была, когда баба Вера из Германии вернулась. В Киеве в это время на заработках был Миша из Кирова. Очень хороший человек. Наша мать его часто по-доброму вспоминала. За него она вышла замуж и с ним вернулась домой, да не в добрый час. Оба заболели тифом, лежали в Жиздринской больнице. Когда Мишу выписали, его никто не встретил. Поехал он с попутчиками да простыл в дороге, заболел воспалением

лёгких и умер вскоре. Позже наша мать вышла замуж за Василия Азарова.

Мы с Любой 1926 г. р., а сестра Даша была постарше нас на 4 года. Она сейчас в Киеве живёт. Очень серьёзная и боевая девушка в юности была и возглавляла в Паломо комсомольскую организацию. На работе за ней было не угнаться. В её руках всё быстро и ловко получалось. В войну собирала сведенья. Где нас с Любой отправит что поразведать, где сама, а потом эти сведенья уже в штаб доставляли: и Люба ходила, и сама Даша. Помню, как она идёт по лугу, все ноженьки осотом изрезаны - босиком ведь с весны до поздней осени бегали, а где в лапоточках. Сама худенькая, а возы огромные со снопами накладёт. Девчата по два снопа берут, а ей четыре разом захватить надо. После войны колхозную землю надо было к посеву готовить. На копку выходили всем селом. Коров жалели, на них скородили. Сами в плуг впрягались вместо лошади. Даша и тут в работе всем тон задавала. Соседка нам говорила:

- Не бережёт вас мать, работать заставляет, а моя Лида в Жиздру учиться поедет...

Азаров Василий Сергеевич
(1893-1957)

В 1957 году не стало нашего отца. В Носовке тогда экспедиция из Москвы работала. Отцу надо было в Паломо возвращаться. Нагрузили ему два воза с сеном, он первым отправился, а брат Иван ехал за ним следом. Вроде и туча была небольшая, а молния расплосовала всё небо и концом ушла через стог по лошадям в землю. Досталось и нашему отцу.

Сено загорелось, он упал и оказался придавленным лошадьёю. Иван вовремя подоспел, тут и мужики из деревни прибежали, отвезли его в город, в больницу. После этого он долго не протянул. Пройдя две войны, империалистическую и Великую Отечественную, он так нелепо умер.

Я в это время была уже замужем за Иваном Ефимовичем Пастушенковым и уже ожидала рождение второго сына. Мой муж был тоже участником ВОВ, 1925г.р. На фронт ушёл в 1943 году. Почти 3 года

воевал да и ещё 3 года действительную службу нёс. У него было три медали «За отвагу».

В разговор включился Александр Иванович, сын Татьяны Васильевны:

- У отца после войны долго раны не заживали. Пойдём с ним в баню, а они откроются и кровь выступает... Отец в войну был, к несчастью, ещё дважды контужен. Во время одного обстрела их батарею разбомбило, а бойцов землёй засыпало. Хорошо, что кто-то из санитаров откопал да в медсанбат доставил, а то б задохнулись. Он воевал на 2-ом Украинском фронте. Отец об этом так рассказывал: «Когда контузило, не помню. Очнулся в госпитале и первая мысль пронзила - где мой карабин? Щупаю рукой – нет карабина. Потом врач пришёл, увидел, что я не в себе, перевел отдельную палату. На прогулку пойду – пни медведями кажутся. Врач за ухо и в палату отправит. То девки в сарафанах привидятся... Сбежал я из госпиталя, вернулся в свою часть, и сознание вернулось. Потом напала куриная слепота, но и это прошло. После этого ранения уже продолжал сражаться не артиллеристом, а слухачом – связистом. Найду оборванный провод, подсоединю и дальше! Однажды в потёмках подошёл к одному солдату и прикурить попросил. Тот оборачивается: «Хенде хох!» - немцем оказался. Но я тут же выстрелил – этим и спасся. А ещё неделю в болоте сидели. Есть было нечего. Там лягушек ловили и жарили».

Когда воинская часть отца в Венгрии стояла, там хорошо питались. Мадьярочка Тэра замуж за него собралась, да её отец не отпустил, но на дорогу дал жареных уток и бутылку вина. Мой отец День Победы в Венгрии встретил.

После войны он токарем на Людиновском заводе в модельном цехе работал. Он умер в 1969 году в возрасте 44 лет».

Татьяна Васильевна о себе сказала, что из Паломо уехала в 1948 году. Работала на маслозаводе, в детском саду, а после смерти мужа ушла на ЛТЗ, оттуда и на пенсию ушла. У неё родилось двое сыновей. Сейчас она живёт с любящим и заботливым сыном Александром.

Азаров Василий Васильевич, 1930г.р., - брат Любови Васильевны и Татьяны Васильевны:

«Война началась – мы оставались в деревне. Мой брат Иван был хромой, ему поручили лошадей угнать, чтоб немцам не достались».

Уже несколько месяцев прошло, а от Ивана ни слуху ни духу. Уже зима на дворе стояла.

Было затемно, когда двое солдат с Иваном в хату вошли. Мать запричитала:

- Сынок, это ты?

А он ей отвечает:

- Мама, не подходи! Завшивлен я.

Глянули, а на нём насекомые кучами гнездятся. Сняла мать с него одежду да на мороз вынесла, потом уже её отстирала да кипятком залила, чтоб больше не плодилось ничего. Состригли Ване волосы, отмыли и на печку отправили.

В Запрудном, Гусевке немцы стояли да во все стороны постреливали. Наши солдаты сделали попытку освободить деревню. Двинулись в сторону Гусевки ранним утром, но немцы всех их побили насмерть. Трупы убитых, как чёрные пни на снегу. За нашим домом взрослые вырыли братскую могилу и собранные трупы в ней закопали.

Много наших солдат полегло. На смену первым Тамбовскую дивизию прислали, но и в ней были большие потери. Тяжёлой ценой досталось освобождение Людиновского района.

Однажды с мальчишками ходили рыбу ловить в Запрудное. Там был большой пруд в центре деревни. А из Гусевки это место хорошо просматривалось с наблюдательного пункта. Мы только удочки свои закинули, а немец дал очередь поверх наших голов – мы врассыпную. Какая уж тут рыбалка...

Когда немцев от Москвы погнали, нас в Ухобичи отправили, а из Ухобич – в Тульскую область. Помню, что зима 1942 года была очень снежной, и мы на санках катались с горки за огородами. На квартире жили у одной бабушки. У нас с собой корова была, вместе с нами шагала. Она и кормила всех на чужой стороне. Мы все там работали, я с братом скот пас, за это с нами зерном рассчитались. Мы вернулись домой и первое время жили в лесу в блиндаже. Земляной пол травой застелем и спим. В лесу имелось много заготовленного сена. Наша-то корова с нами назад вернулась, так что её было чем кормить. А за стогами сена солдат доглядывал, он был из хозобслуги. Это сено потом военные увезли. Тут и эвакуированный колхозный скот стали домой пригонять, но уже в меньшем количестве, чем угоняли. И т.к. скоту требовалось сено, возили его из леса и благодарили районное начальство, что оно всё предусмотрело».

Василий Васильевич после войны пас скот, освоил трактор и до пенсии работал на нём. Был бригадиром тракторной бригады, занимал

должность инженера в мелиорации в ПМК, потом на пищекомбинате отвечал за техническое обслуживание. Когда пищекомбинат объединили с хлебозаводом, ушёл в «Сельхозтехнику», там был снабженцем, инженером по торговле. Последние годы перед пенсией работал на Людиновском заводе на тракторе «Т-150».

Василий Васильевич Азаров – ветеран труда, у него есть удостоверение «Победитель социалистического соревнования 1975 года», медали «50 и 60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» (Д№4027912, от 22 марта 1995г.) и (А№2979176, от 28 февраля 2004г.) и «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг.» (АБ№855443).

«Лучше нет нашей деревни. Притягивают родные места, словно магнитом. По грибы, по ягоды или просто по лесу пройтись – я туда иду. Не зря в народе говорят, что своя земля и в горсти мила», - говорит мне Василий Васильевич, провожая до двери. Земля предков – это та святая частица, которая живёт в сердце каждого человека, это самое дорогое, что есть у нас и будет жить в памяти до конца нашей жизни.

В санитарном эшелоне

С Бодровой Антониной Семеновной (девичья фамилия Веселова) мы познакомились совсем недавно. Она с 1924 года. Детство прошло в городе Буе Костромской области. Её отец, Веселов Семен Алексеевич, был машинистом, на своем паровозе через всю страну проехал. У них с женой, Ульяной Васильевной, было восемь детей: три сына и пять дочек.

Отец деньги зарабатывал, а мать детей воспитывала. Из Буя отца перевели на станцию Николо-Палома, что в 120 километрах от прежнего места жительства. Там и война застала. Уютно присев у окна, слушаю Антонину Семёновну:

«Двух братьев сразу в Армию мобилизовали. Николая направили в Горьковское военное танковое училище. Окончив его, он воевал со своим экипажем, участвовал во многих сражениях. А когда получил ранение и контузию, в танке уже воевать ему не разрешили, поэтому стал он

эшелоны с танками и другим боевым снаряжением сопровождать на фронт. После войны жил в Тольятти.

Брат Борис служил в погранвойсках, охранял рубежи нашей Родины на юго-востоке.

До 1944 года отец водил поезда в пределах своей страны, а потом он в числе других железнодорожников был направлен в Румынию. Там несколько эшелонов местные железнодорожники пустили под откос, поэтому на определенных участках румын заменили русскими железнодорожниками. Поставили русских диспетчерами, дежурными по станциям, даже стрелочников сменили. Это предотвратило дальнейшие диверсии.

А я пошла официанткой в привокзальный буфет. Была боевая и веселая, быстро обучилась нехитрому делу. Потом по повестке из военкомата была отозвана на рытьё окопов. Мы под Ярославлем окапывались. Привезли нас в село Курба – на родину Валентины Терешковой. Инструмента не хватало, морозы страшные, рукавицы рвутся, руки мёрзнут. Жили мы в доме председателя колхоза, спали на рогоже, растеленной на полу, не раздеваясь, так как пол был холодный. Когда работу выполнили, пошли на станцию. Одна бабуля пригласила к себе в дом, накормила нас сытно и на дорогу дала яиц и хлеба.

Вернулись домой – новая повестка ждёт. На сей раз повезли нас дорогу мостить на участке Галич – Кострома. Снег с дождём, мы мокрые на холодном пронизывающем ветру, под ногами глина хлюпает, а ноги разъезжаются в стороны. Я там заболела – меня домой отправили, подлечившись, пошла с подружкой Нюрой Куракиной пилить дрова для топки паровозов. Норма – два кубометра, за эту работу мы ежедневно получали паёк – 600 граммов хлеба.

Как-то возвращаемся домой, а на станции стоит санитарный эшелон. В тамбуре я увидела красивую девушку в военной форме. Мне так захотелось попасть на этот поезд, что я попросилась. Говорю:

- Возьмите меня в работницы, я всё умею делать.

- Бери подушку, бельё да приходи, - услышала я в ответ.

Так и оказалась в санитарном эшелоне № 167. Целый год на кухне котлы мыла. Они большие, тяжелые, пузо вечно засаленное, ко всему жара и духота. Повара уже спать лягут, а я ещё посуду мою. Потом я попросила начальника поезда, майора Васильеву, перевести меня в вагон к раненым. Она уважила мою просьбу и направила меня в кригеровский вагон, где были тяжелые больные. В этом вагоне в три яруса установлены подвесные носилки. Поручни прикручивались, на носилках были откидные полочки для посуды с едой. В общем вагоне обыкновенные

полки, там примерно по 70 раненых, а в нашем вагоне человек тридцать. Но зато они были неходячие, все после тяжелых ранений. Моя задача была следить за чистотой, подавать и относить судно. Сначала стеснялась, потом привыкла. Наш эшелон по разным железнодорожным веткам курсировал. Заберем раненых и везем в глубокий тыл.

Забирали раненых в Волхове, туда свозили из Ленинграда и с Новгородского фронта, везли через Череповец на Вологду, оттуда на Москву, а Москва указывала дальнейшее конечное место следования. И за Урал возили, и до Читы доезжали.

Однажды наш эшелон следовал по Псковской области. Не доехав 20 километров до города Острова, куда следовали за ранеными, состав остановился. Станция разбита, от вокзала ничего не осталось. Дежурная по станции вышла из землянки. Рядом возвышался холмик.

- Тут 23 связиста в братской могиле похоронены, - сказала нам эта женщина.- Фашисты летают и бомбят каждый день.

Состав отогнали на разъезд «Черный Дор». Мы все были в своих вагонах. И вот в девять часов вечера послышался гул пролетающих бомбардировщиков. На белоснежной глади санитарный эшелон послужил мишенью для фашистских ассов, и бомбы посыпались на наш состав. Вагоны загорелись с хвоста. Они ярким факелом запылали в темноте и сгорели мгновенно. Погибли все, кто в них находился. Мы, восемь девчат, покинули первые вагоны и пошли по снегу через поле. Лес был спилен. Услышали вскоре лай собаки, а потом и маленькую избушку увидели. В ней жила бабушка. Она впустила в домик, напоила чаем, а ночевать отправила к председателю колхоза. Он всех нас спать уложил на пол. Но от пережитого ужаса мы так и не сомкнули за ночь глаза. А утром за нами пришел наш замполит, он нашел нас по следу. Пришли к эшелону, а там мужчины-санитары из воронок останки девчат собирали. Захоронили там же и столбик со звездочкой установили на могиле. Замполит наш очень плакал и всё приговаривал:

- Девочки, простите, не сберёг я вас.

Это хорошо, что вагоны пустые были.

Надо отдать должное железнодорожникам, которые следили за состоянием железной дороги и оперативно чинили её, заменяя исковерканные рельсы и заменяя разбитые шпалы. Это очень тяжелая и изнурительная работа, отнимающая много человеческих сил и энергии. Но никто из рабочих никогда не пожаловался и не роптал на трудности.

После выгрузки раненых сдавали на определенных станциях постельное бельё, матрацы, подушки и одеяла на дезинфекцию. Поезд к станции подходит, а машины уже ожидают. Пока всё это

дезинфицируется , мы уборку проводим в вагонах, окна моем. Как бельё привезут, мы отправляемся за новыми ранеными. Откуда мы их только не возили – всю Европу проехали. Возили из Польши, Венгрии, Германии.

Однажды в Румынии я с отцом встретила. Поезд наш остановился на полустанке, а дежурный меня узнал и кричит:

- Тоня, тут твой отец недалеко.

Он позвонил ему , и через два часа произошла наша встреча. Пока наш эшелон стоял, мы с ним поговорили обо всём.

После Румынии отца в Японию перебросили, вернулся он домой ещё позже меня.

А мы раненых до января 1946 года перевозили. И братья мои живы остались, к нашей общей радости. Победу я встретила в Польше. Ночь расцветивалась яркими огнями – такой фейерверк наши солдаты и поляки устроили. Это была незабываемая ночь. До утра танцевали. А утром мы трёх сестричек не досчитались: их кавалеры украли. Вот такая романтика!

Вернулись мы из последнего рейса и распрощались в Москве. После войны я снова на своей станции буфетчицей устроилась. А тут из Владивостока приехал вербовщик. В порту нужны были рабочие руки.

Война-то везде урон нанесла, надо было восстанавливать разрушенное хозяйство. Я рассчиталась, сняла с Доски почета свою фотокарточку, выбрала время, когда моя мать по грибы в лес уйдёт, да сбежала, оставив записку. Боялась, что мать не отпустит. Взяла в руки чемоданчик деревянный, желтой краской покрашенный, и – вперед! Так оказалась во Владивостоке. Работала в порту, меня на склад определили. Обучили, как груз взвешивать. Я там бригадиром над грузчиками была и за груз на складе отвечала.

Жили мы в общежитии, душевой не было. Ни помыться , ни постирать. Один бак с водой на всех с одной кружкой на цепочке. Пройдут пятьдесят человек и из этой кружки все попьют. Мы, конечно, уют навели. Бумажными занавесочками окна украсили. Песни шутки вечерами не смолкали, танцы устраивали. Я познакомилась с Петром Бодровым. Он из Смоленска приехал, был моложе меня на два года. Очень хороший человек. Мы поженились, нажили двух детей, а потом вернулись в Николо-Палому. Муж мастером на железной дороге работал, а я сначала буфетчицей, а потом стрелочницей трудилась.

Муж мой умер в 1960 году в возрасте 34-х лет. Сказалось военное лихолетье. Я больше замуж не вышла: лучшего не искала, а за плохого не хочу. Такая вот моя судьба. В Людиново я переехала в 1990 году, здесь мой сын живет, а дочка моя погибла по нелепой случайности: забыла ключи в квартире и решила домой через соседний балкон перебраться, но

сорвалась и разбилась, упав с четвертого этажа. У неё остались дети. И моя забота – всех их на ноги поставить да в люди вывести».

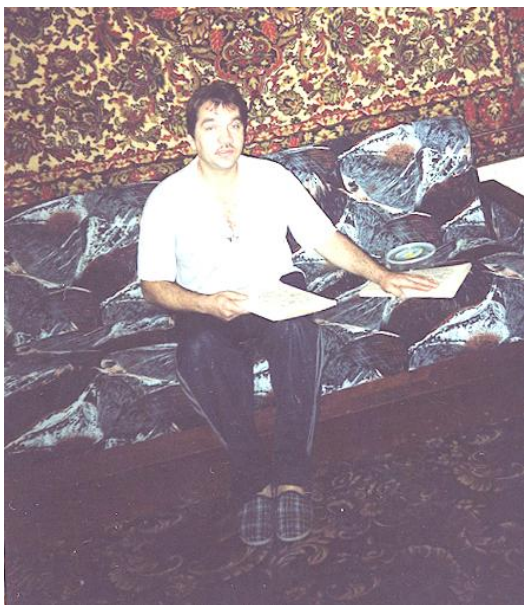
За храбрость, мужество и стойкость, проявленные в годы Великой Отечественной войны, Бодрова Антонина Семеновна награждена орденом Отечественной войны II степени (№ 6650594 от 11 марта 1985 года), медалями «30,40,50,60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», медалями Жукова (Д № 0325504 от 6 марта 1995 года, «60 лет Вооруженных Сил СССР» (вручена 15 мая 1979 года). Есть у этой отважной женщины Знак фронтовика (удостоверение подписано генералом Армии Говоровым 9 мая 2000 года); она ударник IX пятилетки Дома отдыха работников Агудзера, что в Абхазии, где несколько лет жила и работала; в 1979 году за долголетний добросовестный труд награждена медалью «Ветеран труда».

Антонина Семеновна уже многих родных похоронила, в том числе и любимого внука, погибшего в Чечне во время несения службы. Нет конца горю человеческому, и где взять пожилому человеку силы, чтобы всё это перенести и не сломаться?

Отважная фронтовичка знает, что следует не просто вести своё пребывание на нашей земле, а ещё, забыв про возраст, оставаться полезной сыну и внукам.

Время залечит раны,
Но оставит на сердце рубцы.
Стойкости Вам, ветераны,
Герои минувшей войны!

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ВНУКИ.

Варенов Альберт Николаевич уже несколько лет занимается краеведением. Это молодой человек, увлечённый, приятный и интересный. Он родился в 1964 году в Людиново, учился в средних школах № 6, № 4. В 1982-1985 годах нёс службу в пограничных войсках на Иранской границе. В данное время трудится слесарем-сборщиком на Людиновском агрегатном заводе.

Прошлое восстанавливал по воспоминаниям своей бабушки, Емельяновой Ксении Семёновны, (девичья фамилия Горячкина), по рассказам пожилых соседей, знакомых.

Вот какими сведениями поделился со мной Альберт Николаевич во время нашей встречи в октябре 2006 года:

* * *

« По дороге к новому рынку мы проходим двухэтажный дом. А история его такова. Кучер вёз Мальцова, которому приспичило по нужде. Мальцов отошёл, а кучер, увидев оставленный мешочек с деньгами, присвоил их. Хватился Мальцов – денег нет. Спрашивает кучера: «Ты взял?» Тот не сознаётся. Через некоторое время кучер на украденные деньги этот дом построил. Вызвал его Мальцов и говорит: «Знаю, что это ты утаил деньги, но хорошо, что не пропил, а в дело пустил». И дал ему вольную».

* * *

« Перед Романовкой (если идти из Сукремля) были две деревеньки: Малые Дворики и Большие Дворики. Там было по 3-4 дома. Теперь о них ничто не напоминает».

* * *

« Если пойти по улице Черняховского в сторону очистных сооружений, справа увидим большую берёзу около крайних домов. Рядом с ней был колодец, а с ним связана такая история.

По лесной дороге карательные отряды ездили в Куяву и Думлово. Партизаны стали устанавливать мины. После того как несколько машин подорвалось на тех снарядах, фашисты придумали такой «трюк». Они сгоняли женщин, детей и подростков, ставили их впереди, во след им пускали запряжённую в подводу лошадь и гнали всех живой стеной в сторону Куявы. Такое они проделывали не единожды. Трупы подорвавшихся на минах-ловушках оставшиеся живые закидывали на повозку и продолжали путь дальше. По возвращении тела сбрасывали в тот колодец. Однажды несколько женщин отказались идти на такое разминирование и их сразу же расстреляли, а трупы сбросили в колодец.

Позже колодец оккупанты сровняли с землёй, проутюжив танком это место».

* * *

« Под Сосной, под мостом, (конец улицы Куйбышева) выстроили людей, а полицаи Двоенко на мосту с пулемётом. Если б немцы начали по ним стрелять, то и Двоенко бы подключился к расстрелу, а они почему-то отказались расстреливать безоружных. Что-то фашистов в тот момент остановило и кровопролития не произошло».

* * *

« Был один советский пулемётчик, многих фрицев положил. Его, конечно, расстреляли и долго хоронить не давали.

Недавно нашли останки погибшего воина. По португальскому определили, что это офицер. Из ямы брали песок и на него наткнулись. Мужики перенесли останки на кладбище и перезахоронили».

* * *

«Посёлок Петровский, Верещовка тоже много испытали в войну. Там красивые места. До войны были озеро, плотина, чудесные родники. После взрывов не стало не только плотины, но и родников: ушла вода. В 2002 году был пожар – и некогда красивая поляна стала иметь неприглядный вид».

* * *

« Женщина с убитого фрица сапоги снимала. Увидели это немцы и её застрелили».

* * *

« В Волыни жил дядя Ваня «Пи-пи». Он был весёлым человеком. Обул чужую корову в валенки и увёл со двора».

* * *

« Моя мать с соседками собирали по краю леса ягоды и меняли у немцев на хлеб, те за бидон ягод давали буханку. Некоторые побирались. Трудное это было время. В каждом доме дети, а их кормить надо».

* * *

« В Куяве, на горке, где кладбище, до сих пор сохранилась сосна со скобами, где у немцев наблюдательный пункт был. Там же были и могилы погибших фрицев. Немцы боялись надругательства над могилами своих солдат и сровняли могилы с землёй. Когда немцы отступили, наши увидели пулемёт, за которым лежал погибший вражеский солдат».

* * *

« В Куяву из окружения вышел военный с семьёй. Нашёлся худой человек и доложил о них полициям. Те увели их в сторону рва и расстреляли. Ров этот в Куяве есть и теперь. Кто знает, сколько там безымянных могил?».

* * *

« Где в Сукремле очистные, там была синяя горка, оттуда синий песок брали для СЧЗ. Немцы то место заминировали. Много ловушек было наставлено для наших людей. После войны останки людей находили тут и там по всему лесу. Их относили на кладбище и хоронили в братской могиле».

* * *

« У старой плотины немцы убили связную, доказав её связь с партизанами. Труп долго не давали хоронить, оставив для устрашения местного населения. Закопали, когда всю разлагаться стал».

* * *

«Там, где построен агрегатный завод, было Банщиково болото и Маревская лощина.

Доном называли место, где находятся очистные. А почему Дон?

В 1813 году донские казаки возвращались домой из похода во Францию. На том месте они стояли на отдыхе. Не знаю, кто был этому свидетель, но легенда эта бытует в народе».

* * *

« Во времена правления Екатерины II в нашем краю было много разбойников. «Славилась» ими и Куява. На Гремучке и в некоторых

других местах были их схроны. А чтобы навести порядок, местные власти обратились за помощью к Правительству. Для поимки этих людей были посланы войска. Ведь воинские подразделения находились вблизи. Одно из них квартировало в Печках».

* * *

« В 1947 году вдоль Болвы горел лес. Сильный это был пожар. В некоторых местах до корня выел деревья. После этого пожара было найдено много оружия. Часть его даже на завод сдали и на металл переплавили.

В лесу много воронок сохранилось и каждая хранит след той войны. Я в таких воронках находил предметы, принадлежавшие бывшим солдатам: пуговицу от чьего-то мундира, польский значок, ложку, видимо, солдат её за голенищем носил...».

* * *

« Огороды на улице Пролетарской к Болве тянулись. На СЧЗ депо было. Оттуда эти огороды хорошо просматривались. Шёл немец и в окно нашего дома бросил несколько гранат, но они почему-то не взорвались. А один из фрицев полоснул огнём из пулемёта с церкви – дом и загорелся. Так была сожжена усадьба моих предков. Сгорело несколько и других домов. Бабушку с детьми приютили Ларины, у которых дом сохранился.

До войны на Пролетарской было много домов, а теперь заселено лишь пол-улицы. Её немцы сожгли после прохода по ней отряда Медведева. Жители потом долго жили в подвалах».

* * *

В каждой семье свои воспоминания. И это хорошо, что они передаются от одного поколения другому. И я уверена, что Алексей, сын Альберта Николаевича, не останется равнодушным к прошлому родного края и будет доподлинно знать историю своей семьи. А поможет ему в этом его отец, собирающий уже много лет все газетные публикации о прошлом нашего города.

Трофимкина Людмила Ивановна , 1974 г.р.:

«Мой дедушка, Трофимкин Василий Ильич (1924-1996 гг.) до войны работал в колхозе «Заря новой жизни». Был активным комсомольцем и его избрали секретарём комсомольской организации.

На фронт ушёл 2 июля 1942 года. В городе Ижевске окончил школу младших командиров в сержантском отделении. На фронте служил в 148 особой стрелковой дивизии.

Был пулемётчиком, и в его ратном деле главным помощником был «максим».

В марте 1943 года получил тяжёлое ранение и лечился в госпитале № 1390 в городе Москве. Потом воевал в 1970-м арт. полку, находящемся в резерве главного командования. За освобождение городов Гжатск и Вязьма награжден медалью «За боевые заслуги». Победу встретил в Германии, на реке Одер.

После войны работал в том же хозяйстве электриком. За добросовестный труд получал грамоты и благодарности. Сам был честным и трудолюбивым и нас, внуков, учил быть такими».

Кузнецов Виктор Николаевич , 1977 г.р.:

«Мой дед по отцу - Кузнецов Иван Иванович (1922-2006 гг.). Ему ещё не было 18 лет, но он, прибавив себе год, был призван на фронт 13 июля 1942 года Кировским военкоматом. Боевое крещение получил в Белеве и Козельске, с боями прошел через всю западную часть нашей страны. Был направлен в школу командиров. Поездом прибыл в Москву и попал под обстрел. Состав был разбит. Мой дед и ещё несколько человек чудом остались живы. Другим поездом проследовал на Ярославль-Свердловск-Молотов (ныне Пермь). Учили так, что от переутомления кровь из носа текла. В конце 1941 года он был уже на переднем крае и попал в разведроту 21-ой Пермской краснознамённой гвардейской дивизии (3-й Украинский фронт, командующий армией генерал Талбухин). У разведчика вся надежда на ноги, за ночь до 100 км

Кузнецов И.И
(стоит справа
второй)

9 мая 1945 года.

приходилось преодолевать. Туда налегке идёт, а назад на себе ещё и «языка» тянет. Опыт пришёл со временем. Наблюдательность для разведчика – первое дело. Там, где вчера ровное место было, сегодня вдруг кочка появилась – значит, фашистский снайпер затаился. Однажды надо было преодолеть нейтральную полосу, чтобы зайти с тыла и разведать все огневые точки противника. Тут с вражеской стороны скользнул по разведчикам луч яркого света и сразу застрочил пулемёт – всех наповал уложил. Вторую группу отправили, в неё дед попал. Снова под обстрел попали. Деду колено раздробило, кость торчит и кровь хлещет. Боль ужасная, но терпел. Один из осколков дед до смерти носил в своём теле. Трижды за войну он был ранен. Третье ранение было очень тяжёлым, полгода в госпитале лечился. На ноги встал, а в разведку уже не попал. Направили его в транспортную роту. Возил на передний край то документы, то снаряды. Уже в Венгрии управлял повозкой, которую тянули две лошади. Начался обстрел, и снарядами этих лошадей убило, ещё раз ударили по ящикам – они, на счастье, не взорвались, только с повозки слетели, а деда от повозки далеко волной отбросило. Ноги после этого почернели и ходить не мог. Так на ящиках сверху и ездил. Уже позднее они отошли.

Получил задание и попал в Норвегию. Там, выполнив боевую задачу, заболел и снова оказался в госпитале. После лечения попал в запасный полк.

И вот когда этот полк стоял в Австрии, пришла весть о Победе. На память они сфотографировались в венском лесу. Домой дед вернулся в 1946 году.»

Кулешов Руслан Валерьевич , 1977 г.р.:

«В Ухобичах у Кулешовых Трофима Самсоновича и Агафьи Сидоровны (мои прадеды)

(1917-1985)

7 ноября 1917 года родился Ефрем Трофимович. До войны он окончил неполную среднюю школу, затем ремесленное училище. В своей деревне он работал в кузнице. Потом его перевели на мельницу, где зерно молот. Освоил трактор. А тут война. Кулешова Ефрема Трофимовича призвали в Красную Армию и направили в военное училище, где он освоил профессию танкиста. Их батальон попал в окружение, с боем они сумели вырваться из огненного кольца.

Деда назначили командиром орудия. Со своим экипажем, кося ненавистных фашистов, он прокладывает дорогу пехоте. Много фашистских танков подбили. Сам восемь раз горел в танке. До конца жизни следы от ожогов сохранились на его теле.

В 1943 году, во время кровопролитных боёв на Курской Дуге, дед подал заявление о принятии его в ряды КПСС. Под свист фашистских пуль проходило партийное собрание. И в следующий бой Ефрем Трофимович шёл уже коммунистом.

Победу дед встретил в Берлине, в 200-х метрах от Рейхстага, на стенах которого он поставил свою роспись.

За боевые подвиги, за проявленный героизм в борьбе с фашизмом Кулешов Ефрем Трофимович был награждён медалями «За оборону Киева», «За Отвагу», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне в 1941-1945 гг», «За взятие Берлина».

Старшина Кулешов с фронта вернулся в 1946 году. Он работал трактористом в колхозе «Новый путь», а затем лесником. У него родилось семеро детей. 9 Мая был самым радостным его праздником. Он надевал свой парадный костюм с поблескивающими медалями и шёл к памятнику, где собирались на митинг все участники войны.

Давно нет уже нашего деда, не стало и многих его друзей, ветеранов Великой Отечественной войны, но мы всей семьёй по заведённой традиции 9 Мая идём к памятнику погибших солдат, чтобы почтить их

память. И нам надо во что бы то ни стало сохранить мир на земле, завоёванный нашими дедом в далёком 1945 году».

Рыжиков Игорь, 1978 г.р.:

« У моего дедушки, Рыжикова Степана Ивановича (1911-1985 гг.), было восемь детей. До войны он работал в полеводстве в колхозе «Заря новой жизни». Ему исполнилось 30 лет, когда его на фронт призвали, и 24 июля 1941 года начался его боевой путь. Сначала был определён в хозобслужбу на склад НКО № 200.

В 1942 году он становится стрелком 507-го стрелкового полка, а с 1943 по 1945 годы является командиром 229-го отдельного строительного батальона. На войне получил два ранения, которые до конца жизни не давали деду покоя, особенно раны ныли в ненастную погоду...

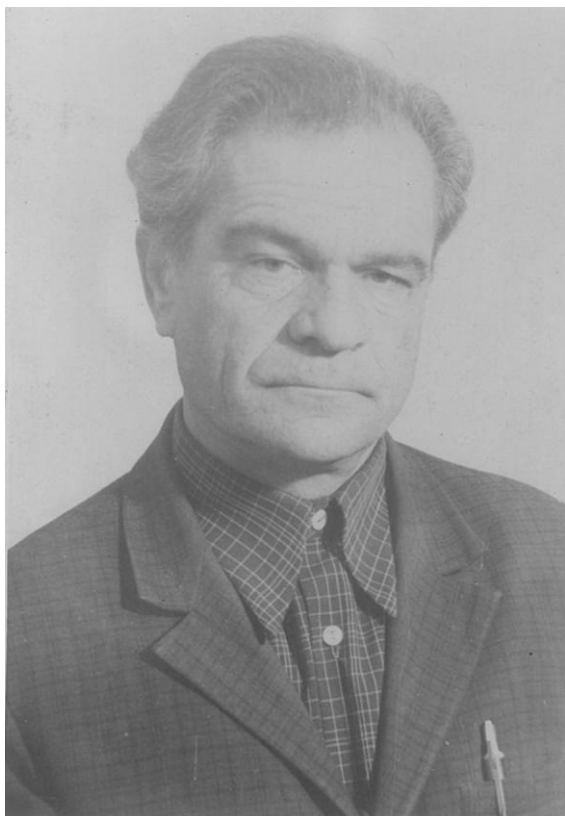
Вернулся дед с войны 16 октября 1945 года. Он не любил рассказывать о пережитом на войне, всегда говорил: « Война – это кровавая бойня, горе, плач, разорение. Сколько деревень фашисты спалили, сколько городов наших разбомбили, больше двадцати пяти миллионов наших соотечественников изрешетили пулями, - а ты говоришь « расскажи про войну». Читай книги, там всё прописали», - замыкался в себе и уходил от разговора. Теперь-то я понимаю, что ему было больно всё это вспоминать. Дед никогда не хвалился своими медалями, но я уверен, что он, глядя смерти в лицо, бесстрашно сражался с врагом и заслужил свои награды – это медали «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», орден «Красной Звезды». Позже он получил юбилейные медали «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и «50 лет Вооружённых Сил СССР».

Дед мой умер в 1985 году. Как-то я перебирал его документы и узнал, что у Рыжикова Степана Ивановича много благодарностей от высшего командного состава: за взятие городов Горький, Калинин, Юрьев, за минирование обороны, за взятие опорных пунктов на Западной

Украине, за освобождение городов Волыньск, Судомир, за форсирование Вислы, за взятие хозяйственного центра Польши, за взятие крупных узлов коммуникаций и мощных опорных пунктов обороны.

У меня есть сестры и три брата. Все мы отслужили в Армии, у нас свои семьи. Мы стараемся жить так, чтобы ничем не запятнать память нашего деда.»

Епишенков Геннадий Анатольевич, 1977 г.р.:

«В трудовой книжке моего дедушки, Курносова Михаила Ивановича (1921-1997 гг.), в графе «сведения о работе» первая запись произведена 6 декабря 1945 года, а вторая - 1 сентября 1977 года. Жизнь длиною в 32 года пролегла между назначением Михаила Ивановича учителем в Космачевскую семилетнюю школу и увольнением с работы в связи с уходом на пенсию по выслуге лет. Все эти годы Курносов М.И. преподавал математику. Всегда выдержанный, спокойный и целеустремленный; он был примером для многих сельских детей.

Михаил Иванович родился 22 ноября 1921 года в многодетной крестьянской семье. Окончил Космачевскую семилетнюю школу и поступил в Карачижско-Крыловский лесной техникум, который окончил в июне 1941 года, а в августе был призван в действующую армию и направлен на учебу в Свердловское пехотное училище на минометное отделение. Там он проучился пять месяцев и был отправлен на фронт под Ржев, где и получил боевое крещение.

Сколько раз на классных часах он рассказывал ученикам о сражениях под Оршей, Витебском, Минском. Затаив дыхание, дети слушали Курносова М.И. о кровавых дорогах, которые привели русского солдата в Германию в должности командира роты минометного расчета 88 стрелковой дивизии. Разведчик 948 артиллерийского полка был пять раз ранен и в медсанбатах залечивал свои раны. Да и долгие годы после

войны эти раны тревожили старого солдата, ныли и не давали заснуть по ночам, бередили душу, будили воспоминания.

За мужество и отвагу, проявленные в боях во время Великой Отечественной войны, Курносков Михаил Иванович был награжден орденом «Красной Звезды», двумя медалями «За Отвагу», медалью «За Победу над Германией», юбилейными медалями «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», «50 лет Вооруженных сил СССР», знаком «25 лет Победы».

Вернувшись с победой в родное село Космачево, стал преподавать в школе и учился заочно на физмате.

32 года педагогической деятельности – немалый срок. Учитель вырастил и воспитал не одно поколение. Из стен школы выходили будущие механизаторы, доярки, медицинские работники, учителя, агрономы, ветврачи, и все они уносили в своем сердце память о хорошем педагоге, добром и мудром наставнике.

До последних дней жизни Михаил Иванович был частым гостем в школе, выступал на торжественных линейках, собраниях. Мы знаем:

Посаженный росток тогда взойдет,
Когда усерден добрый садовод.

Мой дедушка умер в 1997 году. Мы с братом отслужили в Армии и работаем водителями, а вот его внучка, Овчинникова Лариса, пошла по стопам деда и стала учителем. Поработав в школе, после рождения малыша перешла в детский садик на должность воспитателя. В данное время она воспитывает двух маленьких сыновей.

Педагогическое училище в своё время окончила дочь Михаила Ивановича - Ольга Михайловна Хабарова. Она более четверти века работает воспитательницей в детском саду и среди родителей Сукремля пользуется заслуженным уважением.

Другая дочь Михаила Ивановича, моя мать – Епишенкова Валентина Михайловна - более 20 лет возглавляет Космачевский сельский совет. По профессии она библиотекарь.

Сейчас мой сынишка ещё мал, но когда он подрастёт, я обязательно расскажу ему про его прадеда – фронтовика. Жить и помнить – вот что главное».

Содержание:

Фронтовые дороги.....	5
«В живых я остался один...».....	11
Тайны думловского леса	14
«Сама не знаю, откуда брались силы...».....	22
В Манино к Митроховым	26
Выстоявшие в блокаду.....	31
В любви и согласии	40
Горькие и тяжелые годы	46
Награда искала героя 59 лет	51
Зоя Семеновна.....	54
Семья партизана	56
От Космачево до Берлина.....	61
Жить – значит действовать!.....	64
Все помню	69
В Носовке у Старновых.....	71
Мимолетная встреча.....	74
«А про меня забыли...».....	76
Подвиг во Славу Родины	78
«Вовочку мы так и не нашли...».....	86
Из рода Жигановых.....	90
Достойная пара.....	105
Сельский праведник.....	110
Их родина – Паломо.....	113
Солянкина Любовь Васильевна	116
Пастушенкова Татьяна Васильевна	119

Азаров Василий Васильевич	121
В санитарном эшелоне	123
Свидетельствуют внуки.....	127
Варенов Альберт Николаевич	127
Трофимкина Людмила Ивановна	131
Кузнецов Виктор Николаевич	132
Кулешов Руслан Валерьевич	134
Рыжиков Игорь	135
Епишенков Геннадий Анатольевич	136

